

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

В.Т. Тепкеев

ОЙРАТЫ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Элиста
2015

УДК 84(470.47)
ББК 63.3 (2)46
Т 341

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А.Н. Команджаев

Рецензенты:
кандидат исторических наук В. П. Санчилов
кандидат исторических наук И. В. Торопицын

Тепкеев В. Т.

Т 341 Ойраты в начале XVII века. – Элиста: КИГИ
РАН, 2015. - 198 с.

В книге рассматривается политическая история ойратов с момента их откочевки из Центральной Азии в степи Юго-Западной Сибири и Северного Прикаспия в начале XVII века. Подробно исследуются взаимоотношения ойратов с соседними народами. Немаловажную роль имеет и исследование русско-ойратских отношений, во многом определявших политическую историю регионов.

Книга рассчитана на историков и всех, кто интересуется историей России и калмыцкого народа.

ISBN 978-5-903833-92-4

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение
науки Калмыцкий институт
гуманитарных исследований РАН
Российской академии наук, 2015

© В.Т.Тепкеев, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Предпосылки откочевки ойратов из Центральной Азии в Западную Сибирь	
1.1. Внутриполитическое положение ойратского общества к началу XVII века	26
1.2. Внешнеполитическая ситуация в Центральной Азии накануне откочевки ойратов в Западную Сибирь	35
Глава 2. Установление русско-ойратских отношений в Западной Сибири в начале XVII века	
2.1. Первые посольские контакты ойратов с царской администрацией в Сибири	48
2.2. Русско-ойратские отношения во втором десятилетии XVII века	70
2.3. Русско-ойратские отношения в период войны ойратов с Алтын-ханом в 1620–1623 гг.	102
2.4. Русско-ойратские отношения в 1624–1625 гг.	129
Глава 3. Коренной перелом в политической расстановке ойратского общества	
3.1. Внутриполитический кризис в ойратском обществе в 1625–1630 гг.	143
3.2. Территориальный вопрос в русско-ойратских переговорах	168
Заключение	177
Источники и литература	189

ВВЕДЕНИЕ

Начало миграции ойратов в начале XVII в. занимает особое место в истории, поскольку этот исторический период коренным образом повлиял на дальнейшую историческую судьбу некогда единого народа. Именно с этого времени начинается активная фаза перемещения улусов ойратских тайшей из Центральной Азии в степи Юго-Западной Сибири и далее в западном направлении, они начинают играть заметную роль в международных отношениях.

Рамки исследования ограничиваются первой третью XVII в., когда ойраты начинают свою миграцию в пределы Западной Сибири и в конечном итоге появляются на степных пространствах Северного Прикаспия, где закладывается основа будущего Калмыцкого ханства. Немаловажную роль в работе имеют также и русско-ойратские отношения, которые во многом определяли политическую историю в указанных хронологических рамках.

Несмотря на неплохую степень изученности истории XVII столетия, всестороннее исследование внешних и внутренних политических отношений ойратов в этот период были исследованы недостаточно глубоко. Известно, что кочевые народы в различные эпохи играли важную роль в истории ряда стран Евразии. Это дает возможность поставить вопрос о степени политического влияния в регионе проживания ойратских тайшей и степени их самостоятельности во взаимоотношениях с Московским государством.

XVII столетие представляет наибольший интерес в изучении исторического прошлого калмыцкого народа, предками которого были ойраты (западные монголы). Начальный процесс политической интеграции ойратов в

российскую политику в XVII в. был весьма длительным и сложным. Появление ойратов у сибирских границ Московского государства и продвижение их на запад невольно заставляют искать исторические параллели с событиями прошлого, когда кочевые народы из степных глубин Азии стремительно продвигались на запад. Однако история ойратов начала XVII в. еще недостаточно исследована, а в исторической литературе по этому вопросу имеются противоречия. Фактический материал, извлеченный из архивных данных того времени, позволит приблизиться к истине, что даст возможность составить более достоверную историческую картину.

Основной целью работы является изучение всего комплекса политических отношений ойратов в начале XVII в. Исходя из цели работы и учитывая слабую изученность темы, а также ее многоплановый характер, автор поставил перед собой следующие задачи:

- показать причины миграции ойратов из Центральной Азии на территорию Западной Сибири;
- оценить характер русско-ойратских отношений, а также политику Московского государства в отношении кочевого народа в начале XVII в.;
- осветить политические события ойратской истории, особенно те, которые еще не нашли достаточного отражения, или же связанные с ними проблемы, которые до сих пор остаются дискуссионными;
- дать представление о конкретной политической обстановке в Центральной Азии, Западной Сибири, Приуралье и Северном Прикаспии.

История взаимоотношений России с кочевыми народами всегда интересовала как отечественных, так и зарубежных исследователей. Хотя история волжских ойратов исследуемого нами периода рассматривалась в работах

отдельных авторов, но она еще не становилась предметом глубокого исследования. История миграции части ойратского этноса на запад и его расселение в Северном Прикаспии изучается уже более трех столетий. За это время был выявлен и введен в научный оборот огромный массив источников, отражающих это событие.

Самые первые попытки исследования по истории ойратов XVII в., сопровождавшиеся публикацией документов, были предприняты в трудах выдающегося археографа и историка Г.Ф. Миллера. Во время поездки по Сибири (1734–1742 г.) Миллером было собрано большое количество документов и на их основе написана монументальная «История Сибири», увидевшая свет в 1750 г. и 1764 г. Она была переиздана в 1937 г. и 1941 г., и в этой работе использовано последнее издание¹. Для нас наибольший интерес представляет третий том сочинения, изданный впервые в 2005 г., и куда вошла ранее неопубликованная десятая глава под названием «Ойратские великие князья джунгарского поколения. Кучумовы царевичи и малые ойратские князья»². Здесь автор осветил отдельные эпизоды истории ойратов и русско-ойратские отношения на раннем этапе. Поскольку Миллер в своей работе использовал материал из сибирских архивов, то из его поля зрения выпала та ветвь ойратов, которая выдвинулась в степи Северного Прикаспия. Но для ознакомления с предысторией и выяснения истинных причин миграции части ойратов из южной части Западной Сибири на запад этот материал позволяет ответить на многие вопросы.

В 1761 г. переводчиком Коллегии иностранных дел В.М. Бакуниным была подготовлена работа «Описание ойратских народов и особливо из них торгоутского и по-

---

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000; Т. III. М., 2005.

² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. III. С. 8–38.

ступков их ханов и владельцев»³. Рукопись долгое время оставалась неопубликованной, и только в 1939 г. она в неполном виде была напечатана в журнале «Красный архив». В работе достаточно подробно описывается история взаимоотношений России с калмыцкими правителями в первой половине XVIII в., в то время как события XVII в. отражены весьма поверхностно. Более того, датировка некоторых событий не соответствует действительности. В целом работа Бакунина содержит несколько больше информации о XVII столетии, чем работы его предшественников. Но автор часто пользовался непроверенной информацией, которую многие исследователи, взяв у него без должного ее сравнения с архивными источниками, до сих пор используют в своих трудах.

В XIX столетии количество исследований, посвященных истории ойратов, резко возросло, но в основном их авторы опирались на уже опубликованные материалы. В историографии этого времени существовали различные точки зрения в оценке характера политических отношений России и ойратов.

Приход ойратов в степи Северного Прикаспия большинство авторов рассматривали в рамках концепции «нашествия кочевников» в пределы России с целью «восстановления империи Чингис-хана». В русле этой концепции лежит исследование Н.Я. Бичурина (Иакинфа)⁴, основанное на китайских источниках и опубликованных российских законодательных материалах. Истории ойратов XVII в. в этой работе отведено очень мало места, и

---

³ Бакунин В.М. Описание ойратских народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995.

⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или ойратов, с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.

сведения носят общий характер. Рассматривая причины прикочевки к русским границам, автор указывает на завоевательные устремления ойратов, подчеркивая, что это движение совершилось якобы с ведома и согласия остальных ойратских владетелей, с которыми волжские калмыки и в дальнейшем не прерывали связей. Всю вину за негативные моменты в русско-ойратских отношениях он возлагает на ойратов, объясняя их действия сплошным неподчинением и постоянным односторонним нарушением обязательств⁵. Ошибочность многих из этих суждений можно объяснить отсутствием серьезного архивного исследования русских документов того времени. Несмотря на очевидные недостатки, его работа представляет собой первое систематическое изложение истории ойратов и ойратов со времени падения Юаньской династии в Китае и до начала XIX в.

К проблеме определения характера русско-ойратских отношений в XVII в. обращались многие дореволюционные авторы. Одному из немногих авторов XIX в., кому удалось привлечь архивные материалы по истории ойратов в рассматриваемый период, был известный российский историк С.М. Соловьев. В своем монументальном труде «История России с древнейших времен»⁶ он отмечает, что калмыки являлись последними представителями «движения среднеазиатских кочевых орд на запад, в европейские пределы». Но, по мнению автора, это движение запоздало, так как оно натолкнулось на сильную Россию, и калмыки вынуждены были волею-неволею подчиниться власти последней. При этом подчиненность их была довольно шаткой.

⁵ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 81.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1991.

В 1886 г. появилась статья известного монголоведа А.М. Позднеева, которая представляет собой критический отклик на исторический очерк Новолетова⁷. Отметим, что А.М. Позднеев по истории ойратов XVII в. с точки зрения пополнения новых фактических данных не сказал ничего нового. Прикочевку ойратов к границам Русского государства он объяснял не слабостью «ойратского союза», а напротив – значительным его усилением. Почувствовав свою силу в объединении, ойраты, по его мнению, стали расширять свои владения и двинулись на новые территории, а само расселение происходило с ведома и согласия «ойратского союза». Царское правительство XVII в. он обвиняет в отсутствии какой-либо определенной политики по отношению к калмыкам. Заключенным многочисленным шертям, как он считает, кочевники никогда не придавали значения, «потому что содержание этих шертей осталось им неизвестным», поскольку они «писались на плоском или татарском языках, одинаково непонятных калмыкам»⁸.

Новые данные о кочевьях ойратов в начале XVII в. были опубликованы в статье Н.И. Веселовского⁹. На основе новых архивных данных автор делает вывод о том, что калмыки на Волге появились значительно раньше 1630–1632 гг., как единогласно утверждалось предшественниками. Можно согласиться с другим его выводом о том, что калмыки в тот период представляли собой значительную силу, так как сумели сохранить свою независимость в условиях враждебного окружения.

---

⁷ Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXLIV. Отд. 2. 1886. С. 140–170.

⁸ Позднеев А.М. Указ. соч. С. 167.

⁹ Веселовский Н.И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 365–370.

Рассмотрение работ дореволюционных авторов показывает, что большинство из них весьма мало внимания уделяло вопросам внутривосточных взаимоотношений ойратов и связей с соседними народами и государствами. Политические события начала XVII в. нашли в них весьма краткое и поверхностное освещение.

С началом советского периода и получением национальной автономии в калмыцком обществе резко возрос интерес к историческому прошлому, особенно к периоду становления и развития государственности в XVII–XVIII вв. В 1921 г. по приглашению руководства архивно-музейную секцию Калмыцкой автономной области возглавил Н.Н. Пальмов, который в ходе систематизации и описании архивных документов XVIII в. приступил к разработке истории Калмыцкого ханства. Одна за одной вышли его работы: в 1922 г. он издал в первом номере «Ойратских известий» краткий «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России»¹⁰, а в 1926–1932 гг. – «Этюды по истории приволжских ойратов» в пяти частях, из которых нашему периоду посвящена первая часть¹¹.

Но ввиду того, что материалы по истории ойратов XVII в. в основном хранились в архивах Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда) и были малодоступны, по интересующему нас периоду труды проф. Н.Н. Пальмова дали очень немного новых сведений. В силу ограниченности источниковой базы при изучении истории ойратов XVII в. он в основном опирался на немногие ойратские летописи, такие как «История калмыцких ханов», и работы авторов XIX века. Пальмов критически отнесся к взглядам

¹⁰ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992.

¹¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории волжских ойратов XVII и XVIII века. Ч. I. Астрахань, 1926.

А.М. Позднеева и Н.Я. Бичурина на причины появления ойратов у сибирских границ Московского государства. Так, он высказывает мысль о том, что калмыцкая миграция из Джунгарии была вызвана естественными причинами, такими как стремлением обособиться друг от друга, возросшей численностью населения и необходимостью расширить пастбища для скота¹².

По поводу времени появления ойратов на берегах Волги Н.Н. Пальмов отметил, что «не так важно искать годы, когда калмыки увидели Волгу в первый раз – они могли увидеть ее вскоре после того как стали производить свои налеты на ногайцев в начале XVII века – но гораздо важнее определить тот политический момент, которым воспользовались калмыки и, подойдя к Волге, почувствовали себя господами положения в такой степени, что перестали опасаться за свою дальнейшую судьбу и порешили остаться здесь»¹³. Рассматривая в целом территориальный вопрос, Н.Н. Пальмов справедливо отмечает, «что между моментом, когда калмыки познакомились с Волгой, и временем, когда они получили фактическую возможность пользоваться кочевьями на Ногайской стороне Волги, прошло несколько десятилетий, и что наличные источники позволяют считать калмыков более или менее прочно прикрепившимися к левобережным кочевьям на Волге с 1655 г.»¹⁴.

В 1929 – начале 1930 года по просьбе Н.Н. Пальмова к изучению истории ойратов XVII в. приступил один из серьезных знатоков архивного дела, специалист по истории Москвы, представитель «школы Ключевского» – Сергей Константинович Богоявленский. Именно его можно отнести к «пионерам» историографии ойратов XVII столетия,

¹² Пальмов Н.Н. Очерк... С. 31.

¹³ Пальмов Н.Н. Этюды... Ч. I. С. 4.

¹⁴ Пальмов Н.Н. Этюды... Ч. 5. С. 1, 2.

поскольку ему впервые удалось ввести в научный оборот огромный массив архивных материалов за указанный период. Результатом этой работы стала рукопись «Материалы по истории торгоутов»¹⁵, которая, к сожалению, так и не была опубликована целиком и судьба которой до сих пор неизвестна. Однако сокращенное содержание этого исследования стало широко известно благодаря вышедшей в свет в 1939 г. статье под названием «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века»¹⁶.

Именно ему на основе многочисленных архивных документов впервые удалось осветить в подробностях малоизвестный до этого времени процесс движения ойратских улусов на запад и опровергнуть ряд ошибочных утверждений своих предшественников. Опираясь на фонды Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне – Российский государственный архив древних актов), С.К. Богоявленский в четкой хронологической последовательности изложил сведения по истории ойратов до 1645 г. включительно, а также составил ценную историческую справку о тайшах того времени. Неслучайно работа им названа «материалами», ибо она представляет собой добросовестную сводку фактических данных. Естественно, что статья С.К. Богоявленского не ставила целью исследовательскую разработку затронутых в ней вопросов, хотя в ряде случаев автор и пытался соответствующим подбором источников выявить свое отношение к тем или иным сторонам жизни ойратов XVII в. Кроме того, С.К. Богоявленский внес существенные фактические по-

---

¹⁵ Название этой рукописи фигурирует в списке «Работы С.К. Богоявленского» (от 6 января 1944 г.) в разделе «Архивоведение и археография», которая хранится в Архиве РАН.

¹⁶ *Богоявленский С.К.* Материалы по истории ойратов в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.

правки к существовавшим до него представлениям. Так, он опроверг господствовавшее долгое время в исторической литературе утверждение о гибели Хо-Урлюка под стенами Астрахани во время осады и по архивным данным выяснил, что на самом деле он погиб в Кабарде в 1644 г.¹⁷

В 1947 г. вышла статья Н.В. Устюгова¹⁸, весьма подробно раскрывающая непростую историю калмыцко-башкирских взаимоотношений в 20–60-е годы XVII века. На основе новых архивных материалов автор подробно рассматривает политику царского правительства к взаимоотношениям двух народов, которые в этот период он называет «сложными и, в основном, враждебными», что было обусловлено борьбой за кочевья. Московское правительство, по мнению Н.В. Устюгова, до 1661 г. неизменно поддерживало интересы башкир и добивалось откочевки ойратов от границ Башкирии¹⁹.

В капитальном труде А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века»²⁰ нашли довольно полное отражение калмыцко-ногайские взаимоотношения в первой половине XVII века.

С восстановлением калмыцкой автономии в 1957 г. и официальным празднованием 350-летия вхождения калмыцкого народа в состав России в 1959 г. интерес к истории ойратов возрос с новой силой. Особенно актуальным стало изучение истории русско-ойратских отношений в XVII столетии. В 1960-х гг. этой тематике были посвящены сразу две диссертационные работы ученых – П.С. Пре-

---

¹⁷ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 82.

¹⁸ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. № 24. 1947. С. 30–110.

¹⁹ *Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 56.

²⁰ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.

ображенской и М.А. Кичикова. Работа с архивными материалами позволила этим исследователям ввести в научный оборот ранее неизвестные факты по истории ойратов XVII в., определить предпосылки вхождения ойратов в состав Российского государства и установить время образования Калмыцкого ханства.

Первой серьезной работой по истории ойратов XVII в. в этот период можно считать статью московской исследовательницы П.С. Преображенской «Из истории русско-ойратских отношений в 50–60-х годах XVII в.»²¹. На основе архивных материалов автор в ней достаточно подробно рассматривает историю русско-ойратских отношений за указанные годы. В дальнейшем этот материал стал частью диссертационного исследования П.С. Преображенской, успешно защищенной ею в 1963 году²². Анализируя архивные документы, П.С. Преображенская приходит к главному выводу, что присоединение ойратов к России представляло собой «сложный и длительный процесс, растянувшийся почти на столетия». Начальный этап присоединения она относит к 1606–1608 гг., а фактическое подданство только с 1657 г. При этом автор делает существенную оговорку, говоря, что и после окончательного вхождения ойратские тайши надолго сохранили полную свободу в вопросах внутренней жизни улусов, а также известную свободу внешних сношений²³.

---

²¹ Преображенская П.С. Из истории русско-ойратских отношений в 50–60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып.1. С. 49–83.

²² Преображенская П.С. Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Автореф. канд. дис. М., 1963.

²³ Преображенская П.С. Калмыки в первой половине XVII века... С. 14, 15.

М.А. Кичиков, подводя итоги своего диссертационного исследования²⁴, приходит к выводу, что приход ойратов на Волгу не был результатом «нашествия или экспансии», а являлся результатом «объективного исторического процесса». «Вхождение» автор также называет не одномоментным событием, а результатом «сложного процесса», получившему начало в 1608–1609 гг. и завершившемуся соглашениями 1655 и 1657 гг.²⁵. Основное содержание диссертации М.А. Кичикова было изложено в его монографии²⁶, вышедшей в 1966 г., и последующем переиздании²⁷.

К сожалению, в дальнейшем П.С. Преображенская и М.А. Кичиков отказались от продолжения исследования этого периода, но их материалы вошли в третью и четвертую главы первого тома «Очерков истории Калмыцкой АССР»²⁸. Также к написанию этого коллективного труда были привлечены и другие известные советские историки: Н.В. Устюгов, И.Я. Златкин, Е.Н. Кушева. Выход в свет «Очерков» стали большим событием в общественной жизни Калмыкии и на многие годы являлись единственной обобщающей работой по истории ойратов.

В 1964 г. вышло в свет фундаментальное исследование И.Я. Златкина, посвященное истории Джунгарского ханства и выдержавшее два издания²⁹. Данный труд, ос-

---

²⁴ Кичиков М.А. Образование Калмыцкого ханства в составе России (1607-1664): автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т народов Азии, КНИИЯЛИ. М.-Элиста, 1963.

²⁵ Кичиков М.А. Указ. соч. С. 13, 14.

²⁶ Кичиков М.А. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966.

²⁷ Кичиков М.А. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994.

²⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / Под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967.

²⁹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1983.

нованный на богатой источниковой базе, подводит итог изучению истории ойратов более чем за двухсотлетний период. В своей работе И.Я. Златкин опирался преимущественно на русские архивные материалы, но он также впервые широко использовал и монголо-ойратские источники, что, несомненно, положительно сказалось в целом на его исследовании.

К сожалению, в дальнейшем в историографии уже не отмечалось новых серьезных попыток провести тщательное исследование истории ойратов XVII столетия с привлечением широкого круга архивных материалов. Как часть основной темы сведения об ойратах начала XVII в. прослеживаются в трудах многих исследователей.

Первым крупным исследованием на рубеже XX–XXI вв. по социально-политической истории ойратов стали работы М.М. Батмаева, венцом которых стала вышедшая в 2002 г. монография³⁰. Правда, исследованию архивных документов XVII в. автор уделил свое внимание в основном эпохе правления Аюки-хана, в то время как по нашему периоду им использовались только опубликованные материалы.

Вопросам политических взаимоотношений ойратов с Россией в XVII столетии посвящены работы К.Н. Максимова³¹. По мнению автора, Россия до середины XVII в. стремилась строить взаимоотношения с калмыками на

---

³⁰ *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство ойратов в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.

³¹ *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М., 2002; *Он же.* Роль шерты в правовой инкорпорации ойратов в российское подданство // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. Элиста, 2008. С. 71–90; *Он же.* Калмыки в геостратегических планах России XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2013. С. 5–10.

добровольных договорных началах, основанных на «вассально-сеньориальных отношениях». В то же время калмыки желали установить «иммунитетные политические отношения», не исключая принципы «сюзеренитета–вассалитета», где обе стороны должны были выступать «носителями суверенитета»³².

Две главы нашему периоду посвятил в своей монографии В.И. Колесник³³. Оценивая непростой характер русско-ойратских отношений в Западно Сибири, Колесник делает существенное объяснение, что «царское правительство не располагало в регионе достаточным военным и административным потенциалом для того, чтобы надежно оборонять его от внешних врагов и контролировать здесь своих собственных подданных»³⁴.

Проблеме русско-калмыцких политических взаимоотношений посвятил в своей монографии А.В. Цюрюмов³⁵. На начальном этапе отношений ойратов с Москвой (первая четверть XVII в.), как отмечает автор, основными формами являлись дипломатические и торгово-экономические связи, история которых была очень сложной и изобиловала как взлетами, так и падениями. Россия, по мнению А.В. Цюрюмова, не стремилась не стремилась к насильственному увеличению своих территорий за счет владений кочевников-калмыков, а преследовала другую цель – обезопасить свои восточные границы, «поэтому правительство постоянно рекомендовало сибирским вое-

---

³² Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике... С. 509.

³³ Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход ойратов из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

³⁴ Колесник В.И. Указ. соч. С. 94.

³⁵ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.

водам не вмешиваться во внутриойратские конфликты, заботясь, прежде всего, о создании условий для развития мирных взаимосвязей»³⁶.

В рамках празднования 400-летия вхождения калмыцкого народа в 2009 г. в свет вышел первый том 3-томной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней». Третий раздел «Истории» в авторстве В.П. Санчинова и М.М. Батмаева полностью посвящен нашему периоду. В своей части раздела В.П. Санчинов впервые ввел в научный оборот ранее неизвестные для российской историографии выдержки в русском переводе из материалов ойратских письменных памятников XVIII–XIX вв.

Теме калмыцко-ногайских отношений XVII в. в своих работах уделили внимание В.В. Трепавлов³⁷ и Е.В. Кусаинова³⁸. Включив в научный оборот большой массив архивных документов «Калмыцких» и «Ногайских дел», В.В. Трепавлов вполне верно замечает, что вытеснение ногаев не являлось целью ойратских владельцев, так как им нужны были «пространство для кочевания и покорные подданные». Попытки ойратов вернуть к себе ногайских беженцев русским правительством всячески пресекались. В целом, как отмечает автор, «калмыцкое нашествие имело роковые последствия для исторических судеб Большой Ногайской Орды», а ногаи, лишившись привычной территории, рассеялись по причерноморским степям³⁹.

Истории калмыцко-башкирских отношений посвящено немало работ, но среди них хотелось бы выделить

---

³⁶ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство... С. 365.

³⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002; Он же. Алтыулы: остатки Ногайской орды в казахских степях // Вестник Евразии. М., 2001. № 2. С. 33–53.

³⁸ Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005.

³⁹ Трепавлов В.В. История... С. 414, 415.

третий том 7-томной «Истории башкирского народа»⁴⁰. На основе документальных источников и литературы авторы освещают сложный исторический процесс в отношениях двух народов в рассматриваемый нами период.

Зарубежная историография также не отличается привлечением новых архивных материалов, а ее авторы ограничиваются лишь анализом уже известных опубликованных материалов. В 1966 г. впервые в американской историографии вышел «Калмыцко-ойратский сборник» под редакцией А.Э. Борманжинова и И. Крюгера. Наибольший интерес для нас представляет вышедшая в нем статья русского историка Г.В. Вернадского⁴¹. На основе опубликованных материалов он дает краткий обзор русско-калмыцким отношениям с начала XVII в. и до 1655 г.⁴²

В зарубежных востоковедных изданиях появился целый ряд работ, в которых оспариваются многие выводы советского историка И.Я. Златкина и подвергаются ревизии его изложения ойратской истории и трактовка конкретных событий. К ним можно причислить японскую исследовательницу Дзюнко Мияваки, которая опубликовала ряд статей по истории ойратов XVII в.⁴³, применив сравнительно-сопоставительный анализ всех видов источников на разных языках. Подобный источниковедческий

---

⁴⁰ История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кушаринов. Уфа, 2011. Т. III.

⁴¹ *Вернадский Г.В.* Историческая основа русско-ойратских отношений // Калмыцко-ойратский сборник / Под ред. А.Э. Борманжинова, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 11–50.

⁴² *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 33.

⁴³ *Miyawaki, Junko.* A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1991. Vol. 83; *Она же.* Internal Rivalries in the Four Oyirad Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260.

подход позволил ей расширить фактологическую базу исследований и приблизиться к пониманию их подлинного смысла. Так, Дз. Мияваки внесла существенные коррективы в работу И.Я. Златкина и правильно интерпретировала события междоусобной войны ойратов 1625–1630 гг.⁴⁴, которая имела судьбоносное значение для всей ойратской истории и стала главной причиной появления ойратов в Северном Прикаспии.

Несмотря на столь длительное и в целом плодотворное изучение истории ойратов XVII столетия, в современной историографии нет единого мнения даже в отношении хронологии событий. В этом издании многие страницы истории калмыцкого народа в XVII в. подвергаются новому прочтению и серьезному переосмыслению.

Источниковую базу исследования составляет широкий круг архивных документов, в большинстве своем неопубликованных. История калмыцкого народа XVII в. довольно полно отражена в документальных материалах Российского государственного архива древних актов. В фондах государственных учреждений, ведавших связями с калмыками, отложилось большое количество документов делопроизводственного характера, составляющих документальную основу в нашей работе. С прикочевкой ойратских улусов в начале столетия к сибирским границам Московского государства связи с калмыками поддерживались через приказ Казанского дворца, Сибирский приказ или Посольский приказ. Если материалы Сибирского приказа в достаточной мере отражают начальный этап миграции ойратов и русско-ойратских отношений, то материалы приказа Казанского дворца интересующего нас периода таких больших сведений нам не дают, так как

---

⁴⁴ Мияваки-Окада Дз. Ойратские тайши в начале XVII века / Пер. с англ. В. Санчирова // Altaika IV. М., 2000. С. 70–77.

архив этого приказа неоднократно горел и понес большие потери. При подготовке данной работы особое внимание уделялось комплексному изучению еще неопубликованных материалов Посольского приказа, состоящих из нескольких фондов: 119 («Калмыцкие дела»), 127 («Сношения России с ногайскими татарами» или «Ногайские дела») и 214 («Сибирские дела»).

Документы «Калмыцких дел», которые ведут отсчет с 1616 г., достаточно в полной мере отражают историю заселения калмыками степей Северного Прикаспия, взаимоотношения их с соседними народами и государствами и интеграции в политическое поле Московского государства. Характер русско-ойратских отношений в полной мере раскрывают шертные записи тайшей, жалованные и дипломатические царские грамоты, дела об ойратских и русских посольствах. Особый научный интерес вызывают «листы» (личные письма) тайшей центральным и региональным властям, составленные на старописьменном татарском, калмыцком и монгольском языках.

«Ногайские дела» подробно освещают взаимоотношения ойратов с различными ногайскими группами, кочевавших в Нижнем Поволжье. Особое внимание автором уделялось изучению многочисленных отписок астраханских воевод в Посольский приказ, где среди различных сведений о положении ногайцев затрагивалась и калмыцкая тематика.

Все эти архивные материалы можно классифицировать следующим образом: отчеты царских воевод различных городов Сибири, Приуралья, Поволжья; грамоты Посольского Приказа и Приказа Казанского дворца; отчеты и доклады русских послов и посланцев, служилых людей, посещавших ойратские улусы для ведения переговоров; показания пленных, беженцев и торговых людей; записи

приема ойратских послов в различных русских городах и Москве; договоры и шертные записи, а также грамоты царей; переписка ойратских тайшей и ногайских мирз с различными органами власти России.

Краткий обзор всех названных выше групп источников свидетельствует о чрезвычайном их богатстве и разнообразии. Значение русских архивных документов трудно переоценить, поскольку они единственные содержат сведения о внутреннем положении и внешней политике ойратов, данные об экономической, общественно-политической и культурной жизни ойратов в XVII столетии. Но при работе с такими материалами необходимо принимать во внимание характер тех или иных сведений, их достоверность, поскольку в них запечатлены вольные или невольные следы политической конъюнктуры. В особенности это касается официальных донесений воевод, стремившихся представить свою деятельность перед Москвой в более выгодном свете, и приводимых в этих донесениях показаний различных агентов, побывавших в ойратских улусах, которые могли выдавать свои предположения за факты, слухи – за действительные происшествия, а иногда и намеренно вводить местные власти в заблуждение⁴⁵.

При рассмотрении сборников материалов, относящихся к истории калмыцкого народа и изданных в до-революционное время, прежде всего бросается в глаза их бессистемность и большие хронологические разрывы между опубликованными документами. Надо отметить, что до революции не было ни одного специального издания документов по истории ойратов. Весьма значительное их количество было опубликовано Археографической комиссией в отдельных томах «Русской исторической

---

⁴⁵ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 50.

библиотеки»⁴⁶, «Актов исторических»⁴⁷ и «Дополнениях к Актам историческим»⁴⁸.

Основная масса материалов о калмыках встречается в сборниках документов, посвященных истории других народов России. «Материалы по истории Башкирской АССР»⁴⁹ проливают свет на отношения кочевников с народами Приуралья. Специальные издания источников, включая переводы из сочинений восточных авторов, такие как «Материалы по истории Туркменской, Таджикской и Узбекской ССР»⁵⁰ и «Материалы по истории туркмен и Туркмении»⁵¹ освещают лишь отдельные эпизоды взаимоотношений волжских ойратов с народами и государствами Средней Азией.

Существенным дополнением к данным русских архивных документов могут служить и ойратские историко-генеалогические сочинения XVIII–XIX вв.: «История дурбэн-ойратов» Габан Шараба, «История дурбэн-ойратов» Батур-Убаши Тюменя, «Краткая история ойратских ханов»

⁴⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875; Т. 26. Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909; Т. 29. Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913; Русская историческая библиотека Министерства Народного Просвещения. Т. 34. Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917.

⁴⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1841; Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842.

⁴⁸ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1846; Т. 3. СПб., 1848; Т. 6. СПб., 1857.

⁴⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.-Л., 1936.

⁵⁰ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1933.

⁵¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М.-Л., 1938.

и «История Хо-Урлюка» анонимных авторов. Первые два сочинения сходны по структуре и содержанию, содержат родословные ойратских князей и рассказы об их поступках. В «Истории ойратских ханов» в хронологической последовательности повествуется об основных вехах истории ойратов со времени их поселения на Волге. Выдержки из анонимной летописи «История Хо-Урлюка» в переводе В.П. Санчирова дают нам несколько ранее неизвестных фактов о событиях XVII в., правда, без указания на даты, что, конечно, значительно затрудняет трактовку указанных исторических событий.

Изучая историю ойратов в Северном Прикаспии, невозможно обойти вниманием и сочинения среднеазиатских авторов, которые в большинстве своем опубликованы в русском переводе⁵². Значительная часть из них опубликована на русском языке в извлечениях, вошедших в различные тематические сборники документов и материалов⁵³. Сведения о калмыках в них имеют случайный характер, но использование этих источников в купе с русскими и калмыцкими материалами расширяет наши возможности в изучении этого периода.

---

⁵² *Абуль-Гази*. История монголов и татар / Пер. с перс. Г.С. Саблукова // Известия Казанского университета. Казань, 1905. Т. 21.

⁵³ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М.-Л., 1938; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып.3. Ч. 1. Л., 1933.

Глава 1.

ПРЕДПОСЫЛКИ ОТКОЧЕВКИ ОЙРАТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

1.1. Внутреннее положение ойратского общества к началу XVII века

Ойраты к началу XVII в. не представляли собой нечто устойчивое и этнически однородное. Сами ойраты называли себя *дурбэн-ойратами* (букв. «четыре ойрата»). Подобно другим кочевым народам, ойраты имели сложную и широко разветвленную родоплеменную структуру. Всех их объединяла традиция единого генеалогического древа и власть наследственных правителей, стоявших во главе родоплеменных ополчений и собственных военных дружин, которые жили только воинским делом. В ходе дальнейшей эволюции социально-политической структуры ойратского общества происходило его движение к объединению в более крупные коллективы – «улусы» и «аймаки», в основе общности которых лежали уже не кровнородственные, а социально-политические и территориальные связи. Тенденции к политической интеграции у кочевых народов связаны с различными факторами.

На рубеже XVI–XVII вв. ойратское общество представляло собой уже не рыхлый союз родоплеменных образований, а политический союз, куда входили пять крупных

этнополитических объединений: хошутов, торгутов, дербетов, джунгаров и хойтов. Это были разросшиеся родоплеменные объединения, каждое из которых имело свою родоплеменную структуру и управлялось собственным независимым правителем. Эти объединения с течением времени поглотили и растворили в своем составе многие прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фактор. Тем не менее, помимо них некоторые старые племенные общности еще продолжали сохраняться¹.

По мере усиления позиций хошутских, торгутских, джунгарских и дербетских князей в политической жизни ойратского общества племенные объединения хойтов, баатутов и баргу-бураатов оказались оттеснены на второй план, а некоторые из них перестали существовать как единое целое. Например, хойты с баатуты вскоре утратили свое значение в политической жизни ойратов. Значительная часть хойтов попала в зависимость к дербетским князьям и перестала играть заметную роль в событиях XVII–XVIII вв. Другая их часть в ходе длительных войн с монголами оказалась под властью монгольских князей. Такое их положение было юридически закреплено на съезде монгольских и ойратских князей 1640 года².

Среди вышеперечисленных этнических компонентов складывавшейся ойратской народности только хойты, баатуты и баргу-бурааты были по происхождению связаны с родоплеменными группами древних ойратов Восьмире-

---

¹ История Калмыкии... 2009. Т. 1. С. 247.

² В «Великом уложении» по этому поводу сообщается: «Полколения Баргу, Батут и Хойт, находившиеся с года огня-змеи (1617 г.) по год земли-дракона (1628 г.) у Монголов, должны оставаться во владении Монголов, а находившиеся у Ойратов – во владении Ойратов» (*Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб., 1880. С. 36).

чья. Эти племенные объединения еще в первой трети XVII в. были поглощены более крупными и мощными ойратскими и монгольскими владениями и с течением времени, за исключением хойтов, совсем перестали упоминаться в источниках³.

Племенные объединения торгутов и хошутов появляются в составе средневековых ойратов Монголии в XV в. Можно предположить, что часть выживших после войны с Чингис-ханом керейтов в дальнейшем объединила вокруг себя остатки различных древнемонгольских племен и, консолидировавшись в новую этнополитическую общность, выступила на арену истории под названием *торгутов*. Хошуты, получившие свое название якобы от Тогонатайши, первоначально являлись частью так называемых «монголов Трех гарнизонов», т.е. трех северо-восточных военных округов Минской империи, основанных в 1389 г. на восточных склонах гор Большого Хингана минским императором Хун-у для охраны границы Китая. Династия хошутских тайшей возводила свое происхождение к младшему брату Чингис-хана – Хабуту Хасару. В ойратском сочинении неизвестного автора середины XIX в. сообщается о том, что один из потомков Хабуту Хасара откочевал со своими людьми на запад к ойратскому Тогону и отдался под его покровительство, за что тот, выдав за него замуж свою дочь и сделав его своим зятем, поселил его в своих владениях⁴.

Ойратские этнополитические объединения включали в себя как родственные, так и неродственные родоплеменные группы. Доминирующую роль в управлении этими образованиями играл возвысившийся над прочими родовыми подразделениями какой-нибудь отдельный род,

---

³ История Калмыкии... 2009. Т. 1. С. 248, 249.

⁴ История Калмыкии... 2009. Т. 1. С. 248.

как, например, аристократический род *Цорос (Чорос)* у джунгаров и дербетов, род *Йэкэ Мингган* у хойтов, род *Кереит* у торгутов и род *Галгас* у хошутов. Таким образом, в ойратском обществе представители аристократических родов и кочевой знати, составившие особое привилегированное сословие, заняли высший наследственно-замкнутый слой общества.

Также для ойратских правителей огромное значение имели личные качества и способности, в том числе военные или административные таланты. Признанием этого служили обладание ими высшими титулами знатности («сэцэн», «мэргэн», «өрлök», «баатур», «дайчин», а позднее «тайджи», «тайши» и «хан»), что обеспечивало ему определенный общественный статус. Но это не исключало возможности захвата, узурпации и закрепления за собой таких же прав другими соперничавшими с ним представителями правящего рода. Как результат, имели место частые случаи перераспределения власти внутри ойратского общества. Отношения между отдельными членами знатных ойратских семей были чрезвычайно конфликтными, а баланс сил между различными ойратскими улусами и группировками весьма неустойчивым и неопределенным. Это вызывало междоусобные войны как между крупными этнополитическими объединениями, так и внутри каждого из них⁵.

Правители улусов, опираясь на мощь своих владений и поддержку родственных групп, а также более многочисленную дружину, могли сплотить вокруг себя и подчинить своей власти не только правителей своего улуса, но и нойонов из других улусов, примкнувших к нему в качестве союзников или вассалов. В случае смерти или поражения доминирующего правителя конгломерат различных родопле-

---

⁵ История Калмыкии... 2009. Т. 1. С. 249.

менных подразделений, находившихся под его властью, легко рассыпался. Более того, еще при его жизни зависимые от него союзники или вассалы в случае изменения в худшую сторону его положения в ойратском обществе могли перевернуться на сторону его противников, сделавшись его врагами, и откочевать на новые территории.

Развитие скотоводства было невозможно без ввода в хозяйственный оборот дополнительных кормовых угодий. Естественный рост поголовья скота, особенно в крупных хозяйствах, приводил к такому положению, когда старые пастбищные территории оказывались недостаточными, а пастбищные резервы полностью использованными⁶. По мнению И.Я. Златкина, «отсутствие свободных земель внутри ойратских владений толкало их правителей на путь взаимной борьбы и внешней экспансии. Военные неудачи в борьбе вели к дальнейшему сокращению пастбищных территорий, что в свою очередь обостряло внутреннюю межфеодалную борьбу, обессиливавшую как ее непосредственных участников, так и ойратское общество в целом»⁷.

Все это усложнялось и процессом дробления улусов внутри каждого этнополитического объединения. Согласно существовавшему традиционному порядку наследования каждый большой или малый правитель еще при жизни делил доставшийся ему наследственный удел между своими многочисленными сыновьями и, следовательно, должен был выделить каждому сыну в качестве его доли в наследстве определенное количество кибиток или улусных людей. Это приводило к измельчанию отдельных некогда крупных и многочисленных этнополитических объедине-

⁶ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. С. 80; Кичиков М.А. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966. С. 73-75.

⁷ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 158

ний и падение их политической мощи. Они становятся легкой добычей для своих более могущественных соседей. Так произошло с улусами хойтских, баатутских и баргубураатских князей⁸.

Многочисленные ойратские владения были не зависимы друг от друга и никому не подчинялись, кроме стоявших во главе их наследственных правителей. Убедительную характеристику внутренней обстановки, сложившейся к концу XVI в. в ойратском обществе, дал Ю. Лыткин: «По смерти Есеня, главы Чоросского дома, ойраты принуждены были отказаться от влияния на дела монголов и ограничить круг своих действий пределами собственных владений. У них были те же следствия, как и в Монголии: владетели поколений не оказывали должного уважения Чоросскому дому, первенствовавшему на Ойратском сейме, и следовали своим личным интересам; редко и подвластные им нойоны руководились тем же. Образовалось множество владельцев, которые самостоятельно и независимо распоряжались в своем улусе, отнимали друг у друга улусы, увеличивали свои силы и снова падали перед сильнейшим; лишь только в общих делах, касавшихся всех ойратских поколений, они соединялись вместе»⁹.

С середины XVI в. у ойратов наметилась и получила дальнейшее развитие тенденция к новому объединению в рамках Ойратского союза – военно-политического объединения западномонгольских племен. Такие племенные объединения кочевников не всегда формировались на добровольной основе. Угроза потери самостоятельности и борьба с халха-монголами за обладание пастбищными территориями в Центральной и Западной Монголии побуждали ойратских правителей координировать свои

⁸ История Калмыкии... Т. 1. С. 250.

⁹ Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники. С. 90.

действия перед лицом общей опасности. В этих условиях возрастала роль такого политического института Ойратского союза, как съезды князей («сеймов»). По мнению И.Я. Златкина, частые войны и связанное с ними длительное политическое и хозяйственное напряжение сделали необходимыми периодические съезды («чулганы», или «хуралы») владетельных князей и вызвали к жизни институт «чулган-дарги» (руководителя, председателя чулгана), в задачу которого входило согласование действий владетельных князей. Лицо, занимавшее должность чулган-дарги, было всего лишь выборным «согласователем»¹⁰.

Как показывают китайские источники, ойраты, воспользовавшись борьбой за власть среди восточных монголов, посчитали, что «пришло время освободиться от монгольского владычества и гнета» и «объединив свои силы и помыслы, гарантировать себе спокойную жизнь и благополучие». Для этого влиятельные князья всех ойратских этнополитических объединений собрались на съезд и приняли решение возродить древний обычай созывать такие съезды и впредь для урегулирования внутренних противоречий и обеспечения объединения сил и взаимной помощи в борьбе с восточными монголами. Поскольку хошутские князья были потомками младшего брата Чингис-хана Хабуту-Хасара, то ойратские князья, считая, что он будет пользоваться влиянием у монголов, выбрали председателем дурбэн-ойратского чуулгана хошутского предводителя Бубэй-мирзу»¹¹. В «Илэтхэл шастир» указывается, что у хошутов «достоинство ханское наследуется» от Бубэй-мирзы¹². Представители правящей хошутской династии

¹⁰ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 113.

¹¹ *Namsarai. Jëgünÿar qayantu ulus-un teüke // Öber Mongÿol-un arad-un keblel-ün qoriya*, 1996. С. 38.

¹² Санциров В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. С. 61.

(Бубэй-мирза, Ханай-нойон Хонггор, Байбагас-баатур и Очирту Цэцэн-хан) более века стояли во главе Ойратского союза. Хошуты в это время были наиболее сплоченным и многочисленным этнополитическим объединением среди ойратов¹³.

У хошутского Ханай-нойон Хонггора от старшей жены Ахай-хатун родилось пятеро сыновей, в дальнейшем известных в ойратской истории и прозванных «Пятью барсами» («Табун барс»). Из них наиболее известны Байбагас-баатур, Торубайху Гууши-хан и Дургучи Кунделен-Убаши. Ввиду малолетства сыновей Ханай-нойон Хонггора среди ойратских князей не оказалось другого авторитетного правителя, подобно ему способного возглавить Ойратский союз. Поэтому ойратам после того, как они восстали и убили присланного к ним монгольского наместника Субагатая в 1586 г., не удалось отстоять свою независимость от восточных монголов. П.С. Паллас указывает на те времена, когда объединенные ойратские народы, наследственные князья которых были несовершеннолетними и над которыми монголы пытались удержать свое прежнее господство. Они вынуждены были признать верховную власть над собой Лайхур-хана и частично платить ему дань¹⁴. Их прежние кочевья на реках Хунгуй и Дзабхан перешли к восточным монголам¹⁵.

В результате военных поражений от Алтын-хана ойраты в значительной своей части оказались вытеснены за пределы Западной Монголии и откочевали за линию Монгольского Алтая. На рубеже XVI–XVII вв. кочевья ойратов на востоке простирались до окрестностей озера Баркуль, а на западном фланге они включали территорию завое-

¹³ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 251.

¹⁴ Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. SPb., 1776. S. 36.

¹⁵ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 252.

ванного джунгарами Семиречья и верховья рек Нарын и Чу и граничили с владениями казахского Старшего жуза. На юге располагались кочевья хошуттов, которые граничили с Восточным Туркестаном. На севере кочевья дербетов, обитавших по Черному Иртышу и около оз. Зайсан, доходили до Бухтармы. Рядом с ними у южных и западных отрогов Тарбагатая находились кочевья торгуттов. В источниках упоминается еще небольшое владение хойтов, кочевья которых располагались у самых истоков реки Иртыш, гранича с владениями державы Алтын-ханов. В самой Монголии остались только те ойратские улусы, которые потеряли свою самостоятельность и вошли в состав этого государства. Однако границы отдельных ойратских владений не были постоянными, они быстро изменялись в зависимости от политической обстановки¹⁶.

В конце XVI в. ойратское общество переживало и глубокий внутренний кризис, который был прямым следствием военных неудач в борьбе с Алтын-ханом, что привело к значительным потерям территории в Западной Монголии, росту численности стад и междоусобицам среди крупных ойратских владельцев, когда каждый из них стремился поправить свои дела за счет соседей. Некоторые старшие тайши видели выход из кризиса в откочевке своих улусов на новые территории, овладение которыми не требовало бы от них больших потерь. В результате перемещения ойратских улусов кочевья дербетских и торгутских владельцев на рубеже XVI–XVII вв. оказались на северо-западной окраине ойратских владений.

По мнению И.Я. Златкина, тайша Хара-Хула пытался объединить ойратов под главенством именно цоросского дома, как это было в XV в. – во времена гегемонии их правителей Тогона и Эсена. Но другие тайши, не желая под-

---

¹⁶ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 252.

чиняться власти цоросов, со своими улусами откочевали в районы Юго-Западной Сибири¹⁷. Главным оппонентом Хара-Хулы внутри цоросского дома были дербетские тайши во главе с Далай-Батуром. Именно они стали главными инициаторами откочевки в пределы Юго-Западной Сибири, чтобы там совместно с торгутскими тайшами основать собственный центр кочевий, как политический противовес джунгарским тайшам. Позже к ним присоединились и хошутские тайши, что значительно укрепило позиции Далай-Батура. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий джунгарам удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в границах созданного ими Джунгарского ханства.

1.2. Внешнеполитическая ситуация в Центральной Азии накануне откочевки ойратов в Западную Сибирь

После смерти Эсэн-хана раздробленность Монголии еще более усилилась. Авторитет и реальная сила верховной ханской власти пришли в совершенный упадок, поскольку владетельные монгольские и ойратские князья снова стали проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику в своих кочевых княжествах, не считаясь с властью всемонгольского хана. Ойраты до XVII в. номинально входили в состав единого монгольского государства «Сорока и Четырех», хотя в отдельные периоды пользовались полной самостоятельностью. Начиная со второй половины XVI в., ойратские князья принимают монгольский средневековый титул знатности *тайджи*, который прежде могли иметь только восточномонгольские князья – прямые потомки Чингис-хана. Это связано, по-видимому, с ростом

---

¹⁷ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 139.

могущества и экономической мощи правителей ойратских владений. Они смогли утвердить свою самостоятельность и независимость в проведении внешней и внутренней политики.

Попытку возродить былое единство страны, хотя и на короткое время, предпринял один из преемников Даянхана – Тумэн (1558–1593). Ему удалось образовать центральное правительство Монголии, куда вошли представители монгольских княжеств левого и правого крыльев. Монгольские источники не сообщают, признавали ли над собой власть Тумэн-хана ойраты. Однако многим монгольским владельцам удалось высвободиться из-под власти Тумэна. В это время усилились князья правого крыла, предводитель которых Алтан-хан Тумэтский (1507–1582) прославился тем, что способствовал введению буддизма в своих владениях, установив политические связи с Тибетом и главой желтошапочной школы *Гелукпа* тибетского буддизма Далай-ламой III. Алтан-хан еще во время правления своего отца получил титул хана и соперничал с верховным ханом Тумэном в борьбе за господство над всей Монголией¹⁸.

С целью освободить от ойратов район Каракорума и Кобдоскую равнину в 1552 г. Алтан-хан во главе своих войск отправился в поход против ойратов и нанес им поражение в бассейне рек Хунгуй и Дзабхан. В сражении погиб Мани-Мингату, нойон «восьмитысячных хойтов», а его улус достался Алтан-хану. Удерживая за собой Кобдоскую равнину, ойраты продолжали сохранять свое независимое положение. В 1562 г. разгрому подверглись уже кочевья торгутов, когда на них совершил поход правитель Ордоса Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи, убив их предводителя Хара-

---

¹⁸ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 213.

Буру¹⁹. Разгромленных торгутов Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи преследовал до берегов Иртыша, после чего возвратился обратно. В 1574 г. он снова совершил поход против ойратов и уже ограбил отоки баатутов и дербетов. Теперь он действовал совместно с другим монгольским князем Буян-Батуром-хунтайджи, приходившимся ему двоюродным братом. Тот вместе со своими младшими братьями воевал с хойтами, нанес им поражение и взял в плен их предводителя Эсэльбэйка. Хойты вынуждены были признать над собой власть монгольского хана. Однако вскоре хойтский князь освободился из плена, собрал свои силы и, напав на войска Буян-Батура при р. Хирцабагын-гол, разгромил их, а его самого убил²⁰.

Восточномонгольские князья не оставляли надежды полностью подчинить своей власти ойратов. Военные конфликты ойратов с восточномонгольскими князьями продолжали иметь место на протяжении всей второй половины XVI столетия, а ойратские правители терпели в них поражения. Победа Алтан-хана над хойтами позволила халха-монголам занять территории к западу от Каракоума, которые раньше находились во владении ойратов. Таким образом, те лишились своих кочевий в Хангайских горах, богатых пастбищами, и в долине р. Селенги. Абатая разгромил ойратов в местности Кубкэр-гэрийн и, подчинив их своей власти, посадил своего сына Субагатая ханом в их владениях²¹. После смерти Абатая в 1586 г.

---

¹⁹ Хара-Бура или Бура был вторым сыном торгутского правителя Буйгу-Урлюка и приходился дядей по отцу будущему торгутскому тайше Хо-Урлюку.

²⁰ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 213, 214.

²¹ Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. С. 103.

ойраты подняли восстание, умертвили навязанного им в правители Субагатая и вернули себе независимость.

Управление Северной Монголией перешло к сыну одного из двоюродных братьев Абатая – Сайн-Лайхур-хану, основателю династии еще одной ветви владетельных князей Халхи – *Дзасагту-ханов*. Их владения которых на западе граничили с кочевьями ойратов. Ему также пришлось воевать с ойратами, пока он не одержал решающей над ними победы. В заключении мира в 1606 г. между ойратами и монголами роль миротворца сыграл хошутский князь Торубайху (1582–1654), за это он получил почетный титул *Дай-Гууши* (буквально «Великий наставник») и в дальнейшем вошел в историю под именем *Гууши-хана*²².

К концу XVI в. Монголия состояла из небольших государственных образований, которые пользовались полной самостоятельностью в проведении внутренней и внешней политики. Особое место среди них занимали ойратские этнополитические объединения, правители которых хотя и враждовали с восточномонгольскими князьями, но пока еще не могли окончательно отделиться от Восточной Монголии. В результате разделения страны на Восточную и Западную части на территории Монголии в XV–XVI вв. сложились две близкородственные монголоязычные народности – собственно монголы и ойраты, обладавшие определенной общностью происхождения, хозяйственной деятельности, традиционной культуры, языка, религии и психического склада. При этом каждая из народностей осознавала себя отдельным этносом. Именно тогда появилось самоназвание обеих народностей «Дöчин дөрбөн хойар» (букв. «Сорок и четыре»), где под цифрой «сорок» подразумевались восточные монголы, а под цифрой «четыре» – ойраты²³.

²² История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 214, 215.

²³ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 215.

Для ойратского общества, как и для всей Монголии, была характерна политическая раздробленность, вызванная экстенсивным, натуральным характером кочевого скотоводческого хозяйства. Отсутствие внутренних рынков и прочных экономических связей, как между отдельными владениями, так и между отдельными частями страны благоприятствовало усилению сепаратистских устремлений монгольской и ойратской знати и способствовало ослаблению центральной власти. В этих условиях попытки преодолеть раздробленность и создать объединенное государство независимо от субъективных намерений их инициаторов носили прогрессивный характер. Однако всё углублявшаяся раздробленность страны и измельчание улусов, внутренние усобицы и войны между монгольскими и ойратскими князьями создали непреодолимое препятствие объединению Монголии в рамках единого государства²⁴.

На территории Северной Монголии к началу XVII в. выделились три крупных владений, что привело процесс раздробленности некогда единой страны к наивысшей точке. Их правители, носившие ханские титулы *Тушетухан*, *Дзасакту-хан* и *Цэцэн-хан*, подчинили себе других владетельных князей и стали играть ведущую роль в последующей истории этой части Монголии. Северная Монголия или *Халха* делилась в соответствии со старинной монгольской традицией на правое и левое крылья. Территория правого крыла располагалась по Хангайским горам и граничила на западе с владениями ойратов. Поэтому организаторами военных кампаний монгольских правителей против них сделались именно правители правого крыла Халхи, которые не оставляли своих попыток путем войны и насилия включить ойратов в сферу своего влияния²⁵.

²⁴ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 216.

²⁵ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 245.

В конце XVI – начале XVII в. во главе князей правого крыла находился родоначальник династии *Дзасагтуханов* Сайн-Лайхур-хан, внук старшего сына Гэрэсэндзэ Ашихая. Он был известен тем, что совершал успешные походы на ойратов, которые восстали в 1586 г. после смерти другого халхаского правителя – Абатая. Ойратам на какое-то время удалось освободиться от зависимости от восточных монголов. Однако в войнах с Лайхур-ханом ойраты, наследственные правители которых были еще несовершеннолетними, терпели поражение. Поэтому они не сумели сохранить независимость и, признав над собой власть монгольского хана, платили ему дань²⁶.

Поскольку большинство ойратских владельцев откочевало к западу от Алтая, Лайхур-хану так и не удалось их окончательно подчинить своей власти. Заключив с ойратами мир, он, по-видимому, вынужден был поставить управлять ими в качестве наместника своего двоюродного брата Шолоя Убаши-хунтайджи (1567–1623), крупного и влиятельного владельца северо-западной части Монголии, присвоившего себе громкий титул *Алтын-хана* (т.е. «Золотой хан»), хотя в действительности он имел младший по отношению к хану титул *хунтайджи* (наместника). В исторической литературе его иногда называют «хотогойтским князем». В соответствии с восходящей к шаманским верованиям средневековой традицией не называть собственными именами знатных лиц на имя этого монгольского князя при его жизни был наложен запрет²⁷. Поэтому в русских архивных документах XVII в. вслед за енисейскими киргизами и ойратами его называют «Алтын-царем», а его княжество «царством Алтын-хана». Шолой Убаши-хунтайджи был первым *Алтын-ханом* и основателем

²⁶ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 245.

²⁷ *Шастина Н.П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. Т. VI. М.–Л., 1949. С. 385.

кочевого государства, который, по мнению японской исследовательницы Джунко Мияваки, являлся и «ойратским ханом»²⁸.

Княжество Алтын-ханов в начале XVII в. играло заметную роль в истории Южной Сибири. Возникнув примерно в 90-х гг. прошлого столетия в процессе раздробленности в Монголии, оно первоначально являлось одним из отоков владения *Дзасагту-ханов*. Большинство его населения составляли хотогойты и урянхайцы. По мнению Б.Я. Владимирцова, племя хотогойтов относилось к ойратам, но потом халхаизировалось и вошло в состав халха-монголов²⁹. Монголоязычные хотогойты, будучи неоднородными по своему этническому составу, являлись родоплеменным подразделением хойтов³⁰. В результате поражения ойратов в междоусобных войнах с восточными монголами к концу XVI в. часть их оказалась в подчинении у халха-монгольских князей.

Княжество Алтын-ханов занимало обширную территорию в северо-западной Монголии между озерами Убсу-Нур и Хубсугул. На севере оно простиралось до Саянских гор, на востоке – до озер Хубсугул и Сангин-Далай-Нур. На южном направлении владение доходило до предгорий монгольского Алтая, а на западе соприкасалось с кочевьями ойратов. Ставка Алтын-хана находилась на берегу озера Убсу-Нур или в долине реки Тес. Под натиском Алтын-хана некоторые ойратские улусы, в основном представленные дербетами и торгутами, вынуждены были откочевать на северо-запад. Однако Алтын-хану удалось

---

²⁸ *Miyawaki, Junko. Khalkha-Oyirad Rivalry in the Seventeenth Century // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies. Taipei, 1985. P. 616.*

²⁹ *Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов... С. 132.*

³⁰ *Гонгор Д. Халх Товчоон. Халх монголчуудын овог дээдэс ба Халхын хаант улс (XIII-XVII зуун). I боть. УБ., 1970. С. 198.*

подчинить своей власти ряд мелких племенных групп и народностей, которые обитали в сопредельных районах Южной Сибири. С них его отряды собирали ясак (дань). Алтын-хан предъявлял свои владельческие права и на ойратов, стремясь превратить их в своих данников. С начала XVII в. Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи стал организатором военных кампаний против ойратов. Однако это борьба шла с переменным успехом, поэтому не все ойратские улусы в рассматриваемое время признавали его власть над собой.

Ойратская правящая верхушка во второй половине XVI в. вынуждена была вести изнурительную борьбу за пастбищные территории одновременно на юге против моголистанских правителей, на западе против Казахского ханства и на востоке против владельцев Халхи и южнотомонгольских правителей, терпя поражения. Ойратские князья не могли оказать должный отпор набегам своих соседей, которые стремились расширить свои пастбищные территории и поживиться военной добычей за счет ойратов. Например, сын и преемник моголистанского хана Мансура Шах-хан (1542–1570) успешно совершили ряд набегов и походов против ойратов, пока не погиб в одном из сражений с ними³¹.

Напряженная обстановка сложилась на границе с владениями Казахского ханства. В основе борьбы между ойратскими и казахскими правителями лежали стремление расширить свои пастбищные территории за счет соседа, разорительные набеги на владения друг друга и желание ойратских владельцев пробиться к среднеазиатским городам и завладеть подходами к ним. Долгие годы ойратско-казахское противостояние продолжалось с пере-

³¹ Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследования и указатели О. Ф. Акимушкина. – М., 1976. – С. 166.

менным успехом. Особенно ойратские набеги на территорию Казахстана участились в 50-е годы XVI в. Отступая под натиском восточномонгольского правителя Алтанхана, ойраты откатывались на запад и поэтому стремились расширить свои кочевья на западе за счет владений Казахского ханства. Во второй половине XVI в. ойраты, ослабленные внутренними раздорами и поражениями, понесенными ими от могулистанских правителей и восточномонгольских князей, стали терпеть поражение и от казахских правителей.

К югу от ойратских владений находились княжества Восточного Туркестана, где в этот период наблюдается обострение междоусобиц и падение авторитета и влияния центральной ханской власти. Это позволяло ойратам совершать набеги на города и селения Восточного Туркестана и активно вмешиваться во внутренние дела Могольского государства.

Продвижение части ойратов на рубеже XVI–XVII вв. в западном и северо-западном направлении через южные районы Западной Сибири и северные пределы Казахстана лишило казахских правителей части их исконных пастбищных территорий, это придало вооруженной борьбе между ойратскими и казахскими владельцами особую остроту и ожесточенность.

На юго-западе ойратские кочевья подходили к границам Бухарского ханства, где в 1599 г. утвердилась новая узбекская династия *аштарханидов*. Первое нападение ойратов на Хорезм, окончившееся неудачей, произошло зимой 1603–1604 года³². Анализ событий, происходивший в регионе в рассматриваемый период, позволил В. А. Моисееву сделать вывод о том, что «по существу это был пер-

---

³² Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана. Пер. и пред. Г. С. Саблукова. – Казань, 1906. С. 245.

вый в XVII в. серьезный поход ойратов на Казахстан и Среднюю Азию» и что его неудача показала ойратам, что путь в этом направлении для них закрыт»³³.

Таким образом, внешнеполитическая обстановка в Центральной Азии в конце XVI в. была крайне неблагоприятной для ойратов, находившихся в перманентном состоянии раздробленности и разобщенности. Им противостояли сильные кочевые и оседлые ханства и княжества, с которыми ойратам приходилось вести постоянную борьбу. Чаще всего в этой борьбе ойраты терпели военные неудачи и с трудом сохраняли свою независимость.

К началу складывания русско-ойратских отношений в истории Московского государства последняя четверть XVI – начало XVII в. ознаменовались важными событиями. Возвышение Москвы в конце XV – первой половине XVI в. предопределило уничтожение остатков Золотой Орды на его восточных рубежах и территориальную экспансию на восток. Завоевание царем Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского ханства в 1556 г. и включение Поволжья в состав владений Русского государства позволили отодвинуть его границы далеко на восток и на юг.

С конца XVI в. обширные территории Зауралья и Западной Сибири стали объектом постоянной экспансии для русских людей, которые все чаще и чаще проникали за Уральский хребет на восток. Здесь они, в первую очередь, преследовали торговые цели, а также для сбора ясака (дани) с местного населения.

Но обширные области Западной Сибири вдоль великих сибирских рек Тобола, Иртыша, Ишима и Оби составляли владения Сибирского ханства, которое появилось здесь в конце XV в. как политическое образование сибирских

---

³³ *Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII – XVIII вв.).* Алма-Ата, 1991. С. 18.

татар. Это были тюркоязычные кочевники, в этногенезе которых приняли участие тюрки-кыпчаки, угорские, самодийские и частично монголоязычные племена. Они составляли основное население ханства, которое в русских документах того времени называлось собирательным термином «сибирские татары». Население платило правителям Сибирского ханства ясак пушниной, которая первоначально представляла собой военную добычу, но затем со временем трансформировался в ежегодно собираемую поголовную дань.

В 60-х гг. XVI в. на ханском престоле утвердился шейбанид Кучум, свергнувший прежнего правителя ханства Едигера. К 80-м гг. XVI в. московское правительство, потерпев поражение на западе в Ливонской войне, все свое внимание во внешней политике обратило на восток. Сибирь XVI в. привлекала русских людей как новый регион, откуда можно было получать драгоценную пушнину. Московское государство за годы многолетней и изнурительной Ливонской войны и внутренними неурядицами переживала в то время острейший финансовый кризис. Все это вызвало резкое повышение спроса на пушнину одновременно на Востоке и на Западе в условиях, когда пушной зверь в северных и северо-восточных районах России был уже изрядно повыбит, сделало Сибирь важным источником пополнения «государевой казны»³⁴.

С целью реализации плана продвижения в Сибирь царское правительство использовало деятельность торговых и промышленных людей по успешному освоению камских путей в Западном Приуралье, в первую очередь сольвычегодских промышленников и купцов Строгановых, которые получили от правительства Ивана IV разрешение строить на осваиваемых землях военные городки

---

³⁴ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 257.

и призывать себе на службу казаков. Именно с этого времени встречается самое раннее упоминание об ойратах, или калмыках, как они обычно именуется в русских источниках. Оно содержится в анонимной Строгановской повести, составленной в первой половине XVII в., в которой использованы царские грамоты и семейные предания Строгановых, в том числе указ царя Ивана IV от 30 мая 1574 г. на имя братьев Строгановых. В нем им повелевались: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию [Строгановым] торговые люди бухарцы и калмыки и казахские орды земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно»³⁵.

В 1582 г. казачья дружина атамана Ермака, сформированная во владении братьев Строгановых, на стругах подошла к столице ханства Кучума – Кашлыку, где наголову разбила «кучумлян». Кучум, бросив свою столицу на произвол судьбы, откочевал на юг. Северные пределы его «царства» оказались без защиты, и подвластные ему племена сибирских татар, хантов и манси были приведены казаками Ермака к шерти и согласились платить ясак в царскую казну.

После гибели Ермака 5 августа 1585 г. правительство Бориса Годунова снарядило в Западную Сибирь ряд крупных военных экспедиций, чтобы здесь прочно утвердилась русская администрация. Основываются укрепленные деревянные остроги: на Иртыше – Тара и Тобольск, на Оби – Сургут и Нарым, на Томи – Томск и Кузнецк. Таким образом территория Западной Сибири была включена в состав Московского государства. В 1587 г. в устье Тобола был заложен город Тобольск, ставший столицей русской Сибири в XVII–XVIII вв. В ходе начавшейся русской колонизации Западной Сибири русские служилые люди (каза-

---

³⁵ Сибирские летописи. С. 54.

ки, крестьяне, промышленники-звероловы), продвигаясь вглубь Сибири, вошли в соприкосновение с населявшими ее племенами и народами, в том числе и ойратами.

В последнее десятилетие XVI и в начале XVII в. ойраты становятся постоянными обитателями южных степей Западной Сибири. И на новой территории они сразу же оказались вовлечены в происходившие здесь события. Тара, основанная в 1594 г., представляла собой важнейший опорный пункт для защиты русских владений в Западной Сибири от набегов Кучума и его потомков, затем ойратов. Разбитый в 1598 г. высланным против него из Тары русским отрядом, Кучум бежал на юг к верховьям Иртыша на оз. Зайсан-Нор. Однако, когда он угнал большое количество принадлежавших им лошадей, то «калмыки же гнаша во след его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отъяша»³⁶.

Появление у южных границ Сибири значительной массы воинственных кочевников оживило враждебную деятельность «кучюмлян», хотя ни Кучум, ни его многочисленные потомки не представляли особой опасности для Московского государства. Судя по документам, сибирские воеводы были хорошо информированы о событиях, происходящих близ южных границ сибирских владений. Так, из русских архивных материалов известно о том, что ойратские князья, переселившиеся сюда из Джунгарии вместе со своими улусами, на новых местах то объединялись с потомками Кучума для совместной борьбы против общих врагов, и даже рождались с ними, то вели военные действия против них³⁷.

---

³⁶ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 352.

³⁷ Златкин И. Я. Введение // Русско-монгольские отношения. – С. 13

Глава 2.

УСТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-ОЙРАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

2.1. Первые посольские контакты ойратов с царской администрацией в Сибири

К северо-западу от ойратских кочевий находились малонаселенные и почти не обороняемые пространства степных районов Западной Сибири по среднему течению Иртыша и Ишима. Падение Сибирского ханства создало благоприятную обстановку для проникновения крупных кочевых группировок ойратов на территорию южной части Западной Сибири, тем более что на начальном этапе русской колонизации Сибири встречное движение русских крестьян и правительственных отрядов было направлено в первую очередь на освоение таежных и тундровых районов Сибири, богатых пушным зверем.

В начале XVII в. на южной границе западносибирских владений Московского государства произошла встреча двух народов – ойратов и русских, представлявших две цивилизации – кочевую и оседло-земледельческую. С этого времени для ойратов началась новая эпоха, а установление отношений с Московским государством, открыла новую страницу в их истории и перспективы для их развития.

Еще до времени своего появления у сибирских границ Московского государства на рубеже XVI–XVII вв. ойраты в русских документах именуется «калмыками». В 50-х гг. XVI в. об этом свидетельствует Р. Джонсон, спутник английского посла Дженкинсона, узнавший от русских купцов о неких «желтых» и «черных» калмыках¹. Еще В. Котвич обратил внимание на то, что в русских документах 1574, 1583 и последующих годов встречаются упоминания о калмыках². К этому можно добавить и то, что в посольских делах России с европейскими государствами за 80–90-е гг. XVI в. также имеются прямые указания на калмыков, «колмацкую орду», «пегих калмыков». На рубеже XVI–XVII вв. отдельные группы калмыков входили в состав Казахской орды, калмыцкие отряды находились в войсках кучумовичей³.

Первые сведения о перемещении ойратских улусов к сибирским границам Московского государства связаны с заключительными военными действиями отрядов русских служилых людей против хана Кучума. В ходе преследования был разгромлен лагерь кучумлян в августе 1598 г. на левом берегу Оби. Из сообщения тарского воеводы Андрея Воейкова царю Борису Годунову известно, что в двух днях (примерно в 80–90 км) от разгромленного лагеря Кучума кочевали некие калмыцкие улусы, которых «сбираетца, государь, калмаков воинских людей пять тысяч»⁴.

¹ *Кашин В.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края XVII–XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 7–8. М., 1934. С. 21.

² *Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках // Известия Российской академии наук. № 12–15. 1919. С. 1082–1083.

³ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. **Статейные списки.** М.-Л., 1954. С. 174; *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 51–52.

⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2: 1598–1613. С. 4.

К сожалению, из этого сообщения не понятно, выступали ли ойраты военными союзниками Кучума, либо были безучастными свидетелями его окончательного разгрома.

В дальнейшем ойратские улусы, откочевавшие из Западной Монголии, стали постепенно располагаться в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. В наказе тобольскому воеводе от 11 февраля 1601 г. московское правительство предписывало внимательно наблюдать за передвижениями ойратов. В сентябре 1606 г. наплыв ойратов в Тарский и Тюменский уезды стал все более угрожающим, поэтому местный воевода Сила Гагарин неоднократно сигнализировал в Тобольск о появлении в ясачных волостях «камыщцких людей»: «а чаёт от них войны». Понятно, что этот тревожный сигнал не мог остаться без ответа. В дальнейшем в Тюмени воевода Матвей Годунов стал срочно формировать вооруженные отряды из различных категорий ратных людей, куда, например, входили литовцы, украинцы, казаки, юртовские татары и охотники из числа ясачных людей⁵.

В дальнейшем выяснилось, что ойраты действовали не одни, а совместно с детьми покойного сибирского хана Кучума – Азимом, Ишимом и Консюваром. Первыми их совместному нападению в мае 1607 г. подверглись жители Кынырского городка в Тюменском уезде⁶. По мнению В.В. Трепавлова, кучумовичи рассматривали в ойратах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлением убежища в случае военных неудач, хотя тайши эти связи не считали первостепенными⁷.

---

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 228.

⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 231.

⁷ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 73.

Но первый официальный контакт в русских документах зафиксирован только 20 (30) сентября 1606 г., когда в Таре появляется посланец торгутского тайши Хо-Урлюка – Катачей Бурулдуев. Тайша предлагал мир и просил разрешения кочевать на государевой земле по Камышлову и Ишиму, а также иметь возможность приезжать его улусным людям для торговли в Тару. С целью установления отношений тайша просил прислать к нему для переговоров посланцев. В середине октября из Тары в улусы выехали толмач Томила Алексеев и татарин Урдубай. Посланцы должны были донести и претензии русской стороны о незаконном занятии Хо-Урлюком государевых земель, «нам не бив челом». Все это сопровождалось захватом его улусными людьми у ясачных татар «рыбной ловли» и «зверовой добычи», «татар побивают и в полон емлют». В случае неподчинения указанным требованиям и отказа прислать своих «лучших» людей в Тару для «шерти и укрепления» Хо-Урлюк обязан был покинуть занимаемые им земли⁸.

Однако нам не известен ответ торгутского тайши, поскольку посланцы так и не вернулись в Тару. По одним данным, их якобы по дороге убили ясачные татары-охотники. По сообщению пленных женщин из улуса Хо-Урлюка, где после разгрома одного из владений уже в 1607 г. были обнаружены личные вещи посланцев, Алексеева и Урдубая убили и «в воду посадили в Урлюкове улусе»⁹. Позже эти вещественные улики убийства посланцев в Таре были представлены приехавшему послу от дербетского Далай-Батура, Едучиру (Едигеру, Едюру). Ввиду того, что родная сестра Хо-Урлюка была замужем за Далай-Батура, посол

---

⁸ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сб. документов / Сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959 С. 28, 29.

⁹ МИРМО. М., 1959. С. 29.

пообещал передать эти улики торгутскому тайше, чтобы тот в своем улусе произвел розыск виновных лиц в возможном убийстве тарских посланцев и русской стороне «в той вине добьет челом»¹⁰.

Но далеко не все сибирские воеводы выступали за ответные силовые действия в отношении ойратов. Например, тот же тарский воевода Сила Гагарин пытался выяснить истинные намерения новых соседей. С этой целью в начале 1607 г. он направил к ойратам делегацию из ясачных татар во главе с князем Енобаем и Куготаем. Посланцы должны были передать ойратским владельцам, «чтоб они были под нашею царскою высокою рукою, а для шерти и укрепления и для договору... приехали бы они, лутчие люди, на Тару сами»¹¹.

В Москве поддержали мирную инициативу тарского воеводы. 30 марта 1607 г. из Приказа Казанского дворца, который в то время заведовал и «Сибирскими делами», была послана от имени Василия Ивановича Шуйского грамота Гагарину, в которой предписывалось ему отправить к ойратам посольство. Велено было говорить, «чтоб колмацкие князи и мурзы и всякие улусные люди были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали, что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить по вся годы безпереводно... нашим ясачным людем тесноты не чинили и не побивали, а мы их (калмыков. – *В.Т.*) также велим беречи и от недругов оберегати»¹². По мнению К.Н. Максимова, Московское государство в отношении местных народов использовало гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покрови-

¹⁰ МИРМО. М., 1959. С. 29.

¹¹ МИРМО. М., 1959. С. 21.

¹² МИРМО. М., 1959. С. 21.

тельство, а тайши не отрицали установления верховного права российского царя по отношению к ним¹³.

Но вызывает сомнение в готовности тайшей выплачивать ясак. Как отмечает Г.В. Вернадский, из вышеизложенной грамоты видно, что «в Москве не разобрались в сущности калмыцкого вопроса и недооценили силу калмыков, так как указали тарскому воеводе, чтоб он не только принял калмыков под царскую руку, но потребовал, чтобы калмыки платили русскому царю ясак, т. е. потребовали не вассалитета, а подданства с платежом ясака (дани), от которого даже высшие слои сибирских татар были освобождены»¹⁴.

Ойраты также пошли навстречу, и 16 (26) июня 1607 г. в Тару прибыл их представитель – тайша Кугонай Тубиев (Тубеев) в сопровождении 20 человек. В ходе расспроса тайши выяснилось, что его на переговоры направили Далай-Батур и Эзинея с напутствием «государю бить челом», чтоб «их пожаловати, воевати их не велети, и велети им бытии под царскую высокою рукою, и кочевати на земле вверх по Иртишу к соленым озерам, а что с них, колмацких людей, имати годно коньми или верблюды или коровами, и они де тем быют челом». В указанной ойратской группировке насчитывалось 45 владельцев под предводительством 5 старших тайшей: «Баатыря Янышева» (Далай-Батура), «Ичиняя Уртуева» (Эзинея), «Кугоная Турбеева», «Ужена» и «Юриқты (Дзоригту) Конаевых». Общая численность их улусных людей составляла примерно 120 тыс. человек. Но Кугонай не шертовал за Хо-Урлюка и Корсугана,

---

¹³ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М., 2002. С. 13.

¹⁴ Вернадский Г.В. Историческая основа русско-калмыцких отношений // Калмыцко-ойратский сборник / Под ред. А.Э. Борманжинова, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 27.

которые три года назад отошли от них и расположились с улусами вверх по Иртышу¹⁵.

Из воеводского донесения видно, что данная ойратская группировка кочевала отдельно от основной массы ойратов и на тот момент действовала самостоятельно в отношении царского правительства. По мнению С.К. Богоявленского, торгуты в это время также не представляли собой единого общества, будучи разделенными по крайней мере на две группы¹⁶. Основываясь на данных родословных торгутских князей, можно с уверенностью говорить, что под *Изенеем* здесь подразумевается ни кто иной, как Эзинеи-тайджи, двоюродный дядя Хо-Урлюка. Эзинеи-тайджи стоял во главе той группы торгутов, от которой обособленно действовал Хо-Урлюк.

Из донесения видно, что ойраты готовы были доставлять русским коней и верблюдов, хотя воевода не упомянул слово «ясак». Но в грамоте Приказа Казанского дворца воеводам снова был употреблен этот термин. Отсюда, как делает вывод Г.В. Вернадский, в дальнейшем происходили недоразумения, но ясак калмыки, конечно, так и не согласились платить, при этом лошадей охотно продавали русским¹⁷. Не только ойраты, но и русские были крайне заинтересованы в торговле, поскольку нуждались в средствах для освоения Сибири¹⁸.

Вести о переговорах сибирских воевод с ойратами в Москве получили поддержку. Тарскому воеводе предписывалось командировать к тайшам послов с объявлением, что Московское государство берет их под свое покрови-

---

¹⁵ МИРМО. М., 1959. С. 22.

¹⁶ Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 53.

¹⁷ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 28.

¹⁸ Любимов Ю.В. Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. М., 2008. С. 46–47.

тельство, обещает защиту от казахов и ногаев, разрешает кочевать вверх по Иртышу и намеревается выплатить тайшам жалованье. Царская грамота воеводе также содержала очень важный пункт – о разрешении ойратам свободно приезжать в Тару для ведения торговли. На первых порах Москва решила сосредоточить в своих руках дела по осуществлению связей с ойратами, не передоверяя их сибирским воеводам. Для окончательного оформления присяги на подданство настоятельно рекомендовалось приглашать тайшей непосредственно в столицу. Правительство, не удовлетворившись несколько пассивными действиями тарского воеводы по призыванию «под государеву высокую руку» Хо-Урлюка и «Кусургана-тайшу», поставило перед ним конкретную задачу – проявить инициативу и направить к указанным тайшам послов, чтобы призвать под «высокую государеву руку». В случае их возможного отказа воеводе не рекомендовалось применять военную силу, «покаместа большие калмыцкие тайши Изеней с товарищи в нашем жалованье укрепятца». Немаловажным оставался и вопрос формы взимания будущего ясака с ойратов, а также выдачи жалованья тайшам и их приближенным лицам¹⁹.

Мирное предложение ойратов было поддержано в Таре, а Кугонай за свою посланческую миссию был вознагражден жалованьем. Обрато с ним в улусы были направлены литвин Болдан Болкач, казак Игнат Еманаков в сопровождении трех татар с заверением, что русская сторона в отношении ойратов не будет прибегать к военным мерам. Для материального стимулирования тайшей им были отправлены в качестве жалованья 5 портиц сукна. В знак подтверждения своих намерений тарские посланцы должны были взять у тайшей шерть, чтобы «великому государю служитьи и прямити во всем правду»²⁰.

¹⁹ МИРМО. М., 1959. С. 23.

²⁰ МИРМО. М., 1959. С. 22, 24.

В начале октября посланцы вернулись в Тару в сопровождении новых ойратских послов: Баучина, Девлета Тахабакшеева, Арлая Алакова и Кесенчака Чиганова – всего 8 человек. Все они представляли интересы 5 ойратских тайшей – Унгиная, Батыря (Далай-Батура), Эзинея, Шевгея Урлюкова и Урухту. Судя по составу это была крупная дербето-торгутская группировка улусов, вышедшая к Сибири, тайши которой просили царские власти разрешить им кочевать в верховьях Иртыша, в районе Соленых озер и по Камышлову. Также немаловажное значение имела просьба ойратов о защите от военной угрозы со стороны Алтын-хана и Казахской и Ногайской орд. Видимо, положение этих улусов на тот момент было настолько критическим, что тайши были не против взимания с них ясака в виде лошадей, верблюдов и скота²¹.

Пользуясь возможностью, с послами прибыли и 90 торговых людей, пригнавших в Тару на продажу 550 лошадей. Причем продавали они их за деньги или же обменивали на одежду и писчую бумагу. По большому счету это положило начало русско-ойратским торговым отношениям. Местные власти, понимая, что ойраты предполагают кочевать под «государевой рукой» по Иртышу, Оми и Камышлову и чтобы «их сперва не ожесточить и от царские милости не отгонить», не стали с них взимать торговую пошлину. Послы получили заверение от местных царских властей в возможности кочевать их улусам в безопасности на территории московской Сибири «под царскою рукою навеки неотступным». Члены посольства и улусные люди были взяты на полное продовольственное довольствие²².

В Москве было принято решение, чтобы четырех ойратских послов с литвином Болдашом Бойкачом прислать

---

²¹ МИРМО. М., 1959. С. 24.

²² МИРМО. М., 1959. С. 24, 25.

в столицу. Выяснилось, что тайши не шертовали перед приехавшим к ним Бойкачом, а ожидали возвращения своих послов с официальным ответом от царского правительства и жалованьем. В знак своего расположения тайши отдали приказ выдать ясачным татарам всех их захваченных в прошлых годах женщин и детей без какого-либо выкупа²³.

Отдельно от указанной группировки улусов кочевали со своими улусными людьми торгутский тайша Хо-Урлюк и Корсуган²⁴. Летом 1607 г. они кочевали в трех днях пути от Тары, на левом берегу Камышлова и до озера Колмак, где захватили рыбные ловли и охотничью добычу у местных ясачных татар. К Хо-Урлюку присоединился его зять Ишим, сын Кучума, который скрывался в улусе тестя после разгрома его и братьев тюменскими ратными людьми. Планы этих владельцев по отношению к Тарским и Тюменским волостям были не совсем дружелюбными, так как имелась информация от тех же ясачных татар, что они замыслили на осень и весну следующего года набеги на указанные территории²⁵.

В ходе переговоров с ойратскими послами, главными из которых выступали Арлай и Баучин, прозвучала просьба тайшей разрешить им кочевать на государевой земле по реке Омь, на что получили официальное разрешение со стороны тарского воеводы Силы Гагарина. Улусы тор-

---

²³ МИРМО. М., 1959. С. 25.

²⁴ Этого тайши многие исследователи считают за одного из младших сыновей Хо-Урлюка, Кирсана. По мнению автора, это, возможно, ошибка, поскольку для 1607 г. этот сын был еще ребенком, чтобы фигурировать в документах как отдельный тайша. Однако идентифицировать его, как и многих других владельцев, фигурирующих в русских документах начала XVII в., по имеющимся ойратским родословным пока не представляется возможным.

²⁵ МИРМО. М., 1959. С. 25.

гутского Эзинея и дербетского Далай-Батура прикочевали на Омь и расположились в четырех днях пути от Тары. Поскольку для ойратов существовала серьезная военная опасность со стороны Алтын-хана, тайши просили власти построить на Оми острог для их защиты. Причем ойраты готовы были защищать его вместе с русскими ратными людьми от неприятеля, в том числе и от Алтын-хана. Также тайши на приемлемых условиях готовы были платить в казну ясак лошадьми и скотом, но не шкурками соболей и черных лисиц. Объясняли послы тем, что «в их земле того зверя нет, а бьют они зверь, только что есть». Со своей стороны ойраты готовы были на подконтрольных им охотничьих угодьях не трогать сибирских людей, подданных московского царя²⁶.

На переговорах был затронут вопрос и об ойратских пленниках, захваченных два года назад русскими ратными людьми. Многие из них находились в Тобольске и Таре, у юртовских людей и служилых татар. Тайши через послов просили государя отдать указ о выдаче им всех пленников²⁷. Стоит отметить, что отныне вопрос о выдаче пленных в русско-ойратских отношениях становился постоянным и одним из основных на протяжении всего XVII века.

Обратно с послами местными властями пятерым главным тайшам в качестве жалованья были отправлены по одной темно-красной однорядке²⁸ с кружевами, камчатому кафтану и бархатной лисьей шапке. В дальнейшем власти планировали окончательно привести старших тайшей к шерти в самой Таре, а других – на местах, Оми или Камышлове, где предполагалось построение городка,

²⁶ МИРМО. М., 1959. С. 25, 26.

²⁷ МИРМО. М., 1959. С. 26.

²⁸ Верхняя широкая, долгополая до щиколотки одежда, без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук. Застегивалась встык, и часто опоясывалась.

и куда попеременно могли бы приезжать различного рода ойратские владельцы и шертовать за себя и улусных людей, где бы могли записывать их имена и выдавать им жалованье. На Тару для безопасности было велено пропускать небольшое количество тайшей, в основном старших. Размер будущего выдаваемого ясака должны были определить сами ойратские тайши, «лучших» из которых лично приглашали в столицу, обещая обеспечить полным довольствием и безопасностью в дороге. В случае возникновения с их стороны недоверия в поездке в столицу, то указывалось предоставить им «закладных людей»²⁹.

Тарский воевода, следуя наказам правительства, отправил послов в Москву. Это было первое ойратское посольство, посетившее столицу Московского государства. 7 (17) февраля Баучин, Девлет, Арлай и Кесенчак предварительно были приняты в посольской палате дьяком Василием Телепневым, который подробно их расспросил о цели приезда. 14 (24) февраля 1608 г. послы уже присутствовали на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. В сопровождении воротынца Афанасия Тургенева и толмачей они проследовали к государю через площадь по средней лестнице до красного крыльца. Дьяк В. Телепнев представил послов царю следующими словами: «Великий государь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель! Калматцкие орды больших князей Багатырь-тайша с товарищи послы Арлай с товарищи вашему царскому величеству челом ударили». После этих слов послы были пожалованы к руке государя, и они ему сообщили все то, что до этого рассказали дьяку Телепневу, который уже объявил официальный ответ царской стороны. После Василию Ивановичу представили привезенные подарки (поминки) от

---

²⁹ МИРМО. М., 1959. С. 26, 27.

тайшей. В качестве жалованья послам дьяки возложили на них казенные платья, а позже государь «пожаловал послов, подавал им в ковшех мед»³⁰.

Здесь обращает на себя размер и перечень государева жалованья послам: «3 платна золотные, по 15 руб.; 3 однорядки багрецовые, по 4 руб.; 3 кафтаны камчатые, по 6 руб.; 3 шапки бархатные, по 2 руб.; 3 ковши серебряные, по пол 2 гривенки». Кроме того, кашевару были пожалованы однорядка в 2 рубля, кафтан в 40 алтын и шапка в полтину. В Москве были поражены простотой одежды калмыцких послов: «на них платьишко было худо» и «только на них шубенка, у государя бытии им не в чем». Им были даже дополнительно выданы из Посольского приказа одежды: по однорядке за 2 рубля, кафтану по 40 алтын, суконной шапке и сапогам из телячьей кожи за 4 гривны³¹.

Это было первое ойратское посольство в Москве, и в течение всего XVII в. они уже были постоянными. На основе этих данных Г.В. Вернадский делает предположение, что тайши не возлагали больших надежд на это посольство и не придавали ему особого значения, а потому отправили в Москву не знатных, а «худых» людей³². Но по внешнему виду нельзя судить о знатности кочевников того времени, поскольку ойраты в тот период переживали весьма трудные времена, да и не обладали они тогда изысканным гардеробом, ограничившись в основном одеждой из грубых материалов.

Эзинею и Далай-Батуру было разрешено с улусами кочевать в сибирских пределах по Иртышу, Оми и Камышлову и обещано обеспечение защиты от ногаев, казахов и монголов. При этом центральная власть подчеркивала

³⁰ МИРМО. М., 1959. С. 74.

³¹ МИРМО. М., 1959. С. 75.

³² *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 28.

обязательность приезда старших тайшей в Москву для переговоров. В качестве неперемennого условия выдвигалось требование о выдаче калмыцких *аманатов* (заложников) – привычный для царского правительства способ держать в повиновении подданных, особенно на национальных окраинах. По мнению М. Ходарковского, если власти рассматривали подобную процедуру как знак безусловного и исключительного подчинения, то «иноверцы» – как неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве³³. Институт аманатов был заимствован русскими из ордынской политической практики³⁴.

Хо-Урлюк и Корсуган также не остались без внимания царских властей. Сибирским властям было указано отправить к этим тайшам посланцами юртовских и служилых татар с наказом, «чтоб они были под царскою высокою рукою и шерть и утверженье и заклады в город на Тару дали». Правительство Василия Ивановича Шуйского готово было предоставить и этим владельцам кочевать рядом с сибирскими городами и находиться под защитой их гарнизонов. Но в случае их отказа от предоставляемых русской стороной возможностей пребывания под «государевой рукою» и выплаты ясака, то указывалось взять под усиленную охрану ясачных татар в волостях и не допускать улусных людей этих тайшей к сибирским городам. В то же время в условиях начавшейся интеграции ойратов в зону внимания Московского государства местным властям запрещалось применять силовые действия против Хо-Урлюка и Корсугана, даже при их отказе подчиниться,

---

³³ *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500 – 1800. Bloomington, 2002. P. 59.*

³⁴ *Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 140.*

«докуда большие колмацкие тайши Ичиней и Баатырь с товарищи в нашем жалованье укрепятца»³⁵.

В районе Тарского острога предполагалось создание торгового пункта, куда ойраты могли бы пригонять на продажу лошадей или обменивать их на сукно или бумагу. В Москве были весьма заинтересованы в получении калмыцких лошадей в результате их покупки или обмена. В то же время не забывали и о безопасности Тары в условиях массового наплыва кочевников. Строго предписывалось впускать в острог ойратов только небольшими группами по 5-6 человек, но без взимания каких-либо торговых пошлин, «чтоб им и вперед с продажными лошадьми и со всякими товары приходити было повадно»³⁶.

Место будущего острога на реке Омь или у соленых озер, как опорного пункта во взаимоотношениях с ойратами, должен был определить голова Алексей Поленов. С точки зрения безопасности это место должно было находиться в весьма укрепленном районе с наличием местного строительного материала. В Москве с большим вниманием отслеживали за установлением русско-ойратских отношений и тарскому воеводе указывали полностью информировать об их состоянии и изменении.³⁷

Помимо Тары в переговорный процесс с ойратами включился и Томский город, когда в 20-х числах мая 1607 г. здесь объявились послы от тайшей так называемых «черных калмыков» – Изиней (Бизиней), Узеней и Абака (главы «белых калмыков»). Эти владельцы просили царские власти взять их под защиту от казахов и Алтын-хана, предоставить рынок для торговли лошадьми, и они готовы даже были для этого встать «под царскую высокую рукою неотступным». Из Москвы поступили указания во многом

³⁵ МИРМО. М., 1959. С. 27.

³⁶ МИРМО. М., 1959. С. 27, 28.

³⁷ МИРМО. М., 1959. С. 28.

сходные с теми, которые были получены в Таре, и спустя полтора года, в середине октября 1608 г., к указанным тайшам были отправлены в посланцах конные казаки Бажен Константинов, Иван Попов, Игнат Кудров и толмач Дружин Есырь. По дороге они должны были заехать к «белым калмыкам», которых власти рассматривали как посредников в предстоящих переговорах уже с «черными калмыками», т.е. ойратами. Но дальше кочевий «белых калмыков» томским посланцам так и не удалось выехать, так как там они узнали, что «черные калмыки» ушли на дальние кочевья, выступив в поход против Алтын-хана и Казахской орды. Часть «калмыков» откочевала от Изинея и Узенея и представляла угрозу для посланцев. Последние так и не решились продолжить поездку и вернулись в Томск³⁸.

В то время как томские власти пытались установить отношения с ойратами, тарские жители и местные татары уже пользовались сложившейся возможностью завязать торговые отношения с близлежащими ойратскими улусами. Например, летом 1608 г. в ойратские улусы с русскими товарами ездила группа тарских жителей, вернувшись обратно только в конце декабря этого года. С ними прибыли и послы от Далай-Батура и Эзинея – Игитей и Катай. С их слов также стало известно о начавшихся военных действиях ойратов против Алтын-хана и казахов. В то время как ойратское войско ушло на войну, семьи и имущество было оставлено на прежнем кочевье, в 10 днях пути от Тары. Причем торговый обмен с ойратами был весьма выгоден для тарских жителей: за однорядки и другие вещи они получили меха, лошадей, скот и даже 10 душ ясыря – «арапов и муванцов». Заключенное соглашение с царским правительством позволяло тайшам теперь не опасаться за

---

³⁸ МИРМО. М., 1959. С. 32, 33.

безопасность своих семей и имущества во время военных действий, и они не скрывали своих надежд на дальнейшее русско-ойратское сотрудничество³⁹.

Правительство Василия Иванович Шуйского с большим вниманием отнеслось к этой информации, и из Москвы немедленно вышел указ о категорическом запрете служилым людям нападать на ойратские улусы. Тайшам с их улусными людьми разрешалось кочевать на государственной земле «безо всякие боязни». Но при этом местным властям предписывалось привести лично тайшей к шерти, взять у них «заклады», т.е. аманатов или заложников, и собирать с них ясак лошаадьми. Также власти были не против видеть тайшей лично в Москве, чтобы пожаловать их «великим жалованьем». В целом условия были те же, что и год назад. На начальном этапе становления русско-ойратских отношений правительство было заинтересовано и в покупке скота и лошадей. Пунктами торговли с калмыками были определены: Тара, Тобольск, Тюмень, Пермь (Чердынь), Уфа, Казань и Москва. Калмыцких торговых представителей, едущих с «конскими базарами» в русские города, предписывалось пропускать без задержек и обеспечивать подводами и провожатыми⁴⁰.

Узнав об активных переговорах тайшей с русскими властями, другие торгутские тайши, кто не входил в дербето-торгутскую группировку Далай-Батура и Эзиня, также включились в переговорный процесс. Все началось с поездки за солью на озеро Ямыш отряда служилых людей под командой ротмистра Воина Волконольского и атамана Василия Тюменца. Не доехав до озера дня за три, в урочище Белые Воды они случайно наехали на торгутские улусы Улченя (Илю-Цензе, дяди Хо-Урлюка), Тога-

---

³⁹ МИРМО. М., 1959. С. 34.

⁴⁰ МИРМО. М., 1959. С. 34, 35.

чи Тохтораева, Буярана Улчиева и Дубенея. В результате переговоров Улченей и Хо-Урлюк шертовали на том, «что им бытии под царскою рукою неподвижным и служитьи и прямити, и войною под сибирские города не приходити и волостных ясачных татар не воевати»⁴¹.

В ходе расспроса приехавших в июне 1608 г. в Тару их посланцев, Шапкулы Татугуева и Кургая Белгетеева, выяснилось, что группу этих пяти торгутских тайшей возглавляет Хо-Урлюк, а численность их улусов составляет всего 4 тыс. людей. В Москве также благожелательно отнеслись к контакту тарских властей с этой группой владельцев и указали разрешить им кочевать на государевой земле, не подвергать какому-либо нападению со стороны служивых людей, обложить ясаком и, приведя к шерти, взять у тайшей аманатов⁴².

После поездки в Москву ойратские послы Арлай и Баучин вернулись в Тару, откуда их воевода И.В. Мосальский в начале сентября 1608 г. отправил в улусы в сопровождении Оники Чернова и 6 сопровождающих лиц. Тарские посланцы должны были передать тайшам примерно все те же условия, что и до этого озвучили ойратским послам: официальное разрешение кочевать по государевой земле на Иртыше, Камышлове и Оми; безопасность и защита со стороны государевых людей от неприятелей; выплата тайшами ясака лошадьми и скотом, а также предоставление им рынка под Тарой для продажи; приглашение владельцев в Тару для «шертования» и выдачи аманатов. В середине декабря Чернов вернулся в Тару вместе с новыми ойратскими посланцами. Среди них присутствовал уже приезжавший ранее в Тару и ездивший в Москву татарин Арлай Урлаков, представлявший интересы тайши Эзинея.

---

⁴¹ МИРМО. М., 1959. С. 36.

⁴² МИРМО. М., 1959. С. 36.

Дербетского Далай-Батура представлял уже Буя Буланов, а торгутского Хо-Урлюка – Горзя Манибеев⁴³.

В улусах Онику Чернова встретили довольно приветливо, и Эзинею и Далай-Батур, с его слов, «нашему де жалованью они ради и под нашею де рукою бытии хотят». Тайши объяснили свое отсутствие в Таре осенью этого года, поскольку находились в походе против Алтын-хана, а также выпавшим глубоким снегом, который не позволил им пригнать на продажу лошадей и скот. Только на весну следующего года они планировали дать шерсть и для этого ждали приезда в район реки Омь и соляных озер Алексея Поленова с жалованьем. Приезжать лично в Тару ойратские владельцы отказались. По вопросу выдачи ясака, то послы объяснили, что «ясаку де они преж сего никому не давывали». В целом тайши отказались не только платить ясак, но и выдать аманатов⁴⁴.

В конце марта 1609 г. ойратские послы выехали из Тары обратно в улусы в сопровождении казака Поспела Голубина с тремя товарищами. Посланцы должны бели еще раз передать Эзинею, Далай-Батуру, Ужену, Урухтаю, Улчечею и другим тайшам, чтобы они со своими улусными людьми «были под царскою высокою рукою». В конце июля они вернулись в Тару с сообщением, «что кочюют де колмацкие тайши все вместе», а также о кончине старшего торгутского владельца Эзинея. По словам Голубина, над всеми тайшами указанной группировки улусов главенствуют вдова Эзинея, Абай, и Кошевчей. Именно в улусе вдовы собрался съезд владельцев по поводу переговоров с тарскими посланцами⁴⁵.

В улусах Голубин столкнулся с новым настроением тайшей к прежним договоренностям, которые до этого были

---

⁴³ МИРМО. М., 1959. С. 37, 38.

⁴⁴ МИРМО. М., 1959. С. 38.

⁴⁵ МИРМО. М., 1959. С. 38.

обговорены с ойратскими послами. На предложение Голубина приехать в Тару, чтобы лично шертовать и пригнать скот и лошадей на продажу, то старшие тайши теперь категорически отказывались это делать. Мотивировали они это подготовкой к военному походу на казахов, поскольку владели информацией о возникшей междусобице в Казахской орде. Организовать торг владельцы предложили непосредственно в ойратских улусах, куда для этого приглашали воевод и торговцев с «дорогими» товарами. Царское жалованье они готовы были получить в предгорье *Иман Камня*, вверх по Иртышу. Своих послов, как объяснили тайши, они посылали в государевы города не для переговоров о выплате ясака, а чтоб им с государевыми людьми «не воеватца, и торговати и на зверовье съезжатца повольно». Как оказалось, указанные владельцы не уполномочивали своих послов вести переговоры о взимании с них податей в пользу Московского государства, наоборот, сами собирали ясак с «белых калмыков». Тон на переговорах задавала именно вдова Эзинея, Абай, которая указала на существующий в тот момент конфликт ее подвластных с татарами Барабинской и Теренинской волостей. Причем она не преминула пригрозить Голубину, что в случае, если местные власти не уймут татар, то ойраты готовы были сами применить против них силу⁴⁶.

В целом Голубин столкнулся с резким неприятием его со стороны тайшей и их улусных людей, и как он сам сообщал: «в Колмаках теснота была великая, корму им не давали, ели все покупаючи, а что де у них было платья и денег, и то все колмаки взяли у них сильно, а не дали им за то ничево». В тайных разговорах с полоняниками те им прямо указывали на неискренние цели поездок ойратских послов в сибирские города и предупреждали о возможной

---

⁴⁶ МИРМО. М., 1959. С. 39.

опасности со стороны ойратов для государевых людей, направлявшихся степью за добычей соли⁴⁷.

В Москве внимательно отнеслись к полученной информации из Тары о результатах поездки в улусы Голубина, но все-таки продолжали упорствовать, указывая тарскому воеводе Мосальскому снова отправить к тайшам посланцев с прежним предложением. В противном случае потребовать от ойратов освободить «государевые» земли по Оми, Иртышу и Камышлову. Если бы это не возымело действия, послать против указанных улусов вооруженные отряды служилых людей из всех сибирских городов «с огненным боем». Власти не теряли надежды на продолжение отношений с Хо-Урлюком и Корсуганом, которым также указывалось отправить жалованье и взять у них аманатов из «лучших людей»⁴⁸.

О ситуации в ойратских улусах весной 1609 г. сообщал и князь так называемых «белых калмыков» Абак, который прибыл в Томск в апреле месяце. Приезд телеутского князя стал возможностью с его помощью установить более тесные контакты с ойратскими тайшами. Ему было указано отправить своих лучших людей к тайшам, чтобы пригласить тех в Томский город, на что князь дал свое согласие. Однако, по его данным, ойраты в это время выступили в дальний поход против казахов и Алтын-хана. Вместе с тем Абак рассказал о существующей усобице внутри ойратского общества: «и меж собя черные колмаки воюютца», а также о смерти «лутчево князя» Эзинея⁴⁹.

Летом 1609 г. ситуация в окрестностях Томска была весьма напряженной, и причиной этому были набеги неизвестных «черных калмыков». В ночь на 4 (14) июля томские татары неожиданно были атакованы небольшой

---

⁴⁷ МИРМО. М., 1959. С. 39.

⁴⁸ МИРМО. М., 1959. С. 39, 40.

⁴⁹ МИРМО. М., 1959. С. 33.

партией «черных калмыков», особенно те, кто находился в сторожах Томска. Часть татар была переранена, другая часть – захвачена в плен, а их скот отогнан. Нападение было спланировано, поскольку нападавшие, по всей видимости, знали об отправке значительной части томского гарнизона против енисейских киргизов, и которые вернулись в тот же день, уже после случившегося нападения. Отправленный за калмыками отряд служилых казаков вскоре вернулся обратно в Томск, так и не нагнав нападавших. Мирза «белых калмыков» Борзакай убедил их вернуться обратно, поскольку его князь Абак уже направился в погоню за указанными «черными калмыками», «послыша их воровство». 9 (19) июля Абак прислал в Томск мирз Изекея и Урзубая с отбитым у «воровских калмыков» полонем. Отряд «черных калмыков» Абаком был уничтожен, «а иных ранили и полон поймали»⁵⁰.

Неудачные результаты поездки в ойратские улусы П. Голубина не отбили желание тарских властей продолжить переговорный процесс с тайшами и все-таки привлечь их «под государеву руку», как того требовала Москва. В 1610 г. в документах отмечается еще одна поездка тарских посланцев к ойратам. На этот раз воевода И. Мосальский отправил к тайшам литвина Савву Михайлова и Игната Еманакова. Посланцы должны были им передать, «чтоб они от царские милости не отбывали», и выдали на Тару изменников Илейку Качукова и Ивашку Енгуватова. Указанные «изменники» участвовали в недавнем набеге под Тарский город вместе с 200-ми калмыками, отогнав у тарских жителей лошадей и скот и убив при этом 10 татар. Эта миссия, как предыдущая П. Голубина, также закончилась ничем, так как тайши наотрез отказались давать ясак и приезжать в Тару для дачи шерти. Со слов тайшей,

---

⁵⁰ Миллер 1999, Т. 1. С. 419, 420.

«люди они кочевные, никому ясаку не даывали, а задору де от них от колматских людей государевым людям не будет, только б де государевы люди их не задирали»⁵¹.

Однако устное заверение ойратских владельцев об их мирном отношении к государевым людям не убедили московские власти, тем более, что на деле, так и не дав шерти, улусы тайшей продолжали кочевать на государевой земле, а вооруженные нападения их людей продолжались. Поэтому с началом 1611 г. по государеву указу из Тобольска, Тюмени и Тары должны были выступить против ойратов вооруженные отряды служилых людей и татар⁵².

2.2. Русско-ойратские отношения во втором десятилетии XVII века

Примерно с 1611–1612 гг. в документах отмечается всплеск вооруженных столкновений русских ратных людей с ойратами. И хотя имеющиеся документальные материалы не передают нам всю информацию об этих конфликтах, можно с уверенностью отметить, что именно с этого времени русско-ойратские отношения после установления отношений, которые, несомненно, носили в целом мирный характер, переживают непростой период.

Так, в 1612 г. отмечается разгром государевыми ратными людьми неизвестной и многочисленной группы ойратов на озере Колмак. Все началось с набега ойратов в этот район, в ходе которого они выбили отсюда многих местных охотников, отняв у них зверовые угодья. В Таре был срочно сформирован отряд из 300 служилых людей и татар под командой рохмистра Воина Волконевского, атамана конных казаков Третьяка Кутукова, тарского головы Болдана Бойгача и атаманов Пospела Голубина и Алексея

---

⁵¹ Миллер 2000, Т. 2. С. 258.

⁵² Миллер 2000. Т. 2. С. 258.

Романова. В районе озера Кизирла ойратский улус тарцами был разбит и «колмацких многих людей побили». На месте выяснилось, что это было владение некоего тайши Куагая Тургенева и старшего брата Булата, Ентугая. В плен были взяты и доставлены в Тару жена некоего Айбагая и дети Анчадая-тайши. Все участники удачного для тарцев похода были вознаграждены дополнительным жалованьем, доставленным из Перми⁵³.

Военные удары по отдельным ойратским улусам, зашедшим на государеву землю, сопровождались и военной разведкой о передвижениях кочевников. Для этой цели использовались водные средства или струги, курсировавшие по речным маршрутам. Так, в июле 1613 г. из Тары вверх по Иртышу до Ямышевского озера были направлен в разведку на стругах отряд служилых людей, состоящих из литовцев, немцев, казаков и стрельцов, под командой уже известного нам атамана Третьяка Кутукова и тарского головы Богдана Петрова. Им была поставлена задача – проведать об ойратах, насколько близко или далеко они кочуют от Тары и ясачных волостей. 15 июля они обнаружили передвижение неизвестного ойратского улуса, двигавшегося вниз по Иртышу, в районе Большого озера. Тарские служилые люди внезапно атаковали указанный улус и без потерь отступили⁵⁴.

Следующее вооруженное столкновение тарцев с ойратами произошло уже в начале октября. На этот раз бой тарцев произошел с ойратским улусом, который переправился на левую сторону Камышлова, выше Чеканбаши. И в этот раз указанный ойратский улус был разбит, а в плен попали зять тайши Тургеня, Байгуш-тайша, с женой и детьми. В это же время другой тарский отряд под ко-

---

⁵³ МИРМО. М., 1959. С. 40.

⁵⁴ МИРМО. М., 1959. С. 42.

мандой атамана Пospела Федорова на Катунском перевозе разбил другой ойратский улус или отряд и без потерь возвратился. Все эти военные успехи тарских служилых людей были оценены властями дополнительным жалованьем⁵⁵. По данным С.К. Богоявленского, в 1613 г. всего из Тары против ойратов трижды посылались военные отряды, и каждый раз с неизменным успехом⁵⁶.

Понесенные поражения отдельных ойратских тайшей, сопровождаемые захватом пленных и имущества, никак не могли остаться без внимания старших тайшей. Возникший вооруженный конфликт они пытались решить мирным путем, посредством переговоров. Действительно, сразу же после октябрьских столкновений в Тару прибыли ойратские послы. Примерно 5 декабря сюда прибыли представители тайшей Тургеня и Далай-Батура – Авгачка, Далан и Чедугай. Именно они дали шерть «по своей вере» в том, чтобы их улусным людям не приходиться войной под Тару и ясачные волости и предоставить возможность государевым людям совместно с ойратами добывать соль в Ямышевском озере. Причем указанные тайши могли отвечать за действия только своих улусных людей. В случае военного прихода в Тарский уезд других ойратских тайшей, то Тургеня и Далай-Батур обязывались совместно с государевыми людьми защищать Тару и его жителей. Договор также обязывал произвести обмен пленными. В Москве с вниманием отнеслись к данной информации и из Приказа Казанского дворца на имя тарского воеводы Ивана Михайловича Годунова было выслана грамота об отправлении в улусы указанных тайшей юртовского татарина Едигеря, чтобы тот учинил с ними договор, а также отыскал в их владениях и вернул весь русский и татарский полон⁵⁷.

⁵⁵ МИРМО. М., 1959. С. 42.

⁵⁶ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 57.

⁵⁷ МИРМО. М., 1959. С. 41.

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды начинались в районе Эмбы. Среди ногайских мирз пронесся тревожный слух о поездке ойратских послов в Москву и получении ими разрешения подчинить ногайцев власти тайшей⁵⁸. Во втором десятилетии XVII в. огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежегодно становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногайцами⁵⁹.

Об опасности появления калмыков в районе Яика был предупрежден и московский царь Михаил Федорович, планировавший в 1613 г. отправить своих послов к персидскому шаху Аббасу. В силу невозможности проезда в Персию морем через Астрахань, занятую в то время мятежным атаманом И. Заруцким, посольство вынуждено было ехать окружным путем по Ногайской степи к Яику, а оттуда через Ургенч. По сообщению среднеазиатских купцов, обстановка в Ногайской степи была беспокойной: «А как де только, государь, на реках лед вскроется и снега последние сойдут, и конский корм будет, тогда де, государь, Колмыки и Нагаи лошади откормят, и без людей в степи не будет, потому меж собя Колмыки и Нагаи учнут подъезды чинить (т. е. совершать друг на друга набеги. – В.Т.), тогда ды, государь, дорогою будет не проехать»⁶⁰.

Такие опасения не были беспочвенными, так как в 1613 г. был отмечен переход через Яик 4-тысячного отряда калмыков и внезапное его нападение на ногайский улус мирзы Кель-Мухаммеда⁶¹. В ноябре в Уфе стало из-

⁵⁸ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 56.

⁵⁹ *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 83.

⁶⁰ Цит. по: *Веселовский Н.И.* Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 366–367.

⁶¹ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 57.

вестно от башкир, что объединенный отряд, состоящий из ногайцев, астраханских стрельцов, крымцев, казыевцев и черкесов, под началом Иштерека и Кель-Мухаммеда двинулся против калмыков. Местом предполагаемого сражения была назначена «великая гора Урук»⁶². Результат этого вооруженного столкновения стал известен из сообщения в Москве ногайского посланца Кары Богатыря, согласно которому, Иштереку якобы удалось разгромить ойратов и «с юртов согнать»⁶³.

Новый фронт ойратами был открыт и в Средней Азии. Еще в 1615 г. у них возник конфликт с бухарцами, когда были разгромлены и ограблены два их торговых каравана. Практически дорога между Бухарой и сибирскими городами, которая занимала 4 недели пути, была полностью ойратами перекрыта⁶⁴. Поскольку для бухарцев торговля имела жизненное значение, то они предъявили ойратам ультиматум – прекратить бесчинства, а в случае отказа начать против них военные действия⁶⁵. Казахский правитель г. Саврана, Аблахан, предлагал русским властям совместно очистить степь от ойратов, а сибирские воеводы советовали государю построить на реке Ишим крепость или острог, чтобы таким образом сократить до двух недель расстояние пути до Саврана, увеличить пошлину и вынудить в конечном итоге ойратов уйти с окрестных степей⁶⁶.

Летом 1615 г. отмечается новый всплеск военной активности ойратов на сибирском направлении, хотя весной этого года в русско-ойратских отношениях наблюдалась положительная тенденция. 3 (13) мая в Тару прибы-

⁶² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1613 г. Д. 1. Л. 1–3.

⁶³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 2.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 6.

⁶⁵ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 62.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 7.

ли ойратские послы Алгачак, представлявший интересы тайши Тургеня, Буга, уполномоченный от Хо-Урлюка, и представитель Далай-Батура. Результаты переговоров в Таре нам не известны, но, судя по характеру дальнейших событий, они, по всей видимости, были не совсем положительными. Отправленный для дальнейших переговоров к тайшам вместе с послами толмач Алексей Масалитин был вынужден вскоре бежать к казакам атамана Еремея Пружинкина, добывавшим соль на Соляных озерах. По словам Масалитина, в дороге ойратские послы якобы ему угрожали убийством, и тот, боясь за свою жизнь, бежал от них к рыболовам на Отмас, откуда наблюдал передвижение крупных воинских сил ойратов вверх по Камышлову в сторону реки Ишим⁶⁷.

Не исключено, что отправку послов Тару тайши использовали и для сбора разведывательной информации о положении дел в Тарском уезде. Несомненно, что движение отдельных ойратских улусов получило уже западное направление, в район Ишима и Тургайской ложбины. Также обращает на себя и тот факт, что Хо-Урлюк действует заодно с дербетским Далай-Батуром, а их действия по отношению к московским властям в Сибири носят уже скоординированный характер.

Но судя по документам, тарские власти не желали отказываться от переговорного процесса, и в 1615 г. была еще одна отправка русского посланца к ойратам. Это был конный казак Влас Калашников, которого тарские воеводы Петр Лутохин и Федор Старов отправили к тайшам. На этот раз Калашникову удалось достичь улусов и встретиться с владельцами Тургенем, Бутаком, Малдышерем и другими, которых, по его словам, удалось привести к шерти, чтоб «им быти под царскою высокою рукою». По всей

---

⁶⁷ *Миллер* 2000. Т. 2. С. 270.

видимости, Калашников у указанных тайшей встретил довольно радушный прием, и они с ним отправили в Тару своих послов, но из-за наступившей зимы с большими снегами, казаку пришлось вернуться и зазимовать в улусе тайши Малдышери. Только весной следующего 1616 г. он прибыл в Тару с послами Кунаем и Баатырем, представителями тайшей Табутая и Малдышери⁶⁸.

Переговоры в Таре проходили по вопросам возможности взаимных торговых отношений и продолжения посольских контактов. Не остался без внимания и вопрос безопасности на приграничных «зверовьях» и «перевозах», где происходили наиболее частые вооруженные стычки между ойратами и государевыми людьми или ясачными татарами⁶⁹.

Результаты этих переговоров в Таре были донесены затем в Тобольск, куда был недавно назначен воеводой Иван Семенович Куракин⁷⁰. Со временем центральная власть

---

⁶⁸ Миллер 2000. Т. 2. С. 275.

⁶⁹ Миллер 2000. Т. 2. С. 275.

⁷⁰ Князь Иван Семёнович Куракин (ум. 1632) – видный государственный деятель Смутного времени, боярин с 1605 г., в 1606 г. – воевода и наместник Смоленский, в 1616–1620 гг. воевода Тобольский. Был членом кружка бояр, произведших свержение с престола нареченного Дмитрия и возведших на престол кн. Василия Шуйского. В 1607 и в начале 1608 г. князь И.С. Куракин действовал против самозванца Лжедмитрия II, участвуя в организации защиты Брянска от войск Лжедмитрия. Руководил сторожевым полком в Болховском сражении. В июне 1608 г. кн. И.С. Куракин в битве у Медвежьего брода нанёс поражение войскам А. Лисовского, наступавшему со значительными силами от Коломны к Москве после успеха, одержанного над П. Ляпуновым. Был ярым сторонником идеи избрания на царство польского королевича Владислава, а после того как боярское правительство («семибоярщина»), не находя возможным согласиться на условия, предложенные королем Речи Посполитой Сигизмундом, отказалось от мысли об избрании Владислава, кн. И.С. Куракин перешёл на сторону Сигизмунда III, после чего по-

расширила компетенцию тобольского воеводы. Фактически Тобольск становился центром, осуществлявшим связи с ойратами. Например, в 1616 г. без санкции тобольского воеводы И. Куракина тюменский воевода уже не мог отправить вооруженные отряды против ойратов. Такая позиция правительства, возможно, отчасти объяснялась большим влиянием Куракина в придворной среде, где его ценили как умного и дальновидного администратора.

Взяв на себя все функции управления сибирским краем, в том числе и отношения с ойратами, И.С. Куракин отправил послами к тайшам, в том числе Далай-Батуру и Хо-Урлюку, тобольских служилых людей – литвина Томилу Петрова и астраханского казака Ивана Куницына. Им было указано донести до тайшей, чтобы те «были под нашею царскою высокою рукою, и послов оне своих к нам посылали, и торговым людем со всякими товары в наши сибирские города ходить велели, и без нашего б указу в нашей отчине на Оме и на Камышлове реке не кочевали». В случае решения тайшами кочевать на государевой земле, они должны были именно ему прислать своих послов⁷¹.

В то же время центральные власти строго-настрого запретили всем сибирским воеводам посылать против ойратов своих ратных людей. Например, такое строгое взыскание получил из Приказа Казанского дворца тюменский воевода Федор Семенович Коркодинов, который часто игнорировал поручения нового тобольского воеводы И.С. Куракина о запрете подобных действий⁷².

Однако одним из главных, если не самым главным, «раздражителей» в русско-ойратских отношениях были ан-

---

лучил у соотечественников репутацию изменника. В 1615 г. он был удален от двора на службу в Тобольск, где и прослужил 5 лет.

⁷¹ Миллер 2000. Т. 2. С. 275.

⁷² Миллер 2000. Т. 2. С. 275, 276.

тирусские действия кучумовичей, которые с отдельными мелкими тайшами совместно действовали против государевых людей. К ним в первую очередь можно причислить кучумовича Ишима, который практически не имел никакой опоры и поддержки, кроме ойратов, и жил со своей семьей и немногочисленной свитой в ойратских кочевьях или по соседству с ними. Соответственно и действовать он был вынужден с оглядкой на своих покровителей⁷³. Так, нам известно из сообщения ясачных татар, выходцев из калмыцкого плена, что с Ишимом кочевали тайши Салбар и Кошур, у которых всего насчитывалось 500 улусных человек. Именно эти люди представляли реальную угрозу сибирским владениям Московского государства, и именно от них в 1616 г. ждали всякого рода угрозы нападения на ясачные волости в Тюменском и Тарском уездах⁷⁴.

Вернемся к самой поездке в ойратские улусы Т. Петрова и И. Куницына, о чем они подробно изложили в своих «расспросных речах» в Посольском приказе. Выехали они из Тобольска в «Колмацкую землю» в апреле 1616 г. При встрече послы передали Далай-Батуру и другим тайшам, а также сибирскому царевичу Ишиму, требования и условия мирного сосуществования, которые они получили от воеводы. Тайши, по словам посланцев, согласились «государю служить и во всем радети ради, и под его государвою рукою быти готовы». В случае готовности царских властей их действительно пожаловать, то тайши соглашались прислать в сибирские города торговые и посольские миссии, «государю во всем служить готовы». Также ойратские владельцы готовы были решить и территориальный вопрос: «А кочевать они учнут по царскому ж повеленью, будет их государь пожалует, велит им кочевать к своим

---

⁷³ Трeпaвлoв 2012. С. 84.

⁷⁴ Миллер 2000. Т. 2. С. 274.

государевым городам ближе, и они по царского величества указу тут кочевати и учнут. А будет велит государь им отойти далее, и они далее и отойдут, а мимо царского веленья ничего делати не учнут». В случае каких-либо вооруженных конфликтов с государевыми людьми, то тайши готовы были отвести свои улусы от границы. Все эти условия были закреплены шертью, которую дали Петрову и Куницыну ойратские владельцы⁷⁵.

Обращает на себя внимание и описание русскими посланцами так называемой «Калмыцкой земли», тем более что в документах XVII в. оно встречается в столь подробном виде впервые. Так, путь Петрова и Куницына от Тобольска до ойратских кочевий занял в общей сложности пару месяцев, т.е. прибыли они туда примерно в июне 1616 г. Остановились они в дербетском улусе Далай-Батура и прожили там около месяца. Это было не случайным, так как по их наблюдениям, Далай-Батур являлся «начальным тайшой у всей Колмацкой земли». У дербетского тайши было четверо братьев, двух из которых звали Куанай-тайши и Исентур, а также большое количество двоюродных братьев и племянников. Ближайшими сподвижниками Далай-Батура, так называемыми «думчими ближними» были хошутский Чокур и торгутский Хо-Урлюк. У русских посланцев не было возможности сосчитать, сколько всего по численности насчитывалось в указанной ойратской группировке, но в разговорах с местными кочевниками слышали, что в распоряжении четырех старших тайшей может собраться по 10 тыс. воинов. Принимал их Далай-Батур не в кибитке, а большом шатре бухарского производства, наличие которого имелось у всех старших тайшей⁷⁶.

---

⁷⁵ МИРМО 1959. С. 52.

⁷⁶ МИРМО 1959. С. 52.

Весьма любопытны их сведения о взаимоотношениях ойратов с соседними государствами и народами. Так, сибирский царевич Ишим, с которым у них была личная встреча, жил с небольшой свитой в ойратских кочевьях. С его стороны посланцы встретили добрый прием, и в разговоре царевич выразил желание отправить своего человека с грамотой в составе ойратского посольства в Тобольск, «что он на государево имя быти хочет». Также им стало известно, что Большая Казахская и Киргизская орды находятся по отношению к «Колматцкой земле» в «подданстве и послушанье», что говорит о закончившейся недавней войне в пользу ойратов. Захваченный казахский и киргизский ясырь Далай-Батур, сыскав в улусах, отдавал безвозмездно их посланникам, чем заслужил со стороны тюркских правителей этих орд большое уважение: «над собою почитают и во всем слушают». Хотогойтский Алтын-хан, выступавший в союзе с китайским правителем, «колматцким человеком силен», что вынуждало платить им ежегодный ясак по 200 голов верблюдов и 1000 голов скота с каждого владения тайши. Именно в улусе Далай-Батура русские посланцы наблюдали приехавших за яском к ойратам людей Алтын-хана и китайского императора. Торговые отношения ойратов с Китаем развивались в основном через приграничные китайские города, но часто даже из самой столицы приезжали к тайшам от императора посланники с «поминками» в виде кусков различных тканей. По слухам, услышанными русскими в кочевьях, к ойратам с товарами приезжали люди не только из близлежащих земель и государств, но даже арабские торговцы из далекой Аравии⁷⁷.

При этом Петров и Куницын имели возможность не только детально расспросить монгольских и китайских

---

⁷⁷ МИРМО 1959. С. 53, 54.

посланцев об их государствах, но и быть свидетелями активного распространения буддизма среди ойратов, который пришел к ним именно из этих государств. Принятие новой религии повлекло для некоторых тайшей и членов их семей к новому рациону питания: «И ныне большие тайши, которые выучились их грамоте, и жены кобылятины не едят и молока не пьют». Интересно и личное восприятие русскими посланцами буддизма, именуемый ими как «вера Алтына-царевича и Китайского государства», и его ритуалы: «молятца по своей вере шайтанам и оболочены отласы и камки. А как молятца, и в то время бывает у них в одной руке колокольчики, а в другой бубенчики невеликие. А перед собой кладут по книжке по своей вере, и говоря по книжке с час, да звонят обеими руками в колокольчики и в бубенцы, и кланяютца о землю на коленках». Под «шайтанами», конечно, они подразумевали буддийские статуи или статуэтки божеств, которые были «выливаны в серебре и позолочены на красном, и оболочены в отласы и в камки, и ставят на стенах и почитают их гораздо». Принявшие буддизм люди в понедельник строго выдерживали рацион: «ни пьют в него, ни едят, а поста имеют во весь год 4». При этом ойраты, как отмечали посланцы, веротерпимо относились к христианским атрибутам, взятых у русских пленников, которые к ним попадали в результате набегов на ногайские улусы: «они де им поруганья никоторого не делают и их почитают же». Объяснялось кочевниками это тем, что «Коле они русских людей милуют, и они де их учнут миловать»⁷⁸.

Большое внимание посланцы уделили и военной организации ойратов. По их наблюдениям, «бой де у колматцких людей лучной и копейной и сабельной, и пищали есть же, а пороху де у них мало». Огнестрельное оружие

---

⁷⁸ МИРМО 1959. С. 54.

кочевники использовали редко, поскольку порох в качестве трофея они могли добыть только в результате военных успехов над бухарцами. Боевое снаряжение ойратского воина выглядело следующим образом: «А на бой ездят в куюках в железных да в шишаках, а в куюках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля не имет». Военная тактика в бою происходила в три напуска: «первой напуск с луки, другой с копья, третий с сабли». В случае стойкости противника ойраты могли и отступить⁷⁹.

В целом прием тайшами посланцев из Тобольска был на высоком уровне, как они сами отмечали, «была от них честь великая, и кормы были довольны, и отпустили честно, и из земли своей провожали, и своих послов в Тобольск с ними вместе отпустили»⁸⁰. К сожалению, имена ойратских послов в документах не отражены, кроме того, что это были представители дербетских тайшей Далай-Батура и Исентура, а также сибирского царевича Ишима. В качестве подарка они послали царю пару коней, которые были проданы в Тобольске на царское имя⁸¹.

На приеме у тобольского воеводы Куракина посланцы передали главную просьбу тайшей, чтобы государь разрешил им кочевать на «государевой земле блиско сибирских городов, а они под государевою высокою рукою бытии хотят». На эту просьбу воеводы могли только предложить тайшам отобрать из ближайших родственников «лучших людей» и отправить их в Москву «для подлинного договору», в том числе и для решения территориального вопроса. В противном случае, т.е. «не бив бы челом и не послав к государю послов», сибирские власти отказывались дать разрешение кочевать ойратам на «государевой земле». Посланцы также выразили желание тайшей отправить свою

⁷⁹ МИРМО 1959. С. 54.

⁸⁰ МИРМО 1959. С. 52, 53.

⁸¹ МИРМО 1959. С. 46.

представительную делегацию в Москву, но, по их словам, «боятца того, что наперед сего от прежних воевод, которые были в Тобольске и на Тюмени, была людем их теснота и обида и грабеж». Поэтому главная цель приезда указанных ойратских посланцев было выяснить: «не будет ли им потому ж по-прежнему тесноты». Но в Тобольске они получили хороший прием, а посланцы были взяты на полное довольствие и им были даже выданы в качестве жалованья сукно и платья⁸².

Однако такой дружественный прием, оказанный дербетским посланцам в Тобольске, оказался исключительным, и опасения тайшей, касательно безопасности, были не беспочвенны. Параллельно с отправкой делегации в Тобольск тайши отправили такое же представительство и в Тюмень. В основном это были представители тайшей Байбагаса, Четана и Керенти. Тюменский воевода Федор Иванович Коркодинов весьма враждебно встретил посланцев, и, как сообщали тюменцы в Тобольске, «тех колмаков пограбил, многие лошади и овцы поймал на себя». Как оказалось, в Тюмени в это время был сильный конский падеж, а лошади были отобраны у посланцев с целью, чтобы организовать погоню служилых людей за беглыми татарами. Большинство из числа этих лошадей в ходе преследования были загнаны, а оставшиеся затем были возвращены ойратским посланцам, но «ехать на них немочно». По всей видимости, эта делегация пригнала собой какое-то количество лошадей и овец на продажу, но продать их по рыночной цене в Тюмени они так и не смогли. Местный воевода, конфисковав лошадей и часть овец, на оставшихся у посланцев овец установил заниженную цену в 2 гривны за одну голову, «а больше того купить никому не велел». Ойратским посланцам ничего не оставалось делать, как

---

⁸² МИРМО 1959. С. 46.

продать оставшихся овец за низкую цену, в то время как Коркодинов конфискованных овец продал за 40 алтынов и полтора рубля за одну голову. Вдобавок тюменские власти, задержав на долгое время, отказали прибывшим ойратам в продовольственном обеспечении, что заставило их перебиваться поеданием павших лошадей. По словам самого воеводы, если крымские и ногайские послы в Москве якобы сами вынуждены покупать воду, то еду тем более им никто не подаст. Прием посланцев тайшей в Тюмени оказался настолько унижительным со стороны Коркодинова, что отправленный с ними в улусы посланцем Гаврила Иванов с товарищами побоялся ехать к тайшам и по дороге сбежал в Тобольск⁸³.

Узнав о перечисленных бесчинствах тюменского коллеги, тобольский воевода И. Куракин, понимая о возможных негативных последствиях для русско-ойратских отношений, срочно информировал об этих фактах Москву. Боялся он не только за возможный отказ тайшей от переговорного процесса, но и за безопасность своих посланцев, уже отправленных в ойратские улусы. Но, по словам Василия Тыркова, ездившего в Тюмень для «ссыску», ойратские посланцы понимали, что действия Коркодинова идут вразрез с той политикой, которую проводил Куракин в отношении ойратов. Поэтому ойратская сторона собиралась в дальнейшем пожаловаться на тюменского воеводу непосредственно Куракину, ведавшего всеми сибирскими делами. Со своей стороны тобольский воевода за «грабеж» Коркодинова посланцев в Тюмени планировал выплатить им компенсацию из государственной казны⁸⁴.

Среди документов того периода сохранилось и сообщение самого Ф. Коркодинова о приезде указанного ой-

---

⁸³ МИРМО 1959. С. 47.

⁸⁴ МИРМО 1959. С. 47.

ратского посольства в Тюмень. В заслугу себе он ставил поимку беглого «калмыцкого ясыря» Алтикаея, который под пытками признался в попытке донести тайше Юре (возможно, Зорикту) сообщение посланцев, что «хотят их на Тюмени побить, и они б де пришли под сибирские города войною». Тюменский воевода срочно дал всем знать, в первую очередь башкирам, о возможной калмыцкой угрозе⁸⁵. Это еще раз подтверждает сообщение Куракина в Москву о враждебных действиях Коркодинова по отношению к ойратским посланцам.

В правительстве Михаила Федоровича отрицательно отнеслись к действиям тюменского воеводы, который, во-первых, не сообщил напрямую в центр о приезде к нему ойратов, узнали только после сообщений об этом из Уфы и Казани. Во-вторых, ему прямо указали тех посланцев «беречь и кормец им велеть давать, смотря по людям, и тесноты им некоторые чинити не велеть»⁸⁶. Стоит отметить, что это сообщение Коркодинову было отправлено еще до присылки в Москву подробного отчета Куракина.

Из другого документа, царской грамоты на имя Коркодинова от 16 ноября 1616 г., нам становится известно, что ойратские посланцы прибыли в Тюмень в начале августа месяца. Главной целью их было выкупить из русского плена некоего абыза Бакшу, за которого предлагали воеводе Коркодинову 30 лошадей и 100 овец. Но местные власти не спешили его отдавать тайшам, поскольку владел информацией, переданной от ездившего недавно в улусы В. Калашникова, что «тот абыз Бакша был человек честной и с колмацкими людьми тем абызом учинитца добро многое». Тобольский воевода Куракин передал Коркодинову, чтобы тот не смел его отдавать посланцам, а с

---

⁸⁵ Миллер 2000. Т. 2. С. 276.

⁸⁶ Миллер 2000. Т. 2. С. 276, 277.

усиленной охраной отправил его в Тобольск, в чем получил и поддержку Москвы⁸⁷.

В 1617 г. переговорный процесс в русско-ойратских отношениях продолжился. В начале июня по царскому указу тобольский воевода И. Куракин отправил в ойратские улусы атамана Ивана Савельева с приехавшими весной этого года в Тобольск посланцами от тайшей. Целью было не только продолжить торговые отношения, но и предложить Далай-Батуру отправить в Москву представительную делегацию: «видети царские пресветлые очи и его государскую к себе милость». Путь пролегал от Тобольска вверх по Иртышу до «мечети колматцких людей», называемой русскими людьми «Даниловым кладбищем», 6 недель пути. Затем маршрут уходил вправо от реки в сторону Казахской орды, и степью до улуса Далай-Батура они двигались еще 10 дней. По пути посланцы обогнули несколько крупных озер, одно из которых называлось *Улюкаб* (возможно, это нынешнее озеро Улькен-Карой). Надо сказать, что самих ойратских кочевий они достигли только на четвертую неделю и далее двигались уже по занятым кочевниками местам⁸⁸.

Первоначально посланцы остановились в улусе тайши Каная, которому дербетские послы сообщили, что Савельев направляется из Тобольска к Далай-Батуру и другим тайшам «по государеву велению приводить их под государеву руку». По словам самого Савельева, приезду русского посланника Канай и его улусные люди весьма были этому рады: «государево имя по своему языку учили славить, и корм и подводы, а под кош верблюды, дали тотчас». От улуса Каная до ставки Далай-Батура путь у них занял еще пару недель и на протяжении всего маршрута Савельеву

---

⁸⁷ Миллер 2000. Т. 2. С. 277.

⁸⁸ МИРМО 1959. С. 70.

был оказан теплый прием: «везде ему была от колматцких людей почесть, и корм и подводы давали. А давали им корму в дороге довольно, овцы и вино кумызское (т.е. молочную водку. – В.Т.) и кумыз, нужи им никакие в кормех не было»⁸⁹.

Непосредственно в улус Далай-Батура они прибыли в августе, причем поселили русских посланцев от «Богатырева стану перестрела с 3 (мера расстояния, равная полету стрелы. – В.Т.)». Для нас, несомненно, представляет интерес «расспросные речи» атамана, где он подробно описывает ставку дербетского тайши, в которой «изб не было», а были только войлочные кибитки: «А в стану у него изб его Богатыревых с 15 полстеньх да мечеть (т.е. хуральная кибитка. – В.Т.) да приезжая изба полстяная ж». В этой «большой приезжей избе», большой кибитке для приема приезжих гостей и посланцев, представители русской стороны были приняты на следующий день после приезда одновременно с казахскими и киргизскими послами⁹⁰.

Перед началом церемонии приема им навстречу вышел служитель-татарин, который переписал и забрал у посланцев все привезенные ими подарки и товары у торговцев. Затем подарки занесли в кибитку и положили перед тайшей, и только после этого посланцев допустили к ойратскому правителю. Далай-Батур, именуемый по-русски «Богатырем», сидел в кибитке на земле на войлочном ковре, согнув ноги, а около него сидели двое сыновей и двое лам. По другую сторону тайши, т.е. с женской стороны, стояла низкая дощатая кровать, накрытая коврами, возле которой сидела его старшая жена. К сожалению, посланцы не запомнили их имен. Тут же на приеме присутствовали и двое казахских и пятеро киргизских послов. При

---

⁸⁹ МИРМО 1959. С. 70.

⁹⁰ МИРМО 1959. С. 70, 71.

зачитывании царской грамоты с произнесением царского титула, Далай-Батур подчеркнуто уважительно встал и выслушал ее стоя, после чего предложил присесть русским посланцам и разговаривал с ними уже сидя, расспрашивая про государя, Московское государство и его народ, о трудности поездки и обеспечивали ли в дороге послов продуктами его улусные люди. В ходе переговоров тайша «их подчивал, подносил им вино, делано ис кумызу да кумыз, а суды-чашки деревянные да ценинные (т.е. фаянсовые или фарфоровые. – В.Т.)». В целом переговоры затрагивали главные вопросы взаимоотношений, а именно – привлечение всех ойратов «под государеву руку», отказ кочевников от набегов на русские земли в Сибири, высылка к государю сибирского царевича Ишима, замеченного в недавних набеге, и приглашение в Москву ойратских послов⁹¹.

Всего атаман Иван Савельев провел в ставке дербетского тайши два месяца, т.е. примерно до октября 1617 г. Из его рассказа нам известны некоторые бытовые подробности его пребывания среди ойратов. Так, на пропитание им выделялось на 10 дней одна корова или бык, а на 4–5 дней по 2 овцы. С питьем было сложнее, так как не давали, пили или же на приеме у тайши, либо у его людей, но иногда приходилось и покупать. На последней встрече перед отъездом Далай-Батур устроил угощение для русских посланцев, а в напутствии им объявил: «он под государевою рукою в его государево жалованье бытии рад, и послов своих к государю отпускает с ними вместе». Каждому из посланцев на прощанье тайша подарил по коню⁹².

Таким образом, результатом посольской миссии И. Савельева стало ответное посольство Далай-Батура к рус-

---

⁹¹ МИРМО 1959. С. 71.

⁹² МИРМО 1959. С. 71.

скому царю. В начале декабря 1617 г. его послы Буга и Коомдан прибыли вместе с атаманом в Тобольск, где неожиданно для себя пересеклись с другим ойратским послом Алгачаком, представлявшим интересы тайши Тургеня. Еще в сентябре в Тару из улусов вернулись боярский сын Третьяк Харламов и Михаил Микитин, ездивших в посланцах к тайше Тургеню, который и отправил с ними вышеуказанного Алгачака с двумя сопровождающими. Поскольку посланцы Тургеня направлялись с подарками к царю, то тарские воеводы отправили их в Тобольск, где они воеводе Куракину и объяснили цель своей поездки в Москву: «чтоб государь пожаловал, велел ему (т.е. Тургеню. – В.Т.) быть под царскою высокою рукою и велел ему дать лекаря». Местные власти до возвращения своих посланцев от Далай-Батура решили Алгачака пока оставить в Тобольске, где в дальнейшем и произошла его неожиданная встреча с посланцами Далай-Батура. На предложение тобольского воеводы отправиться в Москву вместе с дербетскими посланцами, Алгачак неожиданно изменил свое решение: «потому что едет де ныне ко государю их большово Талай-тайши посол». По его мнению, «как де Талай и Баатырь тайши под государевою рукою будут, и их тайши под государевою царскою рукою будут все». Алгачак просил только дать ему лекаря и отпустить обратно в улусы, что и было сделано⁹³.

Здесь мы видим, с одной стороны, желание тайши Тургеня самостоятельно установить отношения с центральными царскими властями, в обход мнения старшего тайши Далай-Батура, что говорит о слабой политической координации ойратской верхушки. С другой стороны, наличие четкой градации среди тайшей, особенно в вопросах русско-ойратских отношений, все-таки заставило

---

⁹³ МИРМО 1959. С. 69.

посланца Тургеня отказаться от планируемой поездки в Москву.

20 (30) марта 1618 г. дербетские представители Буга и Коомдан были приняты в Посольском приказе дьяком Саввой Романчуковым. По указу бояр дьяк, хотя и владел уже информацией от Куракина, подробно расспросил посланцев о цели их приезда, привезли ли они с собой какие-либо грамоты, что передал через них сам Далай-Батур и другие тайши. Все это он обещал передать боярам, а те уже в свою очередь непосредственно государю. В ответе послы констатировали, что «грамотчиков у них в Колматцкой земле нет и писать не умеют, и с ними потому от Богатыря-тайши и грамоты с ними к царскому величеству нет». О цели своего посольства они сказали дьяку следующее: «Третьенадцатой год тому, как оне учили царского величества с отчиною с Сибирью и с сибирскими пригороды знатца и к боярам и воеводам царского величества в города приезжать. И ныне у них про Московское государство вести и добрые и худые, и Богатырь-тайша с товарыщи прислали их ныне проведать <...> подлинно». От имени ойратских тайшей послы выразили согласие быть «со своею Колматцкою землею под государевою высокою рукою», просили покровительства русского царя против своих врагов «во оборону и в защищенье», а со своей стороны обещали помогать Русскому государству своими войсками в борьбе с его недругами⁹⁴.

Дьяк Романчуков внимательно выслушал послов и указал им на отдельный момент, который они не упомянули в своем сообщении, но о котором они ранее сообщили в Тобольске воеводе Куракину. Речь шла о желании Далай-Батура, в случае положительного завершения указанной посольской миссии, отправить в Москву к государю

---

⁹⁴ МИРМО 1959. С. 72.

послами людей из числа ближайших его родственников, братьев или племянников. Посланцы еще раз официально объявили для Романчукова: «только Богатыря-тайшу с товарищи царское величество под свою царскую высокою руку примет, и оне со всею Колматцкою землею под государевою высокою рукою бытии хотят и во всем царском повеление, куды им царское повеление на недругов ево не будет, стоять готовы»⁹⁵.

Посланцы не могли не обойти вниманием и положительные тенденции торговых связей в русско-ойратских отношениях. Как сами они отмечали, за прошедшие тринадцать лет их люди «ездят безпрестанно и в государевы города лошадей и коров и всякие животины пригоняют по 200 и по 300 и тем государевы города полнят». Эту информацию Романчуков встретил с одобрением, а по поводу желаня Далай-Батура совместно с Москвой противостоять общим недругам, дьяк предложил для решения данного вопросу прислать в столицу отдельное посольство⁹⁶.

Но особенно ойратских послов поразило сообщение Романчукова о том, что до них в Москве уже побывали представители их давнего противника, Алтын-хана, с челобитной о подданстве. С целью призвать Далай-Батура и других тайшей по государеву руку послам в качестве показательного примера было объявлено: «Золотые орды Алтын-царь со всею своею землею и Киргизская земля и иные земли, которые подошли к Алтыну-царю, учинились под великого государя нашего его царского величества высокою рукою во всем ево царского величества повеление». Первоначально ойратские послы даже не поверили этому и предположили, что это могли быть послы брата

---

⁹⁵ МИРМО 1959. С. 73.

⁹⁶ МИРМО 1959. С. 73.

Алтын-хана, поскольку сам Алтын-хан проживает слишком далеко, примерно на расстоянии трех лет пути от Москвы. Но дьяк еще раз повторил ойратам, что это были именно послы от Алтын-хана⁹⁷.

Интересовало Романчукова о то, «какие у них узорчья и товары в Колматцкой земле, чтоб было царскому величеству годно, и грамотные и молитвенные люди у них есть ли, и какова вера и кому молятца?». Ойратские послы уклончиво отвечали: «Что будет царскому величеству в их земле годно, про то б им сказали, а наизусть не знают. А грамота у них и вера одна с Алтыном-царем, а язык свой»⁹⁸.

После завершения предварительных переговоров и по итогам приема послов Далай-Батура в Посольском приказе была составлена записка, а также справка о приезде в 1608 г. ойратских послов Арлая и Баучина к царю Василию Шуйскому. Все эти материалы были представлены Боярской думе, которая, рассмотрев их и подготовив предложения, вынесла государю Михаилу Федоровичу на окончательное решение. Также по царскому указу послам были выделены одежда и подарки точно в таком же количестве и ассортименте, как и делегации 1608 г. (за исключением серебряных ковшей)⁹⁹.

Только после этих процедур ойратские послы были приняты царем Михаилом Федоровичем. К сожалению, в документах не сохранились сведения о самом приеме, но есть документ о том, что послам была вручена царская «жалованная грамота» на имя Далай-Батура от 14 (24) апреля 1618 г., в которой подтверждалось согласие царя принять ойратских тайшей в русское подданство. Как считает К.Н. Максимов, ойратские послы получили

---

⁹⁷ МИРМО 1959. С. 73.

⁹⁸ МИРМО 1959. С. 73.

⁹⁹ Максимов 2002. С. 36.

первый официальный нормативный документ от Российского государства, составленный на русском и татарском языках¹⁰⁰. Для полной ясности приведем весь текст грамоты.

Божиею милостию от великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца и многих государств государя и облаадателя, Колматцкие орды большому Богатырю-тайше с товарищи со всею Колматцкою ордою наше царское и милостивое слово и повеленье то.

Присылали есте к нашему царскому величеству в послех людей своих Бугу до Коодана видети наши царские пресветлые очи и поздравляти нас, великого государя, на наших великих и преславных государствах Росийскаго царствия, и бити челом нашему царскому величеству, чтоб нашему царскому величеству тебя, Богатыря-тайша, и всю Колматцкую орду держать в нашем царском жалованье и в повеление под нашею царского величества высокою рукою. А ты, Богатырь-тайша, со всею Колматцкою ордою нашему царскому величеству хочешь служить и на непослушников наших, куды вам наше царское повеление будет, с своими ратными людьми хочешь ходить. И мы, великий государь, наше царское величество, тебя, тайшая Богатыря, в том похваляем, что ты со всею своею Колматцкою ордою нашего царского величества жалованья к себе поискал, хочешь быти под нашего царского величества высокою рукою, и хотим тебя и всю Колматцкую орду держать в нашем царском жалованье, и послов ваших пожаловав, дав им видети наши царские очи и пожаловав их нашим царским жалованьем, отпустили к вам, не издержав.

---

¹⁰⁰ Максимов 2002. С. 36.

И ты б, Богатырь-тайша, со всею Колматцкою ордою был в нашем царском жалованье под нашего царского величества высокою рукою и нам, великому государю, служил и прямил, и на непослушников наших, куды вам наше царское повеление будет, с своими ратными людьми ходил, и наши отчины в сибирские городы в Тоболеск и в-ыные наши городы с лошедьми и со всякою животиною и со всякими товары, что у вас в Колматцкой орде ведетца, людей своим ходить велел безо всякого спасенья. А мы, великий государь, тебя, Богатыря-тайшу, со всею Колматцкою ордою учнем держать над нашею царского величества высокою рукою в нашем царском милостивом жалованье и в призренье, и ото всех ваших недругов во обороне и в зачищенье, и наши отчины Сибирские земли боярину и воеводам велели есмь с вашими и с вашими людьми и со всею Колматцкою ордою быть в любви и в дружбе, бед вам и задоров никаких чинити не велели. А к торговым вашим людям велели во всем береженье держати, чтоб им отнюдь ни от кого ни в чем обид и безчестья не было, и во всем бы есте на наше царское жалованье был надежен¹⁰¹.

Как отмечал М.А. Кичиков, «в «Жалованной грамоте» нет упоминаний о заложниках, о ясаке, этот документ больше похож на соглашение. Поступая таким образом, русское правительство, вероятно, рассчитывало приобрести в лице Далая Батыра верного вассала на Востоке. Такой шаг мог сыграть положительную роль в дальнейшем развитии сношений не только с калмыками, но и с другими кочевыми народами»¹⁰². К.Н. Максимов также видит в этом документе несколько изменившуюся политику Рос-

---

¹⁰¹ МИРМО 1959. С. 75, 76.

¹⁰² Кичиков 1966. С. 52.

сии по отношению к ойратам. Так, если до 1618 г. царские власти требовали от ойратских посольств в качестве основных обязательных условий нахождения в составе России, кроме верной службы, заложников и выплаты определенной дани, то позднее главным условием становится военная служба. Такой корректировке политики, предполагает К.Н. Максимов, с одной стороны, способствовало настойчивое упорство тайшей не давать аманатов и дани, с другой стороны, присоединение улусов Далай-Батура укрепило бы позиции России в Сибири¹⁰³. По мнению И.Я. Златкина, добровольное подчинения Далай-Батура русскому царю обеспечивало укрепление позиций России в Сибири и открывало возможность для новых территориальных приобретений без применения оружия¹⁰⁴.

Начав официально принимать ойратов в свое подданство отдельными крупными группами, царское правительство продолжало сочетать мирную дипломатию и политику силового давления. Особенно это видно на примере той части непримиримых ойратов, кто выступал против укрепления русско-ойратских отношений и совместно с кучумовичами продолжали тревожить своими набегами сибирские и Уфимский уезды. Известно, что в 1618 г. тобольский воевода И. Куракин организовал вооруженные экспедиции из тарских, тобольских и тюменских людей против указанных ойратов и кучумлян. В результате ставка царевича Ишима и кочевавших с ним тайшей была обнаружена и уничтожена: «и многих колмацких людей побили, и жон их и детей взяли, и верблюды и лошади поймали многие, и на Тару тот полон и лошади и верблюды привели»¹⁰⁵.

¹⁰³ Максимов 2002. С. 37.

¹⁰⁴ Златкин 1982. С. 89.

¹⁰⁵ МИРМО 1959. С. 76, 77.

После этого погрома Куракин срочно отправляет из Тобольска в посланцах служилых людей к Далай-Батуру с требованием выдать русской стороне главного виновника в недавнем вооруженном конфликте – царевича Ишима, и произвести скорейший обмен пленными. Дербетский тайша пошел навстречу, отправив к воеводе посланца Бабытая с тремя товарищами. В расспросе они сообщили, что захваченный в Уфимском уезде полон тайши уже отправили на обмен, а по весне 1619 г. планировался приезд основного посольства в Тобольск. Москва полностью передоверила тобольскому воеводе Куракину ведение дел с ойратами в Сибири, но при этом указывала подробно ее информировать об их состоянии¹⁰⁶.

Но антирусские выступления царевича Ишима не были единственной проблемой в русско-ойратских отношениях. Из глубин Центральной Азии к сибирским границам Московского государства стали выходить все новые улусы тайшей, не подконтрольных Далай-Батуру, а их действия носили угрожающий характер для ясачного населения. Так, в сентябре 1618 г. ясачные татары Верхней Барабинской волости обращались за помощью к тарскому воеводе Кириллу Вельяминову-Воронцову о появлении в непосредственной близости от их волости улуса Зенгултайши, в районе между озером Чаны, Омью и Иртышом. Причем татары были осведомлены о возможном набеге со стороны указанных ойратов, которые якобы готовили его при первых же заморозках. Получив одобрение тобольского воеводы, тарские власти снарядили против указанного ойратского улуса отряд служилых людей под командой литовского рохмистра Воина Волконавского, Болдана Байуача и атамана Власа Калашникова. В начале ноября отряд вернулся в Тару с вестью о разгроме ими улуса Сенгил-

---

¹⁰⁶ МИРМО 1959. С. 77, 78.

тайши. Среди захваченного тарцами полона оказался и ногайский пленник Сундук, который сообщил, что с Сengiлом совместно кочевал и Девникей-тайша, родной брат Хара-Хулы. Оба тайши планировали в ближайшую зиму организовать набег против верхних волостей Тарского уезда¹⁰⁷.

Именно с этого времени в русских документах впервые всплывает имя джунгарского тайши Хара-Хулы, которого *Алтын-хан* Шолой Убаши-хунтайджи (1567–1623) в своей грамоте, направленной царю Михаилу Федоровичу в мае 1619 г., считал главным виновником в развязывании войны. Вспыхнувшая очередная война коренным образом изменила внутреннее и внешнее положение всего ойратского общества. По мнению Алтын-хана, именно этот ойратский тайша чинил якобы помехи его сношениям с Москвой, и предлагал нанести объединенными силами удар по группировке Хара-Хулы. Он писал царю: «А прошение мое, чтоб меж нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людем дорога в твое государство и твоим людем к нам была чиста. И тому доброму делу помешку чинят меж нас калмыцкой Каракулы-тайша, а люди они немногие, и тебе б, великому государю, про то было ведомо. И тебе бы, великому государю Белому царю, послать повеленье свое к томским и к тобольским и к тарским ко всем людем, чтоб они, все твои государевы ратные люди, с моими ратными людьми на тех воров на Каракулы-тайшу и на его людей войною ходили; твои государевы ратные люди на них с твоей стороны ходили, а я с свою сторону на них своих ратных людей учну посылать, чтоб меж нас воров не было, и дорога бы была чиста. И как от тех воров дорога очиститца, и тебе, государю, и не будет прибыль и добра много»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ МИРМО 1959. С. 78, 79.

¹⁰⁸ МИРМО 1959. С. 79, 80.

По мнению И.Я. Златкина, это письменное послание свидетельствует прежде всего о том, что к концу второго десятилетия XVII в. влияние Хара-Хулы в ойратском обществе чрезвычайно возросло, он как раз и возглавил борьбу против Алтын-хана. Реальные силы Хара-Хулы все-таки были значительны, иначе Алтын-хан не просил бы русского царя о военной помощи, направив против него всех ратных людей с Томска, Тары и Тобольска¹⁰⁹. До начала монголо-ойратской войны все ойратские владетельные князья, собравшись на свой съезд-чуулган в 1616 или 1617 гг., как сообщает Батур-Убуши Тюмень, «дали клятву, что не только они сами, но и потомки их из года в год, из поколения в поколение не будут наносить вреда друг другу»¹¹⁰.

В тоже время из послания Алтын-хана мы видим, что действия Хара-Хулы не носили общеойратский характер. Другими словами, действовал он на свой собственный страх и риск, практически спровоцировав столкновение с могущественным соседом, с которым другие ойратские тайши пытались уладить отношения, путем выплаты определенного ясака, но сохранив свои улусы в относительной безопасности. К сожалению, нам не известна конкретная реакция тайшей, в т.ч. и Далай-Батура, на воинственные действия Хара-Хулы.

Отсутствие каких-либо контактов с Хара-Хулой весьма беспокоило царские власти, а слухи о его возможном военном столкновении с Алтын-ханом в непосредственной близости от сибирских границ государства толкали Москву на скорое решение этой проблемы. В 1619 г. для сбора подробных сведений о группировке Хара-Хулы тобольский воевода Куракин в ставку этого ойратского тайши направил с посольской миссией служившего в Тоболь-

¹⁰⁹ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 89, 90.

¹¹⁰ Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 33.

ске литвина Яна Куча, в задачу которого входило завязать отношения и попытаться уговорить Хара-Хулу стать под «высокую государеву руку». Ставка тайши, по всей видимости, находилась на дальних кочевьях, поэтому поездка Яна Кучи продолжалась почти полгода и сопряжена была со значительными трудностями в пути. Как он сам позже сообщал, «ходил де он х Каракуле-тайше больши 24 недель, голод и нужу всякую терпел, и душу свою осквернил: всякую нечистоту ел»¹¹¹.

В целом миссия «служилого литвина» закончилась успешно, поскольку Хара-Хула, встревоженный посольской активностью Алтын-хана в его попытках создать с Москвой военную коалицию накануне большой войны, положительно отнесся к предложению русской стороны отправить в Тобольск вместе с посланцем Я. Кучей своих представителей во главе с Анучаем. В Тобольске послы Хара-Хулы получили приглашение от русских властей прибыть в Москву. Это было первое посольство тайши Хара-Хулы, побывавшее в русской столице. Стоит отметить, что из Сибири оно отправилось вместе с послами Алтын-хана и енисейских киргизов. Все они прибыли в Москву 10 (20) января 1620 г. и было приняты в один день, 29 января (9 февраля), на аудиенции у царя Михаила Федоровича.

Послы Хара-Хулы были приняты после того, как аудиенцию у царя Михаила Федоровича получили послы от монгольского хутугты и Алтын-хана¹¹². Представил госуда-

---

¹¹¹ Миллер 2000. С. 295.

¹¹² Послы от монгольского хутугты, Дархан-лама («Тархан лаба»), Скедден, Янцу, Гилей, Ржамцу, Шисенга, Аманкерей, первоначально в 1619 г. прибыли к Алтын-хану с целью установить с ним торговые отношения. Алтын-хан, воспользовавшись приездом к нему русских посланцев, предложил Дархан-ламе вместе с его послами, Кетя-бакши и Онгой, отправиться в Москву. Уже в Тобольске по дороге к ним присоединились послы от Хара-Хулы (МИРМО 1959. С. 91).

рю ойратских послов посольский думный дьяк Иван Грамотин со следующими словами: «Великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, колматцкие Каракула-тайши послы Анучай с товарищи вам, великому государю, челом ударили». Речь послов Хара-Хулы, которую зафиксировали дьяки Посольского приказа, содержит такие слова: «Каракулы-тайша з братьею и з детьми и с племянники вам, великому государю, велели бити челом, что он, Каракулы-тайша, з братьею и з детьми и с племянники и со всеми своими улусы учинилися под вашею царского величества рукою, и перед вашими государевыми людьми правду дали, шertz учинили, что быти нам под царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным. И вам бы, великому государю, нас пожаловать, держати под своею царскою высокою рукою в своем царском милостивом жалованье и в повеленье и от недрузей наших во обороне и в защищенье»¹¹³. После последовала процедура передачи и предъявления царю подарков («поминки») от тайши: «3 сорока соболей¹¹⁴, 2 ирбиза, барс». Государевой ответ послы должны были получить позже¹¹⁵.

Раньше официальный ответ все-таки получили посланцы Алтын-хана. В грамоте царя Михаила Федоровича на имя Алтын-хана от 24 апреля (4 мая) его предложение о совместных действиях против Хара-Хулы принято не было, но содержалось обещание военной помощи: «мы, великий государь, жалея тебя, Алтына-царя, наше царское повеление к сибирским воеводам и приказным людям послати велели, а велели тебя и твоей земли от колматцкого

---

¹¹³ МИРМО 1959. С. 92, 93.

¹¹⁴ Единица счета пушнины, поскольку на пошив шубы требовалось именно сорок шкурок.

¹¹⁵ МИРМО 1959. С. 93.

Каракулы-тайша и от ево людей оберегать. И ты б на нашу царскую милость был надежен»¹¹⁶

Месяцем позже, 25 мая (4 июня) 1620 г., царская «жалованная грамота» аналогичного содержания была вручена и посланцам Хара-Хулы, в которой также подтверждалось стремление царского правительства оказать ойратскому правителю помощь в обороне от нападения со стороны его врагов. В частности, в ней говорилось: «И ты б, Каракула-тайша, со всеми своими улусными людьми были под нашею царскою высокою рукою и нам, великому государю, служили, а на наше царское жалованье во всем были надежны. А мы, великий государь, тебя, Каракулу-тайшу, и твоих улусных людей учнем в нашем царском милостивом жалованье держать и от недругов ваших оберегать, смотря по вашей к нам, великому государю, службе и правде»¹¹⁷.

Таким образом, мы видим, что царское правительство не просто заняло нейтральную позицию с точки зрения сюзерена по отношению к готовящемуся военному противостоянию Алтын-хана и Хара-Хулы, но и выжидательную. В принципе с позиции Хара-Хулы он добился от этой посольской миссии больше положительного результата, так как его послы впервые заручились поддержкой и добились невмешательства Москвы в их вооруженный конфликт с Алтын-ханом, который имел до этого более тесные отношения с царскими властями. Как отмечал И.Я. Златкин, «в отличие от других случаев сношений Москвы с монгольскими правителями материалы этого посольства и цитированная жалованная грамота ни слова не говорят о делах торговых, что подчеркивает военное значение миссии»¹¹⁸.

¹¹⁶ МИРМО 1959. С. 96.

¹¹⁷ МИРМО 1959. С. 99.

¹¹⁸ Златкин 1983. С. 91.

На обратном пути из Москвы ойратских послов сопровождал томский атаман Иван Белоголов. В ноябре того же года они прибыли в Тару, откуда выехали в свои кочевья. Тем временем война между ойратами и княжеством Алтын-хана была уже в самом разгаре. Сведения о событиях 1619–1623 гг. основываются главным образом на доносениях представителей русской администрации сибирских городов, которые получили известия о вспыхнувшей войне между ойратами и монголами от русских людей, оказавшихся в то время в ойратских улусах, и от самих ойратов, прикочевавших к русским владениям в Сибири. Местные власти в ожидании распоряжений из центра, по видимому, не успели предпринять какие-либо конкретные шаги, чтобы дипломатическим путем предотвратить войну¹¹⁹.

2.3. Русско-ойратские отношения в период войны ойратов с Алтын-ханом в 1620–1623 гг.

Когда конкретно начались военные действия Алтын-хана против ойратов, сказать сложно. По мнению И.Я. Златкина, они начались не позже 1619 г.¹²⁰, хотя прямых указаний на это в документах нет. Авторы «Истории Калмыкии» считают, что нападение войск Алтын-хана на ойратские владения произошло не ранее весны 1620 года¹²¹. Но первоначально вооруженный конфликт у ойратов произошел с казахами. Ойраты подверглись нападению со стороны казахского хана Есима (1598–1628), наследовавшего Тевеккелю, и были заняты отражением агрессии на юге. Можно предположить, что казахский хан действовал в одной антиойратской коалиции с Алтын-ханом, но в материалах прямого указания на это нет. Причина этой

¹¹⁹ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 280, 281.

¹²⁰ Златкин 1983. С. 91.

¹²¹ История Калмыкии 2009. Т. 1. С. 281.

войны лежала все в той же политической плоскости – отсутствие у ойратов единого руководящего центра в урегулировании отношений с соседними народами и государствами.

Подробности этого конфликта, а именно его причина, становится известна из сообщения толмача Уфимской приказной избы П. Семенова, который предположительно летом 1620 г. ездил из Уфы в ойратские улусы для сыска башкирского полона. По его словам известно: «Слышал де он у колмацких людей, што приходил на них в прошлом году Казачьей орды Ишим-царь войною для того, что посылали к нему колмацкие тайчи послов своих о миру. И как де колмацкие послы были у Ишима-царя, а в те де поры колмацкие люди воинские, пришед, Ишима-царя улусных людей повоевали. И Ишим де царь велел колмацких послов побить, а побив послов и собрався своими людьми, да колмацких дву тайчей и многих людей побили. Да нынешнево году перед их приходом приходили на них воинские люди Алтына-царя люди, черные колмаки, и улусы колмацкие повоевали, и людей многих побили, а взяли де живых дву тайчей, а 3-ей де тайча Байбагишев брат Тегурчей утек и прибежал при нем, Пятуньке, в кочевье к брату своему Байбагишу»¹²². Подобное сообщали в Уфе и башкиры, которые находились по своим делам в ойратских улусах: «Колматцким тайчам учинилась теснота великая от Казачьи орды от Ишима-царя: побил де у них многих людей, а Олтына де, государь, царя люди побили у них многих людей и дву де тойчей с улусы з женами и з детьми поймали в полон»¹²³.

Из этого сообщения нам становится понятно, что в то время, как одни тайши пытались выстроить мирные от-

---

¹²² МИРМО 1959. С. 104.

¹²³ МИРМО 1959. С. 103.

ношения с казахами, другие совершают нападение, подставив под угрозу не только сам переговорный процесс, но и в целом безопасность ойратских кочевий. Это говорит о серьезном политическом противоречии внутри ойратского общества, отсутствие единства и наличие сторонников резкой конфронтации в отношении соседей. Ситуацию усугубило и открытие военных действий против ойратов Алтын-хана. Внешняя угроза побудила тайшей северо-западной группировки откочевать поближе к сибирским городам и дальше на запад, в окрестности Уфимского уезда. Русские источники сообщают о появлении в Западной Сибири кочевых улусов владетельных хошутских князей, которые наиболее всего пострадали от казахских ударов, а упоминаемый в документе «Тегурчей» – это ни кто иной, как известный Дургучи Кунделен-Убаши, родной брат Байбагаса.

Возвращаясь к поездке в улусы П. Семенова, стоит отметить, что у ойратов существовали проблемы и на уфимском направлении, в частности, случаи набегов отдельных тайшей на башкирские волости. Как сообщал Семенову в доверительной беседе сибирский царевич Ишим: «приходят на башкирские волости воевать колмацкие люди моим именем, а яз де с ними приходил на башкирские волости одно да и то неволею»¹²⁴. Именно это было главным вопросом на переговорах Семенова с тайшами. Толмач должен был передать ойратской стороне главное требование уфимского воеводы Осипа Прончищева: «чтоб они на уфинские места на государевы башкирские волости воевать не посылали, и на зверовье башкирцев не побивали и не грабили, и в полон башкирских жон и детей не имали. А которой де башкирской полон топере у вас, и вам бы де тот полон велеть сыскати, а сыскав, отдати башкирцом».

---

¹²⁴ МИРМО 1959. С. 105.

Также тайшам предлагалось прислать в Уфу двух своих представителей¹²⁵.

Остановился Семенов в улусе хошутского Байбагаса, который кочевал в районе междуречья Ишима и Иртыша. При встрече толмач передал тайше слова уфимского воеводы: «что приходили их колматцкие люди на уфинские места на башкирские волости воевать, и людей многих побили, и в полон жены и детей поймали. И они б, сыскав полон, башкирцем отдали, и вперед бы на уфинские башкирские волости людей своих воевать не посылали, тем бы на себя государева гнева не наводили, и на зверовье башкирцев не побивали и не грабили». Вместе с Семеновым приехали и видные башкирские люди – князь Тевей Утегулов, Дуван-Немич Кетиков и Черя Мурзагулов, которые должны были отыскать захваченных в недавних набегах своих жен и детей. Все они были доброжелательно Байбагасом встречены и поставлены на полное довольствие – на пропитание им было выделено 100 овец¹²⁶.

Приезд Семенова в ойратских улусах вызвал большой резонанс, и Байбагас срочно отправил к старшим тайшам весть о срочном созыве съезда, который в конечном итоге прошел в улусе хошутского Чокура. После совещания тайши приняли общее решение: отправить в Уфу объединенное представительство, «чтоб, государь, пожаловал, велел им быти под своею государевою высокою рукою». Со своей стороны владельцы приняли общее решение: «заказ учинили колмакам всем крепкой, чтоб на уфимские волости воевать не ходить и на зверовье, съехався з башкирцы, башкирцев не побивать и не грабить». Тайши провели по улусам розыск башкирских пленных и «без окупу» их отдавали уфимскому представителю – всего 9 человек.

---

¹²⁵ МИРМО 1959. С. 102.

¹²⁶ МИРМО 1959. С. 106.

Тайши просили царские власти о безопасном для себя кочевании по Тоболу и Кояку. От себя Байбагас в подарок к государю Михаилу Федоровичу отправил двух вороних коней, барса и 9 соболей. По словам Семенова, уже перед отъездом русского посла Байбагас лично шертовал ему за всех тайшей, «что быть под государевою высокою рукою». Подобная позиция тайшей была связана не только сохранением безопасности улусов с уфимского направления, но и стремлением установить с Уфой прочные торговые отношения¹²⁷.

За время пребывания в улусах Семенов сделал для себя некоторые замечания, с которыми потом поделился с уфимским воеводой. Так, по его наблюдениям, у Байбагаса на момент его приезда в улусе насчитывалось примерно тысяча человек, столько же было и у Чокура. Чуть больше тысячи улусных людей было у Хо-Урлюка. В улусе Далай-Батура – больше двух тысяч¹²⁸. Эти цифры весьма сомнительны и вряд ли отражают истинную численность улусов этих тайшей, но можно предположить, что большинство их улусных людей в это время находилось на военном театре действий против Алтын-хана и казахов.

Нагнетание военной ситуации в степи снова подталкивало тайшей к установлению более тесных отношений с Московским государством. Начиная с лета 1620 г. в Тобольск один за другим начинают приезжать ойратские делегации от разных тайшей. 7 (17) июня первыми прибыли представители дербетского Далай-Батура во главе с Чияком, всего 27 человек. Наплыв ойратских посланцев в Тобольск, возможно, был еще вызван и тем, что на место Куракина прибыл из Москвы новый воевода – Матвей Михайлович Годунов. Приезд ойратов был связан с прось-

---

¹²⁷ МИРМО 1959. С. 102, 107.

¹²⁸ МИРМО 1959. С. 105.

бой тайшей разрешить им торг в сибирских городах. Государю в качестве подарка посланцы привезли двух разномастных коней: гнедого и серого. Тобольские власти достаточно гостеприимно встретили ойратов: «поя и кормя довольно и пожаловов твоим государевым жалованьем, отпустили их ис Тобольска в их улусы»¹²⁹.

12 (22) сентября в Тобольск прибыла уже более представительная делегация. Сюда входили представители торгутского Хо-Урлюка, хошутских Чокура и Байбагаса, Мангыта, Мандышери – всего 6 человек во главе с Тютенгом. В подарок государю тайши прислали пять разномастных коней: игреневого (светло-рыжего), солового, серого, пегого и гнедого. Их также «поя и кормя и пожаловав твоим государевым жалованьем, отпустили их в их улусы»¹³⁰.

В следующий приезд в Тобольске снова были посланцы Далай-Батура – Буя с 4 товарищами. Они привезли в подарок государю коня чубаровой масти. В это время Алтын-хан и казахский хан Есим стали теснить ойратские улусы, которые вынуждены были подойти еще ближе к сибирским границам Московского государства. Так, Далай-Батур кочевал на Итыковых горах, в месяце пути от Тобольска. В междуречье Ишима и Тобола для ясачных татар, охотившихся здесь на зверя, нависла угроза со стороны ойратов, о чем они сообщили царским властям. Именно этот вопрос в первую очередь должен был урегулировать отправленный к тайшам боярский сын Дмитрий Черкасов. В частности, он обязан был донести лично до Далай-Батура и других тайшей, «чтоб они, не бив челом великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и не учинясь под царскою высокою рукою, на государеве земле не кочевали, и угодьями го-

---

¹²⁹ МИРМО 1959. С. 100.

¹³⁰ МИРМО 1959. С. 101.

сударевых ясачных людей не владели, и откочевали б от царской отчины дале, где преж сево кочевали»¹³¹.

Примерно с этого времени Уфа становится одним из новых центров по связям с ойратами. 19 (29) 1620 г. сюда прибыли ойратские посланцы абыз Букенеев и Куту Бураков с двумя сопровождающими, а 21 (31) октября они были уже на приеме у уфимского воеводы О. Прончищева. Выступали они от имени хошутского Байбагаса и его брата, но, как сами сообщили, были уполномочены вести переговоры и от других старших тайшей. На продажу ойраты пригнали 200 лошадей, часть из которых была продана или обменена на «рухлядь»¹³². На вопрос уфимского воеводы о наличии с ними какой-либо грамоты на имя государя, то послы ответили: «у них грамот к государю нет, потому что по их языку грамоты у них нет, а в которое государство тайчи посылают людей своих в посольство, и оне, правят словесно».

23 октября (2 ноября) по настоянию уфимских властей ойратские послы дали шерть за Байбагаса, Далай-Батура, Чокура, Хо-Урлюка, Кунделен-Убаши и других тайшей, а также царевича Ишима: «что им к Уфимскому городу и на Уфинской уезд на башкирские волости воевать не приходить и людей не посылать, и на зверовье башкирцев, не громить и не побивать, и быть под государевою высокою рукою». В Москве положительно отнеслись к деятельности воеводы Прончищева, сумевшего привести послов к шерти и установить с ними торговые отношения. В качестве наказа ему было велено: «и вперед бы им з базаром и с торгом приезжать велел, и ласку к ним держал и береженье, чтоб им ни от кого обид не было, и торговали б с ними правдою, чтоб их приучить, а не отогнати»¹³³.

¹³¹ МИРМО 1959. С. 101.

¹³² МИРМО 1959. С. 103.

¹³³ МИРМО 1959. С. 107, 108.

В течение 1620–1622 гг. в документах фиксируются неоднократные нападения ойратов на тарские ясачные верхние волости, которые сопровождалась тем, что они «многих ясачных тотар в тех волостях побили» и взяли большой полон¹³⁴. И начало 1621 г. также было отмечено появлением отдельных ойратских улусов в Тарском уезде. После того, как в феврале ойраты заняли зверовые угодья ясачных татар, тарские власти срочно отправили конных служилых людей для их защиты, а к тайшам отправили посланцев с требованием освободить волости и вернуться «на прежние свои места». В противном случае служилые люди имели право применить силу¹³⁵.

К сожалению, нам не известны результаты переговоров, но, судя по наличию в документах поименного списка награжденных лиц (стрельцов, казаков и служилых татар) за службу против ойратов¹³⁶, то можно предположить, что они закончились ничем, и тарские служилые люди вступили с нарушителями границы в бой, одержав победу.

Основную тяжесть войны против войск Алтын-хана принял на себя Хара-Хула. В результате неудач на начальном этапе войны этот тайша весной 1621 г. планировал отступить в северном направлении. По сообщению князя «белых калмыков» Абака, Хара-Хула под предлогом долгого ожидания возвращения из Москвы своих послов собирался прикочевать в междуречье Оби и Томи, угрожая отсюда напрямую Томску и Кузнецкому острогу. Положение томского гарнизона, насчитывавшим на тот момент 283 служилых человека, было очень трудным, и понятно, что с таким весьма скромными силами было сложно не только противостоять наплыву кочевников, но и контролировать весьма обширные сибирские территории¹³⁷.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 193.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 189–190.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 149об–163об.

¹³⁷ МИРМО 1959. С. 109.

Но в 1621 г. первым, кто из тайшей установил отношения с Томском, был Мангит (Мангут). Примерно в начале года он прислал своих послов в город с сообщением, что «он, Майгут-тайша, хочет быть под государевою царскою высокою рукою безотступно и государю служить и прямить во всем». В конце марта из Томска к нему были отправлены «для подлинново укрепления» пан Мартын Боржевицкий, казак Иван Широков и толмач Дружина Ермолин. Посланцы должны были заручиться шертью Мангита, чтобы тот «был под государевою царскою высокою рукою безотступно и государю служил и во всем прямил безо всякие шатости неподвижно»¹³⁸.

Находясь в ойратских улусах, пан Боржевицкий прислал в Томск весть, что обнаружил для добычи крупное соляное озеро в междуречье Иртыша и Оби. Именно в районе этого озера кочевали улусы сразу нескольких старших тайшей – Далай-Батура, Мергена, Чокура, Байбагаса, Сengiла и других. Виновниками конфликта с Алтын-ханом многие тайши считали Хара-Хулу и Мерген-Темене, «потому что де задрали черные колмаки Каракул-тайша, да Мерген-Теменя-тайша Алтына-царя». Именно это привело в конечном итоге к тому, по мнению тайшей, что «Алтын де царь их побил и идет де на чорных калмаков войною». По этой причине Боржевицкий советовал томскому воеводе не присылать людей за солью к этому озеру, «потому что де около того соляного озера кочуют чорные колмаки, тайши и их улусные люди многие, чтоб над государевы служивыми людьми дурна которого не уничтолось»¹³⁹.

О тяжелом положении ойратских улусов в 1621 г. общали и «белые калмыки». Так, князь Тоян, приехавший в Томск в конце августа, поведал, что все тайши во главе с

---

¹³⁸ МИРМО 1959. С. 111.

¹³⁹ МИРМО 1959. С. 112.

Далай-Батуром, Хара-Хулой и Мерген-Теменем отступили с улусами в междуречье Оби и Томи, а в устье реки Чумыш ими для защиты был построен укрепленный городок, где планировали провести зимовку. Наиболее всех от военных действий Алтын-хана пострадал Хара-Хула, который потерял в этой войне жен и детей. Ситуацию для ойратов усугубляло и то, что Алтын-хан действовал успешно в коалиции с казахским ханом, а тот – с ногайцами. Отступление ойратских улусов в северном направлении, ближе к Томску и Кузнецкому острогу, привело к потере значительной территории кочевий. Массовый наплыв кочевников к Оби в свою очередь весьма тревожил томские власти, что призывало их просить Москву подкрепление¹⁴⁰.

Как видим их документов, 1621 г. для ойратов оказался самым тяжелым годом не только за весь период этой войны, но и за всю историю военного противостояния с Алтын-ханами. Виновником в ее развязывании большинство тайшей считали Хара-Хулу. По мнению С.К. Богоявленского, Хара-Хула действовал тогда самостоятельно, без согласования с другими ойратскими владельческими князьями¹⁴¹. Его воинственные устремления против сильного соседнего государства, по всей видимости, поддерживались далеко не всеми тайшами, пытавшимся сохранить в безопасности свои улусы. Ойратский летописец Габан Шараб указывает на один момент в истории, правда, без указания на время, но который по сюжету больше всего подходит к указанному периоду. Когда другие тайши хотели поймать Хара-Хулу, дербетский Далай-Батур их удержал от этого, сказав им, что «вьюк взрослого верблюда не под силу годовалому верблюжонку»¹⁴². Другие ойратские тайши перед лицом внешней угрозы вынуждены

¹⁴⁰ МИРМО 1959. С. 112, 113.

¹⁴¹ Богоявленский С.К. 1939. С. 61.

¹⁴² Габан Шараб 2003. С. 105.

были объединиться для отражения нападения Алтын-хана и его союзников. Поражение Хара-Хулы побудило их выступить единым фронтом с джунгарским правителем против общего врага, несмотря на разделявшие их внутренние противоречия¹⁴³.

Отступив с улусами в Кузнецкий край, тайши начали не просто перегруппировку сил для контрнаступления на Алтын-хана, но и массово вооружаться. Помощниками им здесь выступили представители местные ясачных народов, которых насчитывалось примерно 3 тыс. человек и занимавшихся добычей железной руды и изготовлением оружия. В этом горном регионе имелись огромные залежи железной руды, с помощью которой кузнецкие люди изготавливали разного рода оружия: панцири, бехтерцы (кольчато-пластинчатые доспехи), шлемы, копья, рогатины, сабли и другие железные изделия кроме пищалей. В это время главными потребителями этих военных изделий стали ойраты, которые приобретали их у местных умельцев взамен на скот и лошадей. Другие кузнецкие ясачные люди, особенно те, кто жил далеко от Кузнецкого острога и не платил ясака в государеву казну, сразу же попали под власть тайшей и платили уже им ясак железом. В самом остроге на тот момент насчитывалось примерно 50 служивых людей, и, соответственно, местные власти не могли контролировать весь этот регион и противостоять ойратам в обложении ясаком всего населения Кузнецкого края¹⁴⁴.

Наступление войск Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного

---

¹⁴³ История Калмыкии 2009. С. 282.

¹⁴⁴ МИРМО 1959. С. 115, 116.

поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 ойратов под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая – брата Байбагаса. Они разгромили кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 человек был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать и объявиться в улусе Каная. Ойраты перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султаная, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу. Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости¹⁴⁵. В свою очередь набеги ойратов вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану¹⁴⁶. По мнению А. Чулошникова, полное отсутствие сведений о всяких посольствах из Средней Азии в Московское государство после 1622-1623 гг. было связано с ситуацией, сложившейся на старых вековых путях с приходом в зауральские степи калмыков, которые в 1620 г. появились на берегах рек Орь и Эмба¹⁴⁷.

Выдвижение отдельных ойратских отрядов в степи Северного Прикаспия объясняет, почему в 1622 г. отмечаются и их появление в Уфимском уезде, сопровождавшееся нападениями на местное ясачное население. Так, осе-

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 11–13.

¹⁴⁶ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 61.

¹⁴⁷ *Чулошников А.* Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVII вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.* Вып.3. Ч. 1. Л., 1933. С. 75–76.

нью этого года в Тамьянской волости появляется ойратский отряд в 100 человек из улуса тайши Сенгила. Их нападению подверглись две башкирские деревни Тамьян и Кузубаев, 13 человек были убиты и 25 взяты в плен. Один из захваченных в плен башкир, Кузей Кулмаметев, напомнил этим людям о шерти, которую дали в Уфе послы Байбагаса, причем перечислив их имена. Указанным ойратам почему-то ничего не сказали эти имена, но признались, что у Байбагаса в улусе находятся двое неизвестных башкир, которые приходили к тайше за выкупом своих людей. До весны 1623 г. Байбагас оставил их зимовать у себя в улусе, чтобы затем отправить их со своими послами к государю¹⁴⁸.

Этой же осенью на «зверовье» в Среднем Юртыке, в 4-х днях пути от Тюмени, были взяты в плен Тагалай-тайшею четверо тюменских татар. Этот мелкий владелец возглавлял отряд в 50 человек и перед ним, по всей видимости, стояла задача – захватить «языка», чтобы потом отправить его в Тюмень с просьбой к воеводам прислать послов к Хо-Урлюку. Были свидетельства служилых людей о конских «сакмах» немногочисленных ойратских отрядов по 20–40 человек в Тюменском уезде¹⁴⁹.

Все-таки главной целью тайшей в это время были неясчные татары или башкиры, а ногайские улусы. Именно в западном направлении двигались эти немногочисленные ойратские отряды. Конфликт с уфимскими властями существовал только у сибирского царевича Ишима. В то время как тайши стремились поддерживать с Уфой мирные отношения, откуда, например, недавно вернулись их посланцы, то представитель Ишима, татарин Теникей, был там по неизвестным причинам задержан. Это даже

¹⁴⁸ МИРМО 1959. С. 118.

¹⁴⁹ МИРМО 1959. С. 118, 119.

вызвало напряженность в отношениях между царевичем и тайшами, поскольку те отказались его поддерживать в организации набегов на Уфимский уезд в отместку за задержку посланца. Царевич в это время кочевал со своим тестем – торгутским Хо-Урлюком¹⁵⁰.

К концу 1622 г. большинство ойратских тайшей во главе с Байбагасом с улусами прикочевали к реке Тобол, в район между Тюменью и Уфой, в двух днях пути от Уфимского уезда. Ранее ойраты никогда не кочевали в такой близости от этого уезда. Алтын-хан продолжал теснить их улусы, и большинство мелких тайшей с улусными людьми находилось против него на заставе¹⁵¹.

В условиях военного противостояния и тяжелого положения на тот момент у ойратов существовало строгое указание старших тайшей: ни в коем случае не трогать башкир. Это видно на примере показаний башкира Едигера, который на Хама-Карагае случайно столкнулся с отрядом из 40 человек тайши Куралая. И хотя со стороны тайши были претензии к башкирам, что те якобы в ходе охоты за зверем вторгаются в их вотчины, но сам признавался в наличии действовавшего на то время запрета: «государь де наши, тайши, вас, башкирцов, побивать и грабить и в полон имать не велят». В одной из таких стычек, например, был убит некий молодой калмык и, по свидетельству того же Куралая, «тот де малой был не боец с ним, и их де колматцкие люди взяли у того башкирца за убитую голову 2 лошади да 10 лисиц да 2 стрелы, которыми он того малого убил, и отвезли те лошади и лисицы и стрелы в колматцкие улусы к отцу того малого»¹⁵². Таким образом конфликт был исчерпан путем материального возмещения вреда.

---

¹⁵⁰ МИРМО 1959. С. 119, 120.

¹⁵¹ МИРМО 1959. С. 119, 120.

¹⁵² МИРМО 1959. С. 119.

Слухи о появлении ойратских улусов в непосредственной близости от Тюменского и Уфимского уездов в свою очередь подтолкнули местных воевод предпринять меры по установлению контактов с тайшами. Примерно в конце 1622 г. или начале 1623 г. из Тюмени и Тобольска были направлены посланцы во главе с боярским сыном Дмитрием Черкасовым в Верхний Утек, где по некоторым данным якобы кочевал улус Далай-Батура. Однако в указанном месте тайши не оказалось, и посланцы, направляясь вверх по Тоболу, на реке Обуга случайно столкнулись с отрядом Карадая (Карабука) из владения тайши Зенгула. Оказалось, что Далай-Батур кочует у Пенных гор, на бывших казахских кочевьях, а в этом районе кочуют мелкие тайши: Бобуга, Кузенек, Каназар, Кагул и Кага. Двигаясь вверх по Обуге посланцы в сопровождении Карадая, который согласился их проводить до тайшей за 5 аршин сукна, через 10 дней достигли улусов Бобуги, Кузеняка и Каназара¹⁵³.

Следуя наказу тобольского воеводы М. Годунова, посланцы стали призывать указанных тайшей под «царскую руку»: «а на государеве бы вам земли, тайшам, не кочевати, и на государевы волости с войною не приходити, и на зверовье зверовщиков не побивати, не грабити, и вам бы, тайшам, на том государю шерть дати и утвержение по своей вере». Но ответ этих трех мелких тайшей заставил посланцев врасплох: «мы, тайши, кочюем по своей земле, а не по государеве, а под государевою де рукою мы не хотим быти, хотим де мы з государевыми людьми воеватца». После этих слов посланцы были ограблены, и над ними даже нависла угроза убийства, поскольку были обвинены во лжи: «вы де едите к нам обманом, хотите де нас воевать». Неизвестно, чем бы закончились эти угрозы, если об их приезде не услышал тайша Зенгул и не забрал их к

---

¹⁵³ МИРМО 1959. С. 120, 121.

себе в улус¹⁵⁴.

Во владении этого тайши посланцев встретили более гостеприимно. Выслушав их речь, по содержанию аналогичное, что было высказано ранее трем тайшам, Зенгул попросил Черкасова передать воеводе следующие слова: «Скажи де ты, Дмитрий с товарищи, боярину и воеводам: кочевал де я меж Тарского города и тобольских уездов и тюменских де зверовщиков всегда видал, и я де им дурна никоторого не учинил; да коли б де я похотел воевать государевы волости, и я бы де, не боясь, под город, а под которой подшел, хлеб бы вытоптал, и сена выжег, и деревни б все вывоевал, токо бы де один город остался. И я де не хочю з государевыми воеватца людьми, под его царскою высокою рукою быти хочю де, как наши большие тайши с нашими бояры и с воеводами ссылаю[т]ся, и я де тако ж хочю быти под государевою царскою высокою рукою, как и те тайши». После этого тайша дал шertz Черкасову на царское имя, «что ему, Зенгулу-тайше, государевы города с войною не приходити, и на зверовьях зверовщиков не побивати и ни грабити, и на государеве земле не ставати». Обратнo с тюменскими посланцами Зенгул отправил в Тюмень двух своих представителей¹⁵⁵.

Находясь в улусах, посланцы от полоняников узнали, что старшие тайши, Далай-Батур и Чокур, строго указали мелким тайшам, «чтоб с государевыми сибирскими города не воевались». В это время у ойратов в самом разгаре была война сразу на нескольких направлениях: с Алтынханом, бухарцами, ногайцами и «промеж де собою у тайшей война есть». Все эти обстоятельства заставляли тайшей держаться ближе к сибирским городам и сохранять мирные отношения с царскими властями. Но об истинном

---

¹⁵⁴ МИРМО 1959. С. 121.

¹⁵⁵ МИРМО 1959. С. 121.

положении этой группировки мелких тайшей, куда, помимо Зенгулы, в том числе входили еще Киндян, Бабуга, Исе-няк, Кусеняк, Чалым и Каназар, случайно узнал юртовский татарин Карабаш Ишимов. Как оказалось, эти тайши оказались ближе к Тюмени после того, как участвовали в набегах на Барабинскую волость Тарского уезда, где погиб родной брат Зенгулы. Дискредитировав себя в глазах тарских властей и старших тайшей, они перебрались ближе к Тюменскому уезду, с властями которого тот Зенгул пытался наладить отношения, хотя, как мы видим, это не имело полную поддержку среди его соратников. Старшие тайши во главе с Далай-Батуром не только осудили их преступные действия против тарских волостей, но и наказали некоторых из них. Так, некоего тайшу Кагая, также участвовавшего в этих набегах, Далай-Батур ограбил, а его брата казнил. По всей видимости, неформальным лидером в этой группировке был Зенгул, который, в отличие от своих соратников, колебался насчет продолжения политики набегов на царские земли. Уже на новом месте кочевания их набегу подвергся Уфимский уезд, о чем свидетельствовало наличие уфимских полоняников, которых они не отдавали на выкуп. Но при подготовке следующего набега на тот же уезд, когда они уже «наряжались», неожиданно к ним прибыло посольство Черкасова, что не только отменило нападение, но и склонило Зенгула к изменению своей политики в пользу мирного сосуществования с государевыми людьми¹⁵⁶.

В течение первой половины 1623 г. Зенгул продолжал надеяться на присылку к нему отдельного посольства из Тюмени. При этом торговые отношения уже существовали, по крайней мере, казанские татары могли беспрепятственно приезжать к нему в улус для торговли. Именно

---

¹⁵⁶ МИРМО 1959. С. 122.

через них он угрожал тюменским властям: «только де в Тюмени воеводы послов русских не пришлют, и они де, колмацкие люди, хотят притти под Тюмень войною». Столь воинственные их настроения основывались на том, что Тюмень якобы была удалена от других городов, а население в уезде сильно рассредоточено: «покаместа де русские люди збираютца, и мы де хлеб потопчем и деревни позжем». К этой же группировке примыкал и царевич Ишим¹⁵⁷.

Улусы указанных тайшей кочевали по Ишиму, а в верховьях реки располагались улусы Хо-Урлюка и Чокура. Практически большинство ойратских улусов располагалось в междуречье Иртыша и Ишима, по Камышлову, где содержался основное поголовье скота и имущество, а также семьи. С начала 1623 г. происходит активная подготовка ойратов к началу новой военной кампании против Алтын-хана, о чем сообщали многочисленные свидетели¹⁵⁸.

Военные действия шли с переменным успехом, ситуация в степи быстро менялась. Войскам Алтын-хана и казахского хана Есима, заключившим между собой антиойратский союз, не удалось добиться решительного перевеса в войне и окончательно разгромить ойратов. Потерпев поражение в первых сражениях с неприятелем, ойратские правители смогли организовать успешное сопротивление агрессии. Как стало известно летом 1623 г. в Тюмени бухарский купец Мухтар, побывавший в улусе Чокура-тайши, рассказывал: «ходил де колмацкий тайша Каракул к Алтын-хану войною, и людей с ним ходило 4000 и улус де у Алтына-хана повоевал, и полону взял много, и взял де, пошел назад. И Алтын-царь послал на переём к тому

---

¹⁵⁷ МИРМО 1959. С. 123.

¹⁵⁸ МИРМО 1959. С. 123.

Каракуле-тайше 4000 людей, а 3000 ззаде, и у тайши де Каракулы людей всех побил, только де тайша Каракула ушел с сыном». Ойратские улусы кочевали по Камышлову, в 10 днях пути от Тюмени¹⁵⁹. К сожалению, этот источник информации не уточняет времени события: относится ли оно к началу войны ойратов с Алтын-ханом или к 1622–1623 гг.¹⁶⁰.

В Уфе внимательно отслеживали информацию о каких-либо передвижениях ойратских улусов в степи, поскольку угроза новых набегов сохранялась. Чтобы поставить в известность старших тайшей о набеге ойратов осенью 1622 г., уфимским воеводой Григорием Васильевичем Измайловым были направлены к Далай-Батуру, Хо-Урлюку, Чокуру и Байбагсу в начале мая 1623 г. боярский сын Василий Волков и толмач Федор Дербышалеев. Только через месяц, в начале июня, они достигли улуса дербетского тайши Мангита, в 5 верстах от Итыковой горы. Уфимские посланцы рассказали тайше о цели своего приезда, что они присланы с грамотой к старшим тайшам и претензией на нарушение шерти, данной ими в Уфе в прошлом году, и продолжающимися набегам. Однако ни Далай-Батура ни других старших тайшей в улусах не оказалось, так как те за 19 дней до приезда Волкова с войсками направились на войну против Алтын-хана. Причем военный театр действий находился слишком далеко, в двух месяцах пути¹⁶¹.

На предложение Мангита приехать к нему на стан, чтобы официально вручить грамоту, Волков это сделать отказался: «что он, Василей, царского величества сын боярской, будет де Мангит похочет у него, Василья, грамоту принять и речь у него, Василья, выслушать, и он бы де,

¹⁵⁹ МИРМО 1959. С. 123.

¹⁶⁰ Златкин 1983. С. 93.

¹⁶¹ МИРМО 1959. С. 124, 129.

Мангит, с ним, Васильем, и с толмачом корошевался». Тайша был вынужден пойти на уступку и самому приехать к ним на стан. В ходе беседы они сумели найти общий язык, и Мангит честно признался Волкову: «наперед сего от царского величества у них, тайшей, ис сибирских городов и с Уфы дети боярские не бывали, а присылавали де для посольства к ним, тайшам, ис сибирских городов казаков и служилых татар, и им де, тайшам, то не за обычей»¹⁶².

Посланцы все-таки вручили Мангиту грамоту и передали наказ воеводы, что осенью прошлого года на ясачные башкирские волости совершил нападение Зенгул-тайша и «башкирцев побил, и жон их и детей в полон поймал». Все это шло в нарушение той шерти, которую ранее дали в Уфе представители старших тайшей, причем за всех ойратских владельцев и улусных людей. Волков еще раз напомнил Мангиту о главном условии этого договора: «чтобы им, тайшам, быть под государевою высокою рукою и на Уфинской уезд на башкирские ясачные волости войною не приходить, и башкирцев по волостем и на зверовьях не побивать, и жон их и детей в полон не имать, а которой полон поймал до тех мест, и тот было полон весь отдати назад»¹⁶³.

На это обвинение Мангиту пришлось лишь ответить тем, что Зенгул принадлежит к другому племени – джунгарскому, а они с братом Далай-Батуром – выходцы из дербетского улуса, «а он де, Мангит, в той прежней послов их шерти стоит да и вперед стояти будет». Этот тайша считал, что вправе в отсутствие старшего брата вести переговоры: «что де я то и брат мой Талай, мы де с ним одны люди». С целью укрепить прежние договоренности Мангит еще раз «шертовал» за себя, за старшего брата Да-

¹⁶² МИРМО 1959. С. 124.

¹⁶³ МИРМО 1959. С. 124, 125.

лай-Батура, Хо-Урлюка, Илтерья, Шуклея, Кульбосара, Тангирия, Текеля, Шаракуба, Кубоная, Мапшира, Мойдара, Вчемергеня, Волбуя, Илдана, Кундербья и «за всех дюрбенских тайшей 30-ти улусов» на том, что «им, тайшам, быть под государевою высокою рукою и на Уфинской уезд на башкирские волости войною не приходити и улусных своих людей не посылать». Также дербетские тайши должны были хошутских, торгутских, джунгарских, батудских и хойтских владельцев и царевича Ишима «наговаривать» на те же условия, что были оговорены в шерти. В случае неподчинения царевича Ишима, то его, поймав, отдать «в государевы города». «Шертовальная запись» была подготовлена заранее и прислана ранее в Уфу из Тобольска от воеводы Матвея Годунова¹⁶⁴.

Миссия посланцев в дербетском улусе длилась в общей сложности 6 недель и 2 дня. Было достаточно времени, чтобы обсудить все вопросы и накопившиеся проблемы в русско-ойратских отношениях. Это касается и тайши Зенгула, которому Волков просил отправить уполномоченного, чтобы тот вернул в Уфу весь захваченный башкирский полон. Речь шла о 50 полоняниках, в основном это были женщины и дети. Мангит пошел навстречу, но, когда вернулся его человек от Зенгулы, стала известна одна деталь, объяснявшая причину его нападения на башкирские волости. Как оказалось, этот тайша изначально намеревался установить мирные отношения с Уфой, но в одной из стычек башкиры убили его брата. Это и стало причиной того, что Зенгул «за того своего брата их, башкирцев, воевал и жон их и детей в полон имал». Он готов был отдать уфимским властям башкирский полон, но только за определенный выкуп и только после того, как к нему приедет из Уфы представитель для переговоров¹⁶⁵. Позже в своей

¹⁶⁴ МИРМО 1959. С. 125.

¹⁶⁵ МИРМО 1959. С. 125, 129.

отписке в Приказ Казанского дворца Волков упомянул: «И тот, государь, полон у Сенгула-тайши, сыскав, отдали мне, холопу твоему»¹⁶⁶.

В продолжение переговорного процесса Мангит собрался было отправить двух своих людей вместе с Волковым в Уфу, погнав туда на продажу из трех улусов по 500 лошадей. Но в это время к нему прибыл тобольский слободской татарин Урмамет Исермаматов, который ранее ездил в Уфу в составе посольства от Байбагаса. Около полугода они насильно там удерживались: «хотели де их поморить голодною смертью». Урмамет предупредил Мангита об опасности, которая может ожидать там его людей. Только на основе полученной этой информации тайша отказался от идеи отправки «конского базара» в Уфу¹⁶⁷.

В начале августа 1623 г. Волков вместе с дербетскими посланцами прибыл в Уфу. Представителей от тайши Мангита было теперь не двое, а трое – это Елгутай Мензибаев, Каракай Кайдерев и Байболда Байбов. Если первые двое были официальными посланцами от тайши, то третий являлся всего лишь наблюдателем: «видить то, как их послов ко государю с Уфы отпустят». Их поселили за пределами острога, на Ногайском базаре, прикрепили к ним пристава и толмача и снабдили продуктами¹⁶⁸.

Новый уфимский воевода Семен Гаврилович Коробьин приказал поставить шатер на площади, за пределами города, и выстроил возле него всех служилых людей «по посольскому обычаю». 3 (13) августа воевода официально принял здесь дербетских послов. На переговорах стороны затронули все те же вопросы, что и ранее в улусе Мангита, особенно про прошлогодний набег тайши Зенгулы в Уфимский уезд. Послы еще раз объяснили, что дербет-

¹⁶⁶ МИРМО 1959. С. 129.

¹⁶⁷ МИРМО 1959. С. 125, 126.

¹⁶⁸ МИРМО 1959. С. 127.

ских владельцы не могут отвечать за действия джунгар, и они до сих пор придерживаются своей шерти и ее не нарушают. В подарок воеводе посланцы от своего тайши преподнесли двух разномастных коней: серого и гнедого. На просьбу дербетов и следуя царскому указу, воевода в сопровождении В. Волкова отправил их в Москву. Третьего посланца, Байболду, в сопровождении толмача Якушки Кондратьева отправили обратно к Мангиту. Толмачу поставили задачу – разведать ситуацию в ойратских улусах, особенно это касалось результатов военных действий ойратов против Алтын-хана¹⁶⁹.

Можно сказать, что с этого времени Уфа становится главным центром во взаимоотношениях с ойратами, отодвинув на второй план Тобольск и Тюмень. Это видно на основании царского указа о запрете пропускать в Москву послов от ойратских тайшей и Алтын-хана. Уфимскому и тобольскому воеводам указывалось на месте рассматривать все вопросы, а затем обратно отпускать их в улусы. Объяснялось это следующим: «А к Москве б есте колматцких и алтыновых послов не отпускали, а отказывали б есте им об отпуске к нам к Москве, для того что колмаки люди многие и воинские, и они б к Москве пути не узнали, чтоб не учили также приходить на наши украины изрывом, что и нагайские люди, а прибыли в них нет некоторые и ссылке быть с ними не о чем: люди неученые, безграмотные, к ним грамот посылать не для чего, прочитывать не знают и сами писать не умеют»¹⁷⁰. Эта новая политика по отношению к ойратам была определена, конечно, царской администрацией. Все материалы по «калмыцким делам» были переданы из Посольского приказа (руководитель – князь Иван Михайлович Воротынский) в Приказ Казанского дворца (руководитель – дьяк Ефим Телепнев)¹⁷¹.

¹⁶⁹ МИРМО 1959. С. 127, 128.

¹⁷⁰ МИРМО 1959. С. 131, 132.

¹⁷¹ Максимов К.Н. Указ. соч. С. 45.

В плане торговли с ойратами также существовали ограничения. Например, тобольскому воеводе разрешалось покупать у ойратов лошадей, но строго запрещалось продавать им оружие: самопалы, сабли, рогатины, копья, топоры, ножи, саадаки, стрелы и «иного никакого ружья». Присмотр за ойратскими посланцами и торговцами в государевых городах был строгий, им не давали возможности рассматривать крепостные сооружения и в городе их старались долго не держать. Рекомендовалось воеводам принимать также от тайшей подарки или «поминки», «чтоб их тем от наши милости не отогнать». Взамен предлагалось давать им в качестве жалованья сукна и однорядки, ответные подарки тайшам должны были соответствовать размеру от них присланного. Строго запрещалось местным властям насильно отнимать подарки у ойратских посланцев и чинить произвол на торгах¹⁷².

Столь суровые ограничения со стороны царских властей, особенно в военном плане, можно объяснить лишь усилением военно-политической активности ойратов, их успехами в противостоянии с казаками, ногайцами и Алтын-ханом, а также значительным расширением кочевий в западном направлении. С этого времени ойратские тайши от роли притесняемых и гонимых постепенно переходят на позицию источника грозной военной силы.

Судя по тому, что сведения о военных действиях между ойратами и восточными монголами после 1623 г. в русских документах не упоминаются, можно предположить, что в войне между враждующими сторонами наступило довольно продолжительное затишье. Из ойратских источников известно, что ойраты добились решающего успеха в многолетней войне с Алтын-ханом. События 1623 г., описанные в «Повести о том, как дурбэн-ойраты нанесли

---

¹⁷² МИРМО 1959. С. 132.

поражение монголам» («Дөрвн өөрд моңһлыг дарсн тууж оршв») стали кульминационным моментом военного противостояния ойратов восточным монголам. По мнению японской исследовательницы Джунко Мияваки, «господство халха-монголов продолжалось до 1623 г., когда объединенные войска дурбэн-ойратов сражались и убили халха-монгольского Убаши-хунтайджи или Алтына-царя, как он называется в русских источниках, и таким образом вернули себе независимость»¹⁷³.

Действующий в «Повести» монгольский Убаши-хунтайджи – это некто иной, как халхаский князь Шолой-Убаши-хунтайджи, первый из династии Алтын-ханов, который погиб в сражении с ойратами в 1623 г. Ставка Алтын-хана располагалась на берегу озера Убсу-Нур или в долине р. Тес, где её посещали посланцы сибирских воевод. В расспросных речах атамана Тарского города Василия Тюменца, ездившего осенью 1616 г. с посольской миссией к Алтын-хану, сохранилось описание внешности этого правителя: «А сам царь лет в 60, бороду бреет, только ус, волосом черн, ростом дороден и плечист, и собою во всем пригож»¹⁷⁴.

К 1623 г. Шолой-Убаши-хунтайджи находился на вершине своего могущества. В этом же году он выступил в поход против ойратов во главе 80-тысячного войска («восьми тем-*тумэнов*»), из которых 65 тыс. воинов были его собственные, а остальные 15 тыс. принадлежали его союзнику – урянхайскому правителю Сайн-Маджику¹⁷⁵.

---

¹⁷³ *Miyawaki, Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83 (Helsinki, 1991). P. 207.*

¹⁷⁴ МИРМО 1959. С. 64.

¹⁷⁵ *Козин С.А. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши хунтайджи в 1587 году. – С. 94, 103.*

Перед лицом грозившей им опасности правители ойратских улусов вынуждены были совместными действиями противостоять общему врагу. Они выставили объединенное 50-тысячное войско, в которое входили 30-тысячная дружина хошутского правителя Байбагас-Баатура, 6 тыс. джунгаров, 4 тыс. хойтов и дружины двух торгутских князей из юго-восточной группировки Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ (8 тыс. воинов) и Сайн-Сэрдэнгки (2 тыс. воинов). В этом списке ойратских князей отсутствуют имена торгутского тайши Хо-Урлюка и дербетского тайши Далай-Батура. Неизвестно, что помешало двум правителям из северо-западной группировки принять участие в решающем сражении с Алтын-ханом. По всей видимости, они прикрывали ойратские кочевья с казахского направления, откуда постоянно исходила угроза возможного нападения¹⁷⁶.

В объединенном ойратском войске наиболее многочисленной была дружина хошутского правителя Байбагас, одновременно стоявшего во главе Ойратского чуулгана и общеойратского войска. Поэтому как «старший и лучший», один из «пяти тигров» он удостоился самых хвалебных слов от автора «Повести». О «хошутском хане Байбагасе» сказано: «Бранных потех он любитель большой. Войска за ним «тридцать тысяч идет, в юрте-дворце своем дело ойратской державы и веры он судит»¹⁷⁷. Однако могущество Байбагаса оказалось не столь уж прочным. Рядом с ним постепенно набирал силу другой ойратский правитель – джунгарский тайша Хара-Хула, под началом которого находились «шесть тысяч удалых молодцов». О нем в «Повести» сообщается: «Взглядом похож на голодного коршуна, всею повадкой – на куцега волка, как на заре он в отару ворвется. Да и дружина нойону подстать»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ История Калмыкии... Т. 1. С. 283, 284.

¹⁷⁷ Козин С.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁷⁸ Козин С.А. Указ. соч. С. 98.

Театр боевых действий с Шолой-Убаши-хунтайджи развернулся в долине р. Иртыш. Войско Алтын-хана, отягощенное захваченным у ойратов скотом, было в конечном итоге настигнуто ойратским войском: «Убаши-хунтайджию ни податься вперед, ни тронуться назад: на месте зажали». Местонахождение противника сообщил ойратам урянхайский Сайн-Маджик, покинувший своего монгольского союзника еще до начала военных действий. Кровавое сражение длилось три дня. Монгольский правитель перед боем приказал принести в жертву своему черному знамени захваченного в плен семилетнего ойратского мальчика, что вызвало ожесточение у ойратов. Тем самым он нарушил заключенный между ойратами и монголами в 1606 г. договор, согласно которому запрещалось убивать взятых в плен «языков»¹⁷⁹. Видя неминуемую гибель своего войска, Шолой-Убаши-хунтайджи обратился в бегство и был убит ойратским нойоном Сайн-Сэрдэнги. Тогда, как сообщается в «Повести», вся монгольская дружина, «обрезав от седел свои стремена сыромятные, билась над прахом нойона и в сече вся полегла возле него»¹⁸⁰.

Поражение Шолой-Убаши-хунтайджи позволило ойратским тайшам окончательно избавиться от власти Алтын-ханов. Одержанная ойратами победа еще раз доказала им необходимость сплочения, преодоления разногласий и достижения полного единства на всё время, а не только в исключительных случаях, перед лицом общей опасности. В то же самое время перемирие, достигнутое в войне с внешними врагами, выявило внутренние противоречия в ойратском обществе. До этого антагонизм между отдельными группировками ойратских князей не доходил до кровопролитных вооруженных столкновений.

---

¹⁷⁹ История Калмыкии... Т. 1. С. 284.

¹⁸⁰ Козин С.А. Указ. соч. С. 103, 104.

Объединившееся для отражения вражеского нашествия ойратское общество снова раскололось на враждующие группировки. Внутренняя борьба, отошедшая на второй план во время монголо-ойратской войны, разгорелась с новой силой¹⁸¹.

2.4. Русско-ойратские отношения в 1624–1625 гг.

1624 год был относительно благополучным в русско-ойратских отношениях. Заметно активизировалась торговля между ойратами и сибирскими городами, участился обмен посольствами. В начале июля в Тюмень от Далай-Батура прибыли его представители – Кунай Будаев и Сама Мунаев с тремя сопровождающими. С ними приехали и ранее отправленные к тайшам тюменские служилые люди – Василий Трубачев и Иван Федоров. Приехавшие ойраты привезли с собой «трухменский ясырь», чтобы обменять его на своих людей, оказавшихся в русском плену, а также пригнали на продажу лошадей. От Далай-Батура посланцы преподнесли государю в подарок гнедого коня¹⁸².

По сообщению тюменских служилых людей, ездивших в улусы, Далай-Батур с царевичем Ишимом и тайшами, входивших в его группировку, незадолго до этого ходили в поход в Среднюю Азию, против туркменов¹⁸³. Таким образом, мы видим, что группировка Далай-Батура успешно действовала на южном направлении, в то время как Хара-Хула и его соратники сдерживали наступление Алтын-хана с востока. Упоминание в документе «турхменцов» (туркменов), скорее всего, говорит о походе ойратов на территорию Хивинского ханства.

В Тюмени воеводы были информированы о неоднократных угрозах сибирского царевича Ишима совершить

¹⁸¹ История Калмыкии... Т. 1. С. 284.

¹⁸² МИРМО 1959. С. 133.

¹⁸³ МИРМО 1959. С. 133.

набеги на государевы земли, в отместку за разгром русскими людьми его отца и братьев. Поэтому из Москвы пришло указание, чтобы всех приехавших в Тюмень ойратов с посольской или торговой миссией на долгое время не задерживать и отправлять их обратно, выдав им в качестве жалованья по «портищу сукна лятчины». К тайшам также предполагалось отправить подарки, а Далай-Батуру – 4 аршина английского сукна. Ойратских послов просили передать тайшам, чтобы они впредь присылали лошадей на продажу и другие товары не в Тюмень, а Тобольск, где государь велел им «торговать повольно». В то же время тюменским властям указывалось быть готовыми и к неблагоприятному развитию ситуации: «на городе и на остроге днем и ночью велеть караулить безпрестани, и в проезжие станицы посылали до коих мест пригоже, почасту, чтоб воинские люди под город и на волости безвестно не пришли и дурна какова над государевыми людьми не учинили»¹⁸⁴.

Тобольск, действительно, оставался главным центром в отношениях с ойратами. Местные власти, по государеву указу, пытались окончательно урегулировать это направление путем выдачи ойратам их пленных, захваченных тарскими служивыми людьми в 1623–1624 гг. Инициатива исходила с ойратской стороны, конкретно – от Далай-Батура, который для решения этого вопроса прислал в Тобольск своих людей во главе с Усейном. Оказалось, что от ответных силовых действий русской стороны пострадал улус Далай-Батура, поэтому его представитель на переговорах с тобольским воеводой Юрием Сулешовым прямо заявил: «приходили тарские служивые люди на улусы брати ево войною, и улус погромили, полон поймали, и лошадей отогнали, и чтоб ево, Талай-тайшу, государь пожаловал, велел полон, сыскав отдати»¹⁸⁵.

¹⁸⁴ МИРМО 1959. С. 133.

¹⁸⁵ МИРМО 1959. С. 138.

Нападению кочевников ранее подвергся Тарский уезд. Более всего пострадали две деревни в районе Красного Яра. У многих государевых людей были отогнаны лошади, а ясачные люди подверглись просто открытому грабежу на «зверовье», которые сопровождались убийствами. Царские власти были в недоумении, почему тайша Далай-Батур, который «в Колмацкой земле славится большим», т.е. главным или наиболее авторитетным правителем, подобные преступные набеги на государевы земли, активными участниками которых были царевич Ишим и «калмыцкие люди», «таких воров от такова воровства не унимает». По словам сибирского воеводы, при всем этом царь Михаил Федорович «грубости ево и иных тайшей колмацких ещо вспомянути не велел, полон, что поймали тарские служивые люди, сыскав, велел ему отдати без выкупу»¹⁸⁶.

По государеву указу воевода Сулешов собрал весь калмыцкий полон и в сопровождении крещеного татарина Якуна Буголакова отправил прямо к Далай-Батуру со всеми теми претензиями, которые были упомянуты выше. Всего дорога из Тобольска в улусы заняла 4 недели, и в начале августа 1624 г. Буголаков прибыл в ставку дербетского тайши, находившуюся в районе горы Арбула. На аудиенции у Далай-Батура Буголаков передал ему жалованье – сукно, а также претензии русской стороны по поводу недавних набегов. Тайша в знак уважения принял государево жалованье и выслушал речь посланца демонстративно стоя. Оказалось, что набег на Тарский уезд совершили улусные люди братьев джунгарского Хара-Хулы, который, по словам Далай-Батура, «сам своим улусом кочают, ему, Талай-тайше, унять не уметь». Царевич Ишим в это время находился под влиянием хошутского Чокура и кочевал вместе с ним. Дербетский тайша честно признал-

---

¹⁸⁶ МИРМО 1959. С. 138.

ся, что бессилён в разрешении этого конфликта: «Ишима-царевича потому ж от воровства унять не уметь, волен де бог да государь с ними, а он де за воров стояти не станет». Возвращение «калмыцкого полона» был воспринят тайшей как добрый знак в урегулировании отношений, и со своей стороны он также пообещал собрать в улусах всех «государевых ясачных людей», захваченных ранее в Уфимском уезде, и прислать к государю. По совету Далай-Батура, Буголаков решил зазимовать у него в улусе на полном довольствии¹⁸⁷.

В середине июля 1624 г. в дербетские улусы также были отправлены казак Филипп Вяткин, татары Овер Чекеев и Алмамет Ебанчеев. В дороге тобольским и дербетским посланцам пришлось перенести ряд трудностей, так как после переправы через реку Ишим у них пали лошади. На оставшихся лошадях они отправили к Далай-Батуру гонцов за помощью, что всего у них заняло у них времени ожидания полтора месяца. И, несмотря на то, что улус дербетского тайши кочевал далеко на юге, возле Казахской орды или в трех неделях пути от Бухары, помощь все-таки пришла, и посланцы благополучно добрались до конечной цели. Улусы Далай-Батура и его детей кочевали в Средней Азии, на реке Юнкеле¹⁸⁸.

Тобольские посланцы остановились не в улусе самого Далай-Батура, а во владении его сыновей – Даян-Омбо и Мандышара. На переговорах с тайшами посланцы объяснили, откуда у них появился указанный калмыцкий полон, за который отвечал крещеный татарин Якун Буголаков. По указу из Москвы тобольским властям было велено передать ясырь без какого-либо выкупа именно дербетскому Далай-Батуру со словами: «А тарские служивые люди

---

¹⁸⁷ МИРМО 1959. С. 138, 139.

¹⁸⁸ МИРМО 1959. С. 135.

ходили войною по задору их колмыцких людей, что они приходили в Тарской уезд в государевы ясачные волости и у волостных людей лошади отогнали и на зверовье государевых ясачных людей переграбили, а иных побили. Да и по вся годы государев изменник Ишим-царевич и колмыцкие люди государевы волости воюют и государевых ясачных людей в полон емлют». Тобольские представители просили передать Далай-Батуру, видимо, как главному гаранту с ойратской стороны: «И отец бы их, Талай-тайша, и они, видя к себе такую государскую милость, калмыцких людей, которые приходят на государевы волости войною и на зверовьях государевых людей грабят и побивают, сыскали и наказание им учинили, и государева б изменника Ишима-царевича, поймав, и к государю прислали. И которой у отца их и у них полон есть, государевы русские и ясачные люди, и отец бы их Талай-тайша да они тот полон, потому ж сыскав, прислали в Тоболеск»¹⁸⁹.

На месте выяснилось, что дербетские улусные люди не имели никакого отношения к набегам на территорию Тарского уезда. Даян-Омбо и Мандышара прямо ответили: «что государские милости к отцу их и к ним много, а отец де их Талай-тайша и они на государевы волости и под города не хаживали и людей своих не посылавали, да и вперед тово не будет». При этом они признали, что Далай-Батур, при всем его авторитете в ойратском обществе, был бессилен воздействовать каким-либо образом на тех тайшей, которые совместно царевичем Ишимом периодически совершали подобные набегии на государевы земли. Объяснялось это вполне обыденно для того времени: «а уняти немочно, потому что кочует всякой своим улусом, волен де с ними бог да государь, а они за вора не стоят». Свою непричастность к набегам дербетские тайши под-

---

¹⁸⁹ МИРМО 1959. С. 135, 136.

крепляли и отсутствием в их улусах «государевых русских и ясачных людей», но в случае их обнаружения обещали, что отец их, Далай-Батур, «потому ж отдаст»¹⁹⁰.

Всего миссия тобольских посланцев в дербетских улусах заняло «полсема месяца», т.е. шесть с половиной месяцев. По словам посланцев, прием их у дербетов был вполне приличный: «и честь де им и бережение было и корм довольной». Правда, все их личные вещи были отобраны, но взамен им были обещаны при отъезде лошади. Далай-Батур и хошутский Байбагас с улусами кочевали на границе с кочевьями Казахской орды, где и провели зимовку 1624/1625 гг. Именно отсюда они готовились с войсками вторгнуться в пределы казахских кочевий. Была возможность воспользоваться существующим на тот момент конфликтом между братьями, казахским ханом Есимом и бухарским правителем Турсуном, готовым перерасти в вооруженное столкновение. Но благоразумие взяло верх, и между братьями «учинился мир», что лишал ойратов возможности воспользоваться ситуацией, поскольку «Турсун-царь силен, да и потому, что меж войны и наперед тово не бывало»¹⁹¹. Действительно, этой зимой в ставку дербетского тайши «приходили из Бухар от Тургуна-царя да ис Казачьи орды от Ишим-царя послы о миру меж себя с Талай-тайшею шертовали, что быть меж ими миру»¹⁹².

С началом весны 1625 г. Далай-Батур с детьми перекочевал в урочище Козлык, откуда и отпустил Якуна Буголакова с ранее приехавшим к нему юртовским татаринном Тогаем Кулурусовым в урочище горы Итык¹⁹³, где распо-

¹⁹⁰ МИРМО 1959. С. 136.

¹⁹¹ МИРМО. М., 1959. С. 136.

¹⁹² МИРМО. М., 1959. С. 139, 140.

¹⁹³ Возможно, здесь имеется ввиду гора Едыге – одной из возвышенностей массива гор Улытау на юго-западе Казахского мелкосопочника.

лагалось владение его «лучшего человека» – Саусуна. Здесь тобольчанам вместе с двумя дербетскими посланцами и торговыми людьми, которые должны были в Тобольск пригнать на продажу тысячу лошадей, было указано ожидать приезда Далай-Батура в течение 15-ти дней. Дербетский тайша в это время выехал в улус Чокура, чтобы попытаться разрешить там вспыхнувший внутренний конфликт среди хошутов, при этом взял с собой и татарина Якуна Буголакова. По приезду на Итык он обещал тобольским посланцам возместить все их потери и вернуть в Тобольск весь русский ясырь. Прождав Далай-Батура полтора месяца, но так и не дождавшись, посланцы выехали в Тобольск, но без дербетских представителей, так как те по неизвестной причине вернулись обратно к себе в улус. Дорога домой у них заняла всего 3 недели и, проезжая через улусы, посланцы слышали от ойратов, что кочевать им теперь вверх по Ишиму и Тоболу, «блюдясь от мунгальских людей войны»¹⁹⁴.

Постоянное присутствие угрозы возможного возникновения конфликта с ойратами на границе толкали сибирских воевод отслеживать передвижения их улусов и настроения тайшей. Несмотря на то, что посланцы Далай-Батура так и не приехали в Тобольск, однако посольские контакты ойратов с сибирскими городами продолжались. В начале 1625 г. в Тобольск прибыли посланцы от брата Далай-Батура, Эрке-Елдена, которых возглавлял Тересун. Воевода Юрий Сулешов от тайши «с честью» принял в подарок коня и взял на полное довольствие его посланцев, предоставив им «повольный торг». В конце апреля в улусы с ними «для проведыванья всяких вестей» были отправлены казак Степан Выходцов, татары Якун Сарбашов Елок и Бугай Шапкадаев. Улус дербетского тайши они обнару-

---

¹⁹⁴ МИРМО 1959. С. 136, 137.

жили у реки Козлык. При встрече тобольские посланцы передали тайше жалованье – сукно и слова воеводы, чтобы тот «вперед посылал в Тобольск послов своих и с ними на продажу всякой скот и лошади, а в Тобольску торг им будет повольной». Всего он пробыли в улусе Эрке-Елдена три дня, так как тому вскоре пришлось срочно выехать к старшему брату для разрешения конфликта в хошутском доме. При отъезде тайша им пояснил, почему с ними в Тобольск послов своих не отправляет: «что меж колмыцкими тайши чинилась война, и ему де люди надобе». Только после того, как тайши примирят хошутов, Эрке-Елден обещал прислать своих представителей в Тобольск. Прожив после его отъезда из улуса еще 4 дня, мать тайши отпустила посланцев обратно домой, отправив с ними и торговых бухарских людей, приезжавших с Выходцовым из Тобольска торговать в ойратские улусы¹⁹⁵.

В начале августа этого же года в Тобольск прибыли посланцы хошутского тайши Чокура – Откулай, Мерген, Уратай и Чилгулай с пятью сопровождающими лицами, которые пригнали с собой на продажу 96 лошадей. Все они были взяты на полное государственное довольствие: «велено давать колмыцким послом на день на корм по грошу, а кашеваром по 3 деньги, да с погребца послом по чарке вина, по пятерному ставцу пива человеку на день против прежних, а кашаваром питье не отпускано»¹⁹⁶.

На следующий день после приезда тобольский воевода Мирон Андреевич Вельяминов принял посланцев Чокура, которые на его вопрос о цели их миссии прямо заявили: «прислал де тайша их Чокур в Тоболеск, велел спросить про великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и о его царском мно-

---

¹⁹⁵ МИРМО 1959. С. 137, 138.

¹⁹⁶ МИРМО 1959. С. 134.

голетном здравии». Следуя этикету, Вельяминов, а также присутствовавшие на встрече дьяки Иван Федоров и Стефан Уготцкой, привстав, говорили: «великий государь наш царь и великий князь Михаиле Федорович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, на своих преславных великих государствах Российского царствия дал бог здорово»¹⁹⁷. Только после этого стороны перешли к обсуждению главных тем встречи.

Оказалось, что незадолго до этого в улус Чокура из Тобольска для торга приезжали бухарские купцы – царские подданные. Позволив им распродать весь свой товар, хошутский тайша, под предлогом их безопасного сопровождения, воспользовался возможностью отправить вместе с ними в Тобольск и своих торговых людей с лошадьми. В подарок к государю тайша прислал коня серой масти. Тобольские власти благосклонно отнеслись к этой идее и, позволив посланцам распродать лошадей, без какой-либо задержки отпустили обратно. Хошутские люди были встречены весьма приветливо и им было выдано жалованье: «вино и мед, да сукна лятчинные по 3 аршина человеку». При отъезде воевода и дьяки через посланцев передали Чокуру: «чтоб он на государскую милость был надежен и государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу служил и прямил и послов своих и торговых людей в Тобольск с лошадьми и со всяким скотом присылал». В этом случае русская сторона обещала дать ойратам «повольный торг» и «отпуск скорой без задержанья»¹⁹⁸.

В августе 1625 г. отмечаются новые свидетельства о появлении ойратов в Тарском уезде. Ясачные люди неоднократно просили защиты и жаловались тарскому воеводе Степану Исленьеву на то, что неизвестные ойрат-

---

¹⁹⁷ МИРМО 1959. С. 134.

¹⁹⁸ МИРМО 1959. С. 134, 135.

ские люди отнимают «зверовые добычи и рыбные ловли», что приводило татар к бегству. Однако действующая еще с прошлого года инструкция тобольского воеводы Юрия Сулешова запрещала отправлять воинские отряды против ойратов, «чтоб с колматцкими людьми война не вчалась». Поэтому тарские воеводы ограничились отправкой на легких судах в разведку вверх по Иртышу небольшого отряда в 25 человек под командой головы конных казаков Назара Жедовского. Ему предстояло на месте выяснить истинные намерения прикочевавших кочевников, занять «крепкое место», войти в контакт с тайшами и «говорити за оманаты»¹⁹⁹.

Направляясь вверх по Иртышу, в двух днях пути от Тары, на реке Саргатке отряд Жедовского обнаружил первые станы улусных людей, которые в расспросе сообщили, что они владения торгутского Хо-Урлюка, а сам их тайша кочует на Камышлове. При встрече с владельцем Жедовский передал следующие слова от тарских воевод: «Кочует он, Урлюк, на государеве земли, не бив челом великому государю, а улусные его люди государевым ясачным людем в зверовьях и во всяких промыслех чинит утеснение. И он бы, не бив челом великому государю, на государеве земле не кочевали и с государевы земли шол прочь, а в том бы послал в Тарской город послов своих бити челом великому государю, чтоб государь, пожаловал его, велел ему быти под своею царскою высокою рукою, и на том бы великому государю шертовал; а кочевать бы ему на государеве земле, где государь укажешь. А будет не похочет быти под царскою высокою рукою и с твоей государевы земли прочь не пойдет, и ис Тарскаго города по государеву указу пошлют на него войною многих ратных людей с вогненным боем»²⁰⁰.

¹⁹⁹ МИРМО 1959. С. 142.

²⁰⁰ МИРМО 1959. С. 143.

Выслушав речь Жедовского, торгутский тайша понимал, что его улусные люди находятся незаконно на государственной земле, но вступать в открытую конфронтацию с тарскими служилыми людьми не собирался, так как по недавним событиям знал силу их оружия. Поэтому Хо-Урлюк пытался урегулировать этот вопрос путем переговоров: «Под царскою высокою рукою быть он не хочет и с тех мест, где стоит, сойдет, и улусных своих людей, которые кочевали ниж его блиско государевых волостей, сошлет, а о том пошлет в Тарской город послов своих бити челом великому государю, где ему кочевать государь укажешь. А как он увидит во всем к себе государскую милость, и он де великому государю и шertzь даст, что ему быти под царскою высокою рукою»²⁰¹.

5 октября 1625 г. в Тару прибыли торгутские посланцы во главе с Чютюндеем, Кундеем, Конаем и Чюнием. С ними были и торговая миссия из 56 человек, пригнавших на продажу 400 лошадей. Посланцы от имени Хо-Урлюка просили разрешить вопрос о территории кочевий: «чтобы великий государь Урлюка-тайшу пожаловал, велел ему быти под своею царскою высокою рукою и кочевать ему велел на своей государеве земле по обе стороны Иртиша по речкам по Камышлову и по Оми». Торговый фактор должен был обеспечить дальнейший переговорный процесс. Посланцы просили царские власти направить к Хо-Урлюку «государевых послов» с «государевым жаловальным словом» с указанием территории кочевий. Но тарские власти отказали торгутским посланцам, мотивировав это тем, что на тех землях ужи живут ясачные люди и добывают «государеву ясашную казну»²⁰².

---

²⁰¹ МИРМО 1959. С. 143.

²⁰² МИРМО 1959. С. 143.

Получив отказ, посланцы предложили тарскому воеводе уже другой вариант. Теперь речь шла о территории еще выше по Иртышу, на реке Каратуне. Ответ о территории Хо-Урлюку был обещан позднее: «с государевым милостивым словом, что быти ему под царскою высокою рукою и где ему на государевой земле кочевать, государевых людей пошлем». Посланцы были взяты на полное довольствие, а торговым людям было позволено распродать лошадей. Государева пошлина с них не взималась, «чтоб их впредь привести под государскую высокою руку», а вот с государевых людей, покупавших у калмыков лошадей, бралась в полном размере²⁰³.

В начале ноября 1625 г. из Тары к Хо-Урлюку отбыли его посланцы в сопровождении государевых служивых людей – литовца-казака Войки Костентинова с тремя товарищами. В качестве заложников в Таре были оставлены двое из четырех послов. В качестве главного условия в решении территориального вопроса со стороны царских властей было следующее: «А он бы, Урлюк-тайша, великому государю правду свою показал по своей вере и своими улусными людьми перед государевыми людьми шертовали на том, чтобы быти им под царскою высокою рукою навеки неотступно»²⁰⁴.

К сожалению, нам не известны все результаты этой поездки, поскольку они не отложились в документах. Известно только, что в начале декабря из улусов вернулся один из сопровождающих Костентинова – юртовский служивый татарин Кокаган Досмаматов. С ним прибыли и двое представителей Хо-Урлюка, которые сообщили, что из-за наступившей ранней зимы тайше пришлось русских

---

²⁰³ МИРМО 1959. С. 143, 144.

²⁰⁴ МИРМО 1959. С. 144.

посланцев задержать у себя в улусе, так как с ними предполагалось отправить в Тару и торговых людей с «продажными лошадьми». В это время торгутский улус кочевал напротив Каратунского урочища, в 10 днях пути от Тары²⁰⁵.

Таким образом, 1625 г. был отмечен многочисленными посольскими контактами ойратских тайшей с Тобольском. Помимо политических вопросов решались одновременно и торговые. Например, в составе русских посольств часто перечислялись имена и бухарских торговых людей из числа подданных русского царя. Понятно, что посольские миссии были удобной возможностью для бухарцев побывать в ойратских улусах и провести там какие-либо торговые операции. Но и в составе ойратских посольств присутствовали торговые люди, по указу тайшей гнавших на продажу в Тобольск лошадей. Очевидно, что русско-ойратские отношения в этот период строились на прочной и взаимовыгодной экономической основе.

Единственным «камнем преткновения» в этих отношениях были грабительские набеги отдельных тайшей против государевых ясачных людей, что приводило к ответным силовым действиям сибирских отрядов, от которых, как правило, страдали именно улусы тех тайшей, которые как раз и не были причастны к нападениям. Это еще раз говорит об отсутствии политического единства среди ойратской правящей верхушки, общей позиции в отношении подданных Московского государства и единого законодательного органа, регулирующего подобные нарушения. Однако надо отдать должное царским властям, которые со своей стороны старались не усугублять русско-ойратские отношения, продолжали поддерживать посольские контакты и пытались разобраться во внутривнутриполитической

---

²⁰⁵ МИРМО 1959. С. 144.

ситуации ойратского общества. Тем более, что в 1625 г. эти внутренние противоречия приблизились к своей критической отметке, вылившись в кровавую междоусобную борьбу на долгих 5 лет.

ГЛАВА 3. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАССТАНОВКЕ ОЙРАТСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Внутриполитический кризис в ойратском обществе в 1625–1630 гг.

Одержанная победа ойратов над Алтын-ханом в 1623 г. не принесла им долгожданного мира, поскольку в дальнейшем обострила уже внутренние противоречия. По мнению И.Я. Златкина, ойратские феодалы часто то образовывали союзы, то расторгали их, становясь врагами свои вчерашним союзникам, «что говорит о том, что эти союзы были весьма кратковременны, а их состав крайне текуч»¹. С.К. Богоявленский также считает, что союз ойратов не охватывал всех тайшей, но при этом никогда отношения между ними не доходили до крупных вооруженных столкновений².

В историографии превалирует мнение, что в авангарде продвигавшихся на запад вдоль сибирских границ Московского государства ойратов находились торгуты Хо-Урлюка, вслед за которыми со своими улусами двигались и другие тайши. Но при изучении новых материалов подобное утверждение не находит соответствующего подтверждения. Например, известно, что хошутские улусы братьев

---

¹ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 159.

² Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 60–61, 63.

Чокура, Байбагаса и Чин-тайши в первой половине 1625 г. кочевали в урочищах Улен Кабала и Чюдете, располагавшихся от Уфы в 10 днях, а от верховьев Эмбы – в 20 днях пути. Общая численность в этих улусах составляла свыше 30 тыс. человек³. Это дает основание предположить, что передовой частью ойратской миграции на запад в 1620-х гг. были именно хошутские улусы. Стоит также отметить, что к началу XVII в. хошуты представляли собой наиболее многочисленное объединение среди ойратов⁴.

Судя по родословным хошутских князей, содержащимся в ойратских и монгольских источниках, Чокур и Чин были полнородными братьями, рожденными от одних отца и матери. Байбагас приходился им троюродным братом по отцу, а по матери все трое были единоутробными братьями. Их мать, Ахай-хатун, после смерти своего мужа (отца Чокура и Чин-тайши) вторично вышла замуж за его двоюродного брата по имени Ханай-нойон Хонгор и родила ему пятерых сыновей, в ойратской истории известных как «пять барсов», старшим из которых был Байбагас⁵. Борьба за улус умершего брата обернулась ожесточенным столкновением между Чокуром и Байбагасом, которое впоследствии привело к расколу не только среди хошутов, но и всего ойратского общества.

Начало этого конфликта вполне подробно изложено в русских источниках, поскольку в первой половине 1625 г. в ойратских улусах находились несколько русских посольств из Тобольска. Они вернулись из улусов, и дали довольно подробные сведения о причинах и начале конфликта.

---

³ История Казахстана в русских источниках (далее – ИКРИ). Алматы, 2005. Т. 1. С. 312.

⁴ История Ойратыи... Элиста, 2009. Т. 1. С. 251.

⁵ *Мияваки-Окада Дж.* Указ. соч. С. 75–76; История Ойратыи... Т. 1. С. 286.

Первыми об этом конфликте сообщили Филипп Вяткин с товарищами, которые ранее всех вернулись из дербетских улусов в Тобольск. Далай-Батур весной 1625 г. при них был вынужден срочно выехать с урочища Итык в улус хошутского Чокура, взяв с собой отряд в тысячу человек. Тот факт, что он не успел вернуться обратно в оговоренные с тобольскими посланцами 15 дней, говорит только о том, что ситуация стала развиваться по весьма драматичному сценарию и полностью вышла из-под контроля такого авторитетного тайши, каким был Далай-Батур. По слухам и в частных беседах с улусными людьми Вяткину и его товарищам стало известно, что в начале 1625 г. скоропостижно скончался Чин-тайша – брат Чокура и Байбагаса (Байбагиша). Не посоветовавшись с Чокуром, Байбагас сразу же попытался решить вопрос в свою пользу: «Чина-тайши улусных людей взял со всеми животы к себе 1000 человек, а Чокуру-тайше дать не хотел, и учинился меж ими о тех людех великой роздор». По посредничестве джунгарского Хара-Хулы мир между двумя братьями на какое-то время все-таки был установлен: «Байбагиш-тайша дал Чекуру-тайше Чина-тайши улусных людей 600 человек, а себе взял 400 человек». Но в этой ситуации Чокур, по всей видимости, посчитал себя в какой-то мере обманутым, иначе никак нельзя объяснить его следующий ход: «И после миру Чокур-тайша и достальных людей захотел взять; и Байбагиш-тайша достальных людей ему не дал». Только после этого между ними разгорелось уже открытое вооруженное противостояние. Чокур во главе 10-тысячного войска начинает наступление на позиции Байбагаса и консолидирует вокруг себя своих сторонников, в числе которых торгутский Мерген-Темене с 10-тысячным войском, тайши Табытай и Батыткуян с 2-тысячным отрядом. В распоряжении Байбагаса на момент начала

конфликта имелось в наличии только 2 тысячи воинов. Бой разгорелся ниже Соляных озер и в ходе него Чокуром был убит Ясаклу-тайша – родной брат Байбагаса. Улусные люди последнего разбежались по окрестности, и только около тысячи его людей вместе с тайшею сели в осаду на правом берегу Иртыша, ниже Соленых озер⁶.

Далее во внутривошутский конфликт вмешался джунгарский Хара-Хула, который пришел на помощь Байбагасу и с войском занял позицию на другом, т.е. на левом берегу Иртыша. Неразберихой и паникой в хошутском улусе Байбагаса воспользовались многие монгольские полоняники, в массовом порядке бежавшие в Монголию. Это, по всей видимости, были пленные, захваченные в последней победоносной для ойратов войне с Алтын-ханом. То, что не получилось у Хара-Хулы, т.е. окончательно примирить братьев, попытался сделать дербетский Далай-Батур. Ввиду того, что многие пленные монголы сбежали, дербетский тайша вновь попробовал примирить Чокура с Байбагасом, поскольку у него были серьезные на то причины: «опасаясь от мунгальских людей войны»⁷.

Другой русский источник – сведения в Тобольске Степана Выходцова, который с товарищами ездил в улус дербетского Эрке-Елдена, брата Далай-Батура. Посланцам пришлось ненадолго задержаться в улусе, поскольку Эрке-Елден был вынужден срочно выехать в улус старшего брата и принять вместе с ним личное участие в событиях, описываемых выше. Они не стеснялись в выражениях, описав эту ситуацию прямо: «учинилась меж каалмыцких тайшей Чокура и Байбагиша великая война». По их сведениям, конфликт, действительно, разбил ойратское общество на два лагеря: «И к ним учали приставать друг

---

⁶ МИРМО. М., 1959. С. 137.

⁷ МИРМО. М., 1959. С. 137.

за друга иные тайши». Эрке-Елден и Далай-Батур были главными дербетскими представителями, предложившие уже свои посреднические услуги в мирном разрешении конфликта. Стремление примирить хошутов было вызвано еще и тем, что сохранялась весьма сложная внешнеполитическая ситуация: они опасались, «чтобы услыша то, мугальские люди, что меж колмыцкими тайшами война, не пришли на них войной»⁸.

Третий источник – сведения Якуна Буголакова, который вернулся в Тобольск последним, поскольку вынужден был вместе с Далай-Батуром выехать в улус Чокура. Несомненно, его информация представляет для нас наибольший интерес, так как он был не только непосредственным свидетелем тех событий, но и представил о них наиболее полную и достоверную информацию.

Смерть Чин-тайши случилась весной 1625 г., и Далай-Батур был сразу об этом извещен. В интерпретации Буголакова именно Чокур сразу же овладел улусом покойного брата, «а брату своему Байбагишу воли не давал». Только после этого Байбагас предпринял со своей стороны активные действия: «пришод, изгоном Чина-тайши улусных людей и животы поймал». Все это в конечном итоге привело к тому, что между ними «учинилась рознь». Далее, по словам Буголакова, в хошутский конфликт с мирной инициативой вмешался Далай-Батур, который представил Чокуру вполне компромиссный вариант разрешения спора: «брата их Чина-тайшу животы поделил было пополам, по пятисот человек и послал к Байбагишу-тайше, чтоб он отослал к Чокуру Чина-тайши людей 500 человек». Если Байбагас уже было склонялся к такому варианту и намеревался отправить брату половину улуса Чин-тайши, то

---

⁸ МИРМО. М., 1959. С. 137.

Чокур, посчитав себя обманутым, наотрез отказался: «захотел взять всех людей – 1000 человек»⁹.

Далее события в конфликте, по словам Буголакова, стали разворачиваться более стремительно. Собрав со сторонниками, куда входили Мерген-Темене, Куян и Табытай, около 30-ти тысяч войска, Чокур неожиданно атаковал позиции Байбагаса. Далай-Батур, который, по всей видимости, тоже себя причислял к сторонникам Чокура, благоразумно отошел в сторону, но, поняв, к чему все это может привести, «ночью с вестью» предупредил Байбагаса о готовящемся на него нападении. Бой, действительно, произошел ниже Соляных озер, и успех, по понятным причинам, был на стороне Чокура и его сторонников: «многих людей побил и живот поймал, а з достальными людьми осадил в луке». Байбагас, видимо, в разгар переговорного процесса не ожидал вероломного нападения своего брата и потому не успел как следует подготовиться: «людей было мало, все были в розъезде». Узнав о случившемся, а именно, «что Байбагиш от Чокуру в осаде», на помощь своему старому соратнику выдвинулся джунгарский Хара-Хула с 10-тысячным войском. Несмотря на численное превосходство, Чокур не стал вступать в сражение с джунгарами и отступил «прочь и с погромом»¹⁰.

По всей видимости, более закаленное в многочисленных войнах с Алтын-ханом джунгарское войско Хара-Хулы представляло серьезную угрозу коалиции Чокура и его сторонников, что заставило последних не испытывать судьбу и отступить, так и не добив окончательно силы Байбагаса. Большинство мелких тайшей также разбилось на два враждебных лагеря. По сведениям Буголакова, услышанными им в дербетских улусах, в этой непростой си-

---

⁹ МИРМО. М., 1959. С. 139.

¹⁰ МИРМО. М., 1959. С. 139.

туации Далай-Батур не принял сторону соратника Чокура в борьбе с Байбагасом только потому, что занял выжидательную позицию: «кто из них, Чокур ли или Байбагиш, будет силен, х тому хочет и пристати»¹¹.

Развязывание междоусобной войны не сулило ничего хорошего всем ойратским тайшам, и среди них царили довольно пессимистические настроения. Далай-Батур планировал откочевать к горе Итык, так как ожидал осенью возможного прихода войска монгольского Алтын-хана. Большинство тайшей склонялось откочевать с улусами для безопасности в западном направлении, ближе к Ногайской орде и Черным пескам (Каракумам). Настроения в дербетском улусе, о которых был слышан Буголаков, сводились к единому мнению: если Хара-Хула не отойдет от Байбагаса, то они, скорее всего, пойдут войной на Чокура: «меж колмацкими тайши быть войне великой, и миру меж ими не бывать»¹². За стремлением Чокура полностью завладеть наследством своего родного брата Чин-тайши, не выделяя какой бы то ни было доли Байбагасу, скрывалась борьба за власть, имевшая место в хошутском доме¹³.

Многочисленные свидетели того времени по-разному интерпретировали результаты сражения. Например, в ноябре 1625 г. в Астрахани объявился бежавший из плена русский полоняник, крестьянин из Арзамаского уезда Никифор Родионов. 9 лет назад он был взят в плен ногайцами, но спустя год оказался у хошутов в результате их набега на ногайский улус. С его слов, смерть Чин-тайши произошла примерно в начале июня 1625 г., что привела к активным действиям его братьев: «Чин тайшины улусы хотел к себе взять брат его, Байбагиш тайша, а Чакур де тайша Байбагишу тех улусов дать не хотел. И за то де, го-

¹¹ МИРМО. М., 1959. С. 139.

¹² МИРМО. М., 1959. С. 139, 140.

¹³ История Ойратыи... Т. 1. С. 286.

сударь, у них меж себя учинилась недружба и был бой». На стороне Чокура якобы выступили тайши Батур, Хо-Урлюк, Далай-Батур и Мерген-Темене, а за Байбагаса – Хара-Хула и некий «контайша». Байбагас и его сторонники были разбиты и бежали за Иртыш, при этом спешную переправу через реку им обеспечили сибирские казаки, направлявшиеся на лодках за солью. Чокур со своими союзниками не стал дальше преследовать Байбагаса и откочевал прочь от Иртыша к верховьям Эмбы, где была запланирована зимовка улусов с целью дальнейшего наступления на ногайские улусы¹⁴.

Как видим, этот источник немного по иному интерпретирует ход и участников сражения 1625 г. Дербетский Далай-Батур здесь выступает не как посредник, а как прямой участник и сторонник Чокура. Также он ясно характеризует политический расклад в ойратском обществе, что оно не представляло собой единое целое, а делилось, по крайней мере, на две крупные группировки. Здесь только вызывает вопрос, что же все-таки в дальнейшем произошло между Чокуром и его соратниками – Далай-Батуром и Хо-Урлюком, которые спустя какое-то время уже выступили как противники Чокура.

Но были и другие свидетельства, указывающие, что в том сражении победили Хара-Хула и Байбагас, а Чокур бежал за Каракумы, где был разбит казаками, после чего удалился под уфимские волости. Русский пленник, бежавший из улуса Хо-Урлюка, сообщал иное: «Бьются Урлюк с Чокуром, идут великие бои». Основываясь на сообщениях мирзы Алея о том, что Чокур осенью 1625 г. кочевал совместно с Далай-Батуром и входил в число старших тайшей, а Хо-Урлюк удалился на север, где искал себе места

---

¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 28, 29; ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 289, 290.

для кочевков и вошел с этой целью в сношения с русскими властями, можно сделать вывод, что «партия» Чокура вышла из кровавой распри победительницей, но во время борьбы возникли недоразумения уже между Чокуром и Хо-Урлюком, что последний был разбит и удалился на север под Тару¹⁵.

Значительно дополнили сведения об этих событиях и сообщения вышедшего из калмыцкого плена русского человека по имени Антон, полученные от него в Астрахани в ноябре 1628 г. Он сообщал, что проживал в хошутском улусе и невольно оказался свидетелем событий 1625 г. По его данным, у Байбагаса на момент конфликта насчитывалось более 20 тыс. улусных людей, а у Чокура – менее 20 тыс. человек. Оба брата до ссоры долгое время кочевали «меж себя неподалеку и были в совете». Неизвестно, в чью пользу закончилось сражение в 1625 г., но Чокур со своими сторонниками отошел к башкирам в Уфимский уезд. В 1626 г. Байбагас в результате военного похода разбил Чокура, и тот был вынужден бежать на юг – в Среднюю Азию, к низовьям реки Сырт¹⁶.

После столкновения Чокур и его сторонники с улусами перекочевали к верховьям реки Эмбы. Расположившись в непосредственной близости от Большой Ногайской орды, они, несомненно, представляли серьезную угрозу ногаям. Последние, конечно, были в курсе о передвижениях ойратов и сообщали об этом в астраханскую администрацию. Улусные ногайские люди между собой делились пессимистическими настроениями касательно возможных будущих ойратских набегов: «Только де, государь, на них придут калмыцкие люди войною и их повоюют, и в те де, государь, поры твоим государевым астраханским ратным руским людям помочи им учинить будет не мочно»¹⁷.

¹⁵ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 63–64.

¹⁶ ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 315, 316.

¹⁷ ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 292.

Первыми, кто вошел в контакт с прикочевавшими на Эмбу ойратами, были алтыульские татары, которые, не желая быть у русских в подданстве, удалились из-под Астрахани. По сообщению татарина Акана в Астрахани, в начале 1626 г. в улус алтыульского мирзы Шайнека прибыли послы от тайшей Далай-Батура, Мангыта и Батура с предложением о заключении мира и ведении совместных военных действий против общих недругов. Улусы указанных тайшей в это время кочевали в Приаральских Каракумах и Барсучьих песках, примерно в 15 днях пути от улуса Шайнека¹⁸.

По всей видимости, здесь находились зимние кочевья дербетских улусов, а весной они могли вновь подниматься вверх по Тургайской ложбине на летние пастбища, поближе к сибирским городам. Нахождение на таком отдаленном расстоянии, возможно, было вызвано и опасениями ответных силовых действий со стороны Байбагаса и Хара-Хулы. Заключение мирного договора с алтыульскими татарами говорит только об отсутствии у дербетских тайшей на тот момент каких-либо устремлений в западном направлении.

В ходе продолжающейся междоусобной войны отношения ойратов с соседями складывались в целом благоприятно. С Казахской ордой у них был заключен мир, а с Ургенчем и Бухарой открытой войны не было. В Таре было получено известие, что между Табытаем, Далай-Батуром и Хо-Урлюком идет бой, тарские воеводы всерьез стали опасаться такого близкого соседства¹⁹. По мнению С.К. Богоявленского, все это свидетельствовало о том, как быстро росла сила ойратов, несмотря на их столкновения с соседями и внутренние распри²⁰.

¹⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 221, 222; ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 294.

¹⁹ ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 301.

²⁰ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 64.

Но у группировки Чокура отношения с казахами в дальнейшем стали складываться не так благополучно. В начале 1627 г. один из ближайших сторонников Чокура, торгутский тайша Мерген-Темене, с улусом в 10 тыс. человек расположился рядом с кочевьями казахского хана Есима и с ним «учинился в миру». Приехавший с Эмбы в Астрахань татарин сообщал, что летом 1627 г. казахский хан Есим совместно с ташкентским правителем Турсуном во главе 10-тысячного войска внезапно напал на торгутов и «многих калмыцких людей побил и в полон поймал». Во время этих событий Есим казнил Турсуна, который пытался избежать кровопролития и для этого вступил в переговоры с торгутами, а голову его отправил к бухарскому хану Имам-кули, что стало сигналом для последнего, и тот двинулся на Ташкент. Мерген-Темене с остатками своих улусных людей, испытывая острый недостаток в лошадях и скоте, бежал к реке Сырт (Сырдарья)²¹.

Согласно сведениям из русских источников, можно прийти к выводу, что появление ойратов на Эмбе было связано с поражением группировки Чокура от казахов. По сообщению стрельцов в Астрахани, побывавших в плену у алтыульцев, осенью 1627 г. объединенные силы сторонников Чокура численностью до 40 тыс. воинов, в ответ на вероломное нападение казахского хана Есима на улус Мерген-Темене летом этого года, ходили на казахов войною, но снова потерпели от них сокрушительное поражение. Силы Чокура и его соратников рассеялись, а около 2 тыс. ойратов, таким образом, оказались в верховьях Эмбы. Отсюда они отправили пятерых посланцев к алтыульским мирзам Султанаю и Шейх-Мухаммеду с предложением объединиться и совершить совместный набег на

---

²¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 442; ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 309;

ногайские улусы под Астраханью. Но мирзы отказались, сославшись на малочисленность и желание уйти кочевать в Туркестан или под Ургенч²².

Таким образом, в течение 1627 г. группировка Чокура дважды подверглась разгрому со стороны казахского хана Есима. Отсюда можно прийти к выводу, что первое появление ойратов на Эмбе было связано именно с поражением группировки Чокура от казахов. Военные неудачи, как правило, сопровождавшиеся значительными потерями скота и имущества, требовали от кочевников искать новые возможности пожить за счет более слабого соседа. Часть ойратов выступала за то, «чтоб идти войною на нагайские улусы, а другая де половина их говорят, чтоб им на нагайские улусы войною не ходить»²³.

Алтыульские мирзы в это время окончательно рассорились с русскими властями, поскольку в конце 1627 г. ограбили отправленного к ним из Астрахани посланца Якова Бухарова, а часть сопровождавших его людей убили. Именно этот случай стал причиной отправки весной 1628 г. из Астрахани стрелецкого карательного отряда на Эмбу, в ходе которого были разбиты улусы Султана и Шейх-Мухаммеда²⁴. После разгрома своих становищ царскими войсками алтыульские мирзы задумались о пути дальнейшей миграции. Султан предлагал откочевать под защиту хивинских или казахских ханов; Шейх-Мухаммеду и его брату Кулаю более подходящим направлением миграции казались бухарские владения. Кроме того, была возможность присоединиться к туркменам или калмыкам. Во время этих споров произошла даже ссора между Султанаем и Шейх-Мухаммедом, которые стали кочевать порознь. Однако выбора ориентации им не остави-

²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 2. Л. 342, 343.

²³ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 64–65.

²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 354–358.

ло вмешательство ойратов, которые подошли вплотную к алтыульским становищам²⁵.

О первых контактах ойратов с астраханской администрацией становится известно, когда зимой 1627/28 года в Астрахань для переговоров приехали алтыульский Алей-мирза с двумя ойратскими посланцами. Как оказалось, инициатором их отправки была супруга тайши Батура, которая с детьми кочевала по Эмбе в 5 днях пути от устья реки. Вверх по реке от них также кочевали небольшие разрозненные группы ойратов, а в 12 днях пути от Эмбы располагался улус торгутского тайши Мерген-Темене. Всего их в общей сложности насчитывалось около 3 тыс. улусных людей, и они испытывали серьезные материальные трудности: «животиною и лошадми скудны», так как в течение 1627 г. дважды подверглись разгрому со стороны казахского хана Есима. Супруга тайши Батура призывала алтыульских мирз кочевать с ней совместно, чтобы сообща противостоять «недругам» или совершить на них набег. Но мирзы предпочли все-таки кочевать отдельно от ойратов, сославшись на зимнюю непогоду²⁶.

Весной 1628 г. в семье Чокура произошла ссора, приведшая к уходу тайши от своей старшей супруги Мазики. Женщина вместе с сыном Доржи и другими мелкими тайшами с более тысячью своих людей откочевали на Эмбу. Летом того же года младший брат Доржи, тайша Данашир, в сопровождении 20 человек отправился на Иртыш с целью выяснения обстановки в ойратском обществе, а точнее – отношение других тайшей к Чокуру: «нет ли на отца ево от ково войны». А уже перед осенним набегом на ногайские улусы тайши Ухандыр, Дай-Батур и 10 других

²⁵ *Трепавлов В.В.* Алтыулы: остатки Ногайской орды в казахских степях // Вестник Евразии. М., 2001. № 2. С. 43.

²⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 137, 138.

молодых тайшей с Султанаем и 5 мирзами «учинили меж себя клятву и пошли на ногайские улусы войною»²⁷.

Возможно, что Чокур и его соратники в условиях постоянной внешней военной угрозы сознательно дистанцировались от общеойратских дел. Более того, именно они часто были виновниками нападений на ясачных людей Московского государства, с которым другие тайши в условиях продолжающейся войны с монголами пытались построить мирные отношения. По мнению С.К. Богоявленского, так называемые союзные тайши преследовали тех своих собратьев, которые всячески отказывались принимать участие в общих предприятиях, направленных на обеспечение безопасности всего ойратского общества²⁸. Ситуацию усугубила и смерть Байбагаса, которая произошла примерно в 1628 г. и в которой, скорее всего, был повинен именно Чокур.

Как следствие всех этих действий образовалась так называемая «античокуровская» коалиция, ойратские тайши начинают повсеместно преследовать Чокура и его людей. Некоторые из тайшей, первоначально входившие в состав группировки Чокура, постепенно стали его покидать. По сведениям казака Бурнаша Муромцова и юртовского татарина Келмамета Бетяшова, побывавших в улусе Чокура и в начале октября 1628 г. вернувшихся в Тюмень, хошутский тайша с зятем, торгутским Дайчином, кочевали совместно, так как существовала угроза, «что Талай, Урлюк и иные тайши Чокуру-тайши хотят убить». Очевидно, что у Дайчина на тот момент существовали серьезные разногласия с отцом Хо-Урлюком. Однако ситуация была настолько серьезной и небезопасной для молодого торгутского тайши, что он под давлением отца и нависшей над

---

²⁷ ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 315, 316.

²⁸ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 66.

ним угрозы физического истребления все-таки откочевал от тестя. Именно с 1628 г. у ойратских тайшей наступает окончательное решение по поводу будущего Чокура: «чтоб ево однолично, где ни сойти, да убить»²⁹.

Все это вынуждает Чокура спасаться бегством за реку Ишим и искать у Тобола, выше Тюмени, место для зимовки. Неожиданное появление ойратов в Тюменском уезде заставляет местные власти предпринять ряд срочных мер, направленных на обеспечение безопасности русского и ясачного населения. Однако это не помогло местным татарским охотникам, ходивших на зверя в районе Тобола. Так, в октябре 1628 г. к Чокуру в плен попали четверо татар-зверовщиков, которые были полностью ограблены (взяты охотничья добыча, оружие и личные вещи) и около суток насильно удерживались в хошутском улусе. Если трое из них были вскоре отпущены, то четвертого татарина по неизвестным причинам Чокур у себя задержал. По наблюдениям татар, улус Чокура, который насчитывал около 400 человек, кочевал вверх по Тоболу, к северу от Черной речки³⁰, в 5 дней пути от Тюмени. Хошутский тайша с детьми испытывал серьезные проблемы по поводу безопасного места для зимнего кочевания. Он даже по этому вопросу советовался с пленными татарами³¹.

Осенью они перебираются на Эмбу. По свидетельствам очевидцев, у Чокура и его соратников в общей сложности насчитывалось примерно 3-4 тыс. улусных людей. Непосредственно вместе с Чокуром кочевало 400 человек. По другим данным, воинов у данной группировки насчитывалось 6 тыс., в том числе 800 с огнестрельным оружием³².

²⁹ МИРМО. М., 1959. С. 145.

³⁰ Река, протекающая по территории современной Курганской области.

³¹ МИРМО. М., 1959. С. 145.

³² МИРМО. М., 1959. С. 145.

Цифры о численности ойратов, как видно из показаний различных свидетелей того времени, сильно разнятся. Это можно объяснить стремительными передвижениями ойратских улусов по огромной территории, постоянными их столкновениями с соседями и людскими потерями.

Осенью 1628 г. вспыхнул новый конфликт между ногайцами. Воспользовавшись ситуацией, алтыульские мирзы срочно отправили калмыкам на Эмбу предложение о совершении совместного набега против ногайцев. В ноябре в Астрахань прибыл раненный конный стрелец М. Яковлев, со слов которого стало известно, что 31 октября, ночью на заре, ногайский улус Мамбет-Сеина (сына Кары Кель-Мухаммеда) подвергся внезапному нападению ойратов. Большинство ногайцев не смогло организовать должного сопротивления и просто разбежалось, а М. Яковлев был ранен в плечо из лука. Улус Кель-Мухаммеда срочно прикочевал к переправе на реку Бузан. Астраханские власти сформировали отряд под началом стрелецкого сотника М. Шабликина для преследования ойратов. По сведениям стрелецкого головы С. Осичкова, ногайцы в момент сражения бросили стрельцов и сбежали, а самим служивым людям пришлось в окружении отсидеться в тележном городке, захватив в плен двух татар³³.

По показаниям пленников, данные ими в ходе допроса в Астрахани, становятся известны отдельные эпизоды последних событий. Пленник Зулейхан сообщил, что последний набег на ногайцев совершили люди хошутского тайши Доржи, сына Чокура. Кроме того стало известно, что еще до усобицы Чокур с братом Байбагасом и зятем Дайчином кочевали в урочищах Улек Кабале и Чюдете, что в 10 днях от Уфы и 20 днях от верховьев Эмбы. Всего у трех тайшей насчитывалось до 30 тыс. улусных людей.

³³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 18, 19.

После вооруженного столкновения с Байбагасом в 1625 г. Чокур с 10 тыс. своих людей бежал за «Черные пески» (Каракумы) в Туркестан, к местному хану, а его сын Доржи со своими людьми остановился в верховьях Эмбы. Позже казахи внезапным ударом разбили улус Чокура, который, потеряв 400 человек убитыми и 1000 пленными, бежал на север, в Сибирь, в урочище Карачав (в месяце пути от Уфы), а затем и в урочище Каракул (в 10 днях пути от Уфы). Отсюда в 1627 г. Чокур пытался войти в контакт со своим братом Байбагасом, «чтоб им быть меж себя в дружбе и в совете». Байбагас пошел навстречу Чокуру и приказал брату присоединиться к нему. Но летом 1628 г. Чокур неожиданно прикочевал к своему сыну в урочище Урачин, в 15 днях пути от Эмбы. Доржи объединял вокруг себя таких же молодых тайшей, у которых общая численность улусных людей составляла примерно 4 тыс. человек. Здесь они установили отношения с алтыульскими мирзами, уступившими калмыкам «угожие кочевные места и сайгачьи ловли». В ходе переговоров Султанай предложил Доржи совершить совместный набег на едисан, так как у него имелась информация, что после междоусобного столкновения с другими ногайцами едисанские улусы во главе с Канаем отошли к Яику и были плохо защищены³⁴.

Другой пленник, алтыулец Мурзыгелдей, дополнил, что с Доржи в последнем набеге принимали участие 2 тыс. ойратов под началом Мерген-Темене, Батура, Куена, а также 250 алтыулов мирз Султаная, Мамая, Урака, Шамамета и Юсупа. Сбор их отрядов произошел в междуречье Яика и Эмбы. На Эмбе с Чокуром осталось примерно 3–4 тыс. ойратов, и он в указанное время не предпринимал активных действий, поскольку боялся «приходу на себя мунгальских калмык»³⁵.

³⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 20–24.

³⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 27–30; ИКРИ. Алматы, 2005. Т. 1. С. 312–314.

Как видим, в этих событиях не участвовал Чокур, который со своим улусом откочевал к северу. Уфимский толмач Ф. Кондратьев сообщал в Самаре, что в 1628 г. видел торговых людей Чокура под Уфой. По его словам, в группировке Чокура состояли четверо тайшей, и у них в общей сложности насчитывалось более 10 тыс. улусных людей³⁶. По сообщению тюменского воеводы П. Пушкина, осенью 1628 г. Чокур кочевал по Тоболу, в пяти днях от Тюмени, а его улусные люди самовольно заняли охотничьи угодья местных сибирских татар. Здесь калмыцкий тайша искал места для кочевья, чтобы провести зимовку. В декабре П. Пушкину удалось организовать против ойратов экспедиционный отряд, состоящий из 272 боярских детей и служилых татар, под командой Б. Внукова и Н. Молчанова. Однако, Чокур, не приняв боя, своевременно с улусом откочевал вверх по Тоболу к верховьям реки Ик³⁷.

Слухи о намерении ойратов перейти в Волго-Яицкое междуречье вызвали среди ногайцев новую волну паники. В октябре в Астрахани объявился выходец из калмыцкого плена ногаец Белек, со слов которого стало известно, что ойраты и алтыулы кочуют в низовьях Эмбы и готовят очередной набег на ногайские улусы. После погрома ногайцев калмыцкие тайши планировали кочевать примерно в 70 верстах от Астрахани – в урочище Кондаки, как они сами объясняли, «потому что те кандаковские места изстари были их калмыцкие кочевные места»³⁸. Алтыулы угрожали остальным ногайцам выгнать их всех на правый берег Волги, а самим с калмыками кочевать в междуречье³⁹.

На основании сведений из русских источников можно прийти к выводу, что появление ойратов на Эмбе было

³⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 45.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. 1628 г. Д. 8. Л. 1–5.

³⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 285, 286.

³⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 37, 38.

связано с поражением группировки Чокура от казахов. Силы Чокура и его соратников рассеялись, а около 2 тыс. его улусных людей, таким образом, оказались в верховьях Эмбы. Отсюда они отправили пятерых посланцев к алтыульским мирзам, Султанаю и Шейх-Мухаммеду, с предложением объединиться и совершить совместный набег на ногайские улусы под Астраханью. Но мирзы отказались, сославшись на малочисленность и желание уйти кочевать в Туркестан или под Ургенч⁴⁰.

О первых контактах ойратов с астраханской администрацией становится известно, когда зимой 1627/1628 года в Астрахань для переговоров приехали алтыульский Алей-мирза с двумя калмыцкими посланцами. Как оказалось, инициатором их отправки была супруга тайши Батура, которая с детьми кочевала по Эмбе в 5 дней пути от устья реки. Вверх по реке от них также кочевали небольшие разрозненные группы ойратов, а в 12 дней пути от Эмбы располагался улус торгутского тайши Мерген-Темене. Всего в общей сложности ойратов насчитывалось около 3 тыс. улусных людей, и они испытывали серьезные материальные трудности: «животиною и лошадми скудны», так как в течение 1627 г. дважды подверглись разгрому со стороны казахского хана Ишима. Супруга тайши Батура призывала алтыульских мирз кочевать с ней совместно, чтобы сообща противостоять «недругам» или совершать на них набеги. Но мирзы предпочли все-таки кочевать отдельно от ойратов, сославшись на зимнюю непогоду⁴¹.

Астраханские власти не имели возможности противопоставить ойратам значительные военные силы, ограничившись лишь дополнительным усилением охраны ногайских улусов⁴². Очередная вспышка междоусобицы в но-

⁴⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 2. Л. 342, 343.

⁴¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 137, 138.

⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 287.

гайской среде и усиливавшееся давление ойратов вынудили правящую верхушку ногайцев в 1629 г. обратиться к Москве с прошением взять на себя управление ордой⁴³.

В марте 1629 г. Канай располагал сведениями, что алтыгулы численностью в 500 человек кочуют за Эмбой в урочище Шам, ойраты на правом берегу Эмбы, у реки Оил. По словам едисанского перебежчика Бердыгула, всего ойратов насчитывалось около 5 тыс. человек. Весной они планировали очередной набег на владения Каная⁴⁴. Но ни весной, ни летом этого года ойратских набегов не наблюдалось. В сентябре ногайские перебежчики вновь предупреждали Каная о готовящемся набеге, но уже со стороны Мерген-Темене, кочевавшего около Яика и у которого в наличии имелось до 2 тыс. человек. Канай, не дожидаясь очередного набеге, просил астраханские власти подкрепления для упреждающего удара по ойратским улусам, тем более что численность их была весьма мала. Но воеводы, не владея точной информацией о численности ойратов, не решались без царского указа отправить своих служилых людей в столь далекий поход и ограничились лишь охраной ногайских улусов⁴⁵.

Осенью 1629 г. 30 едисан-ногайцев ходили под калмыцкие улусы на Эмбу и отогнали 130 лошадей. Отряд в 50 ойратов сумел их нагнать, и в ходе боя они взяли в плен ногайца Беша Бегемышева. Через две недели ногайца отпустили в Астрахань, чтобы тот передал воеводам следующие слова: «Они, калмыцкие тайши, преж сево были в холопстве под твоею государскою высокою рукою и кочевали блиско Сибири на реке Иртышу. И тому де государь ныне другой год, учиня они с своею братею с ойраты меж себя рознь и войну, пришли с улусы своими кочевать

⁴³ *Трепавлов В.В.* История... С. 407.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 205.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 43–47, 260.

на реку на Емму, а ныне кочуют блиско Яика. И их бы калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми принять... под твою царского величества высокую руку в холопство и велети б им с улусы своими кочевать по реке Ембе и по Яику». Всего у этой группы улусов насчитывалось 5 тыс. ойратов и 1 тыс. алтыулов, в том числе 800 человек с «огненным боем». Улусные люди Чокура серьезно опасались прихода хошутских тайшей Гуши и Дургучи (Кунделена-Убаши), братьев Байбагаса, у которых в общей сложности насчитывалось 20 тыс. воинов, а также их союзника – казахского Кучука Салтана, имевшего в распоряжении 10 тыс. воинов⁴⁶.

Астраханские власти положительно отреагировали на просьбу Чокура и его сторонников и отправили к ним того же ногайца Беша и 5 юртовских татар с уведомлением, чтобы те прислали в Астрахань для переговоров послов и аманатов. Ойратам указывалось кочевать за Эмбой и не приходить войной на астраханских ногайцев. Алтыульским мирзам предлагали отойти от ойратов и вернуться под Астрахань⁴⁷.

Чокур и его сторонники всерьез опасались удара с востока, и эти опасения были не беспочвенны. Еще летом 1629 г. отряд в 300 человек под командой Шектуя, из улуса Чокура, совершили набег на Каратабынскую волость Уфимского уезда. В результате этого нападения были убиты 14 башкир и 60 человек взято в плен. В Уфе местные власти ошибочно посчитали, что набег совершили люди Далай-Батура. Воевода Иван Желябовский отправил в дербетские улусы, кочевавшие в это время на Иртыше, посольство во главе с боярским сыном Артемием Гладышевым и толмачом Федором Кондратьевым. Но в райо-

⁴⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 289–293; *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 65.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 293–295.

не реки Ишим посольство было ограблено все теми же людьми Чокура. Отряд в 60 человек не стал уничтожать посольство, а «взяли их за шертью [и по]тому не побиили, только переграбя, отпустили». Спустя 9 дней, посланцы столкнулись с дербетским отрядом из 240 человек, которые помогли им лошадьми, продовольствием и провожатыми, чтобы те могли добраться через 7 недель до ставки Далай-Батура, располагавшуюся на реке Чюдет⁴⁸.

В момент приезда посольства дербетского правителя в улусе не было, так как тот в это время находился в походе. Супруга Далай-Батура срочно дала знать своему мужу о приезде к нему делегации из Уфы. Через 10 дней посланцы были уже на приеме у тайши. Со слов Кондратьева, Далай-Батур, выслушав наказ уфимского воеводы, провел личный молебен о здоровье государя: «учал о государственном здоровье бога молить». Выяснилось, что дербеты не имели никакого отношения к набегу на Каратабынскую волость. В подкрепление своих намерений на следующий день тайша с детьми еще раз «шертовал» перед уфимскими посланниками, «что им быти под государевою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Сын Далай-Батура, Доржи, лично от себя «шертовал», что, как только из Москвы вернутся дербетские послы, то он лично выедет в столицу⁴⁹.

В качестве компенсации за утраченное имущество и длительную поездку посланцы получили от Далай-Батура подарки. Например, тот же Гладышев получил коня и ясыря из улуса Чокура, а Кондратьеву достались «конь, девка и шуба лисья». Гладышеву и Кондратьеву пришлось «поневоле» дать за себя шерть, что обязательно еще раз вернуться в улус с дербетскими послами, Балту и Бочеем,

---

⁴⁸ МИРМО. М., 1959. С. 151.

⁴⁹ МИРМО. М., 1959. С. 151.

отправленных с ними. Выехали они к Уфе от реки Калутан в конце октября 1629 г.⁵⁰.

Неизвестно, был ли в курсе событий сам Чокур, по его ли заданию были совершены эти акции, но ограбление русского посольства, направлявшегося к Далай-Батуру, считалось ничем иным, как оскорблением самого дербетского предводителя. Жесткий его ответ не заставил себя долго ждать. Уфимские посланники были свидетелями, как при них Далай-Батур и Гуши организовали карательную экспедицию против улусов Чокура и Мерген-Темене, обитавших в степях Северного Прикаспия. Официальная мотивировка организованной ими военной акции звучала так: «они (т.е. Мерген-Темене и Чокур. – *В.Т.*) государю непослушники, и на государевы города приходят войною, и башкирцев побивают, и в полон емлют, а ему (Далай-Батуру. – *В.Т.*) де они недруги». Численность данного войска, по сообщению послов, доходила до 40 тыс. человек. В коалицию также входили хошуты Гуши, занявшего место брата Байбагаса, и торгуты Хо-Урлюка. Участвовать в походе против Чокура выразили желание и джунгары, но Далай-Батур им отказал, заявив, что справится своими силами. Исключение было сделано только тайше Зенгулу, свату Далай-Батура, чей улус располагался по соседству с Чокуром, с которым он также находился во враждебных отношениях. В это время джунгары были охвачены новым военным столкновением с Алтын-ханом, и уфимцы были свидетелями приезда в дербетский улус монгольских послов с просьбой не оказывать помощи Хара-Хуле. По слухам, дошедшим до Кондратьева, в конфликт пришлось даже вмешаться представителям буддийского духовенства, прибывшим из «Китайского государства». Далай-Батур заранее уведомил Гладышева, что с войсками будет

---

⁵⁰ МИРМО. М., 1959. С. 151.

зимовать на реке Оил, в 10 днях пути от Уфы, заверив, что возвратит весь башкирский полон, захваченный Чокуром⁵¹.

Слухи о готовящемся нападении, видимо, дошли до Чокура и его сторонников, так как в начале 1630 г. их группировка, опасаясь прихода «больших калмыков», предусмотрительно перекочевала с Эмбы на Яик, где приняла участие в нападении на местных казаков. В мае 1630 г. самарский воевода Борис Салтыков сообщал в Москву, что яицкие казаки с семьями просят на житье в Самаре из-за массового наплыва ойратов на Яик. В небольших казацких городках, разбросанных по Яику, проживало в общей сложности всего лишь 300 казаков. Зимой 1629/1630 года люди Чокура атаковали казацкие городки. На приступе многие из числа нападавших ойратов были убиты и ранены. Взятые во время боя раненые ойраты сообщали, что у них война с «большими калмыками», а они пришли кочевать по Яику вплоть до Волги с прицелом захватить улусы Большой Ногайской орды. Позже все калмыцкие пленники скончались от ран.

22 апреля, во время осады людьми Чокура казачьих городков, неожиданно с тыла им совершили нападение союзные ойраты, практически полностью разгромив их. Большинство улусных людей Чокура и его соратников были уничтожены или пленены. Уцелевшие сторонники Чокура бежали вниз по Яику к морю, где в районе Соленого городка вновь вступили в бой с местными казаками. Ойраты при штурме использовали деревянные щиты и огнестрельное оружие, но снова были разбиты. Казакам в этих условиях стало довольно трудно жить на Яике, поскольку пришедшие ойраты расположились по обоим берегам реки, заняв дороги и разбив все принадлежавшие

---

⁵¹ МИРМО. М., 1959. С. 151, 152.

им учуги. Часть яицких казаков, не выдержав калмыцкого вторжения, вынуждена была по воде мигрировать на Волгу и Дон⁵².

Довольно интересные сведения об этих событиях сохранились и в показаниях ногойцев, попавших в плен к казакам. Первый из них, Ештей, в Самаре сообщал, что попал в плен к калмыкам на Эмбе и жил в улусе тайши Хандера, соратника Чокура. Союзные тайши из-за Эмбы, с района урочища Барсучьи Копани, двинулись против Чокура, располагавшегося в урочище Карадуван на Яике. Союзники Чокура, алтыкульские татары во главе с Султанамем, бежали в район Ургенча. Другой ногоец, Денай Девлетев, попал в калмыцкий плен примерно в 1624–1625 гг. во время набега ойратов на Яик под командованием Зоройкту. Он также жил в улусе Хандера и стал невольным свидетелем войны между Чокуром и Байбагасом. По сведениям Деная, ближайшими сторонниками Чокура выступали тайши Мерген-Темене и Хандер, причем каждый из них самостоятельно управлял своим улусом. Всего у них насчитывалось более 4 тыс. улусных людей. С осени 1629 г. и до весны 1630 г. указанные трое тайшей кочевали по Яику, пока здесь не разгромили их Далай-Батур и Гуши с 10-тысячным войском. Денай слышал от пленных ойратов, что у захваченного в плен Хандера «союзные» ойраты выкроили ремни со спины и казнили, Чокур был убит в бою, а судьба Мерген-Темене так и осталась неизвестной. Столь суровая расправа с Хандером, видимо, была связана с тем, что тот якобы был повинен в убийстве Байбагаса в 1628 г. Тот же Денай, который около 5–6 лет удерживался в плену во владении у Хандера, прямо указывал: «И был он у Хандеря-тайши [улусех], а в ту де пору был у них [тай]

⁵² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 36–39.

ша Байбагош и его в войне [убили]. А на его Байбагошово место учинился тайшею брат его Чекур»⁵³.

Уцелевшие сторонники Чокура разбежались и затаились на время в северной прибрежной части Каспия. Улусы Далай-Батура и Гуши расположились в это время в Приаральских Каракумах, в месяце пути от Эмбы⁵⁴.

Таким образом, впервые калмыцкие улусы появились в степях Северного Прикаспия с целью поселения здесь в 1628 г. Это был хошутский улус супруги и сына Чокура – Мазики и Доржи. Приход их на реку Эмба в этом же году можно считать началом отсчета пребывания ойратов в данном регионе. Позже, потерпев поражение от казахов, сюда со своими соратниками прибудет Чокур, тем самым численно увеличив присутствие ойратов в Прикаспии. Период с 1628 по 1630 гг. можно рассматривать как начало поселения ойратов в степях Северного Прикаспия.

3.2. Территориальный вопрос в русско-ойратских переговорах

После разгрома группировки Чокура дербетские улусы расположились кочевьем в районе, охватывавшем территорию от верховьев Эмбы до Приаральских Каракумов. Далай-Батур по достоинству оценил новые для себя земли: торговые пути, близость крупных российских и среднеазиатских рынков, обилие рек и богатых пастбищ, относительно теплый климат в зимнее время. Немаловажное значение имели территориальная удаленность от неприятельских сил в лице Алтын-хана, а также соседство слабых в военном отношении кочевых народов. Все эти преимущества и привлекли внимание дербетских тайшей к этим землям. Оставалось только согласовать с Москвой

---

⁵³ МИРМО. М., 1959. С. 150.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 39–44.

вопрос о предоставлении возможности кочевания здесь. Как показали дальнейшие события, предводитель дербетов решил самостоятельно форсировать решение территориального вопроса.

Еще осенью 1629 г. Далай-Батур отправил в Уфу старшего сына, в русских документах фигурирующего под именем Доржи, с просьбой принять дербетов в подданство. Доржи шертовал в Уфе за отца, за братьев и всех своих людей в том, «что им быть под царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Кроме того, в Москву Далай-Батур отправил послов Балту и Баучина с аналогичной просьбой и всячески добивался разрешения перекочевать дербетским улусам с Приаральских Каракумов под уфимские волости. Дербетские послы также сообщали, что их глава с семерыми сыновьями (Чово-Мерген, Майдар, Дайчин, Омбо, Доржи, Токчу, Кокун) кочует в верховьях Эмбы. Рядом с ними кочевал сват Далай-Батура – хошутский тайша Дургучи (Кунделен-Убаши) с братом Гуши⁵⁵. С.К. Богоявленский просьбу Далай-Батура связывал с опасностью, исходившей от Алтын-хана⁵⁶.

Дербетские послы прибыли в Москву в апреле 1630 г., а 16 (26) числа были на приеме в Посольском приказе у дьяков Ефима Телепнева и Максима Матюшкина. Послы Балта и Баучин от лица своего тайши Далай-Батура передали следующую просьбу: «прислали их ко государю [т] айш их Талай-тайш бити челом, чтоб государь его пожаловал, велел его принята под свою царскую высокою руку в холопство и велел бы ему кочевать блиско Уфинского города, и своим государевым уфинским руским людем и башкирцем обиды ему чинити не велел. А Талай деи тайша сын Мерзи-тайш в Уфинском городе государю правду

⁵⁵ МИРМО. М., 1959. С. 148–149, 153–154.

⁵⁶ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 66.

дал, шерть учинил за, отца своего и за братью и за всех своих калмытцких людей на том, что им быть под царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным и быть в его царском повеление и в послушанье и служить ему, государю, и прямить»⁵⁷.

Дьяки Посольского приказа приветствовали желание дербетского тайши принять подданство, что, по их словам, «великий государь их пожалует, учнет их держать в своем царском милостивом жалованье и от недругов их в защищенье и во обороне». Царские власти интересовали и такие вопросы, например, сколько времени пути у них заняло расстояние от кочевий Далай-Батура до Москвы, настоящее место кочевания дербетского тайши, сколько у него под началом находится тайшей и количество воинских людей⁵⁸.

Послы удовлетворили любопытство дьяков, поведав им, что выехали они из кочевий в Уфу осенью 1629 г. Далай-Батур с улусами кочевал в верховьях Эмбы, «в большом займище на Черном Песке блиско Юргенчи». Рядом с тайшей находились и четверо его сыновей, старший из которых был «Дуржи-тайш» (Доржи), «а иных де калмытцких тайшей с ними вместе нет». Воинских людей у Далай-Батура насчитывалось 16 тыс. человек, а у его сыновей в общей сложности – 20 тыс. воинов. Дербетский тайши очень серьезно рассчитывал на положительный результат переговоров и на их продолжение: «А как де, государь, тайша их Талая з детьми его пожалует, велит их принять под свою царскую высокую руку, и таиш де их Талай хочет к государю к Москве прислать сына своего Дуржи-таиша, которой в Уфинском городе государю правду дал, шерть учинил»⁵⁹.

⁵⁷ МИРМО. М., 1959. С. 148.

⁵⁸ МИРМО. М., 1959. С. 148.

⁵⁹ МИРМО. М., 1959. С. 148, 149.

Дьяки были в курсе дел о шертных обязательствах старшего сына дербетского правителя, которые тот дал в Уфе за себя, отца, братьев и улусных людей, чтобы «им [бы]ть под царскою висо[кою рук]ою в прямом холопстве навеки неотступным и быть в его царском повеленье и в послушанье и служить ему, государю, и прямить». Также молодой дербетский тайша обязался выдать царской стороне весь башкирский «ясырь», находившийся у них в улусах, и впредь не причинять вреда государевым людям – башкирам и ногаям. Послы еще раз заверили, что тайши их «на своей правде и шерти стоять учнут и никоторого дурна государевым людем от них не будет, а башкирской ясырь отдадут весь»⁶⁰.

Проблема набегов на переговорах был актуален. На вопрос дьяков, кто из ойратских тайшей в прошлом году совершил грабительский набег на ногайские улусы князя Каная, нуредина Каракел-Мамет-мирзы и других мирз, то дербетские послы прямо указали, что к этому были причастны Чокур и его сторонники. Среди них упоминался торгутский Мерген-Темене, алтыульский мирза Шейдяк с братьями. По словам послов, несмотря на большое расстояние между группировками улусов Чокура и Далай-Батура, последний вместе со сватом, Сююргун-тайшею, все-таки совершил военный поход против хошутского тайши и его сторонников. При этом они подчеркнули, что «А Чокур де таиш и Менгер-Теменя-тайш их тайшей и Сююнгур-тайшу искони вечные недруги»⁶¹.

10 мая 1630 г. дербетские послы получили аудиенцию у царя Михаила Федоровича, и в русских архивных документах сохранились сведения о том, как проходил этот официальный прием. Из государевой конюшни послам

---

⁶⁰ МИРМО. М., 1959. С. 149.

⁶¹ МИРМО. М., 1959. С. 149.

предоставили лошадей для проезда в Посольскую палату, возле которой на площади стояли вооруженные стрельцы всех приказов. Там их уже ждали царь, бояре и окольные в позолоченных платьях, а само помещение было расписано золотом. Послов царю представил думный дьяк Е. Телепнев, начавший свою речь следующими словами: «Великий государь и великий князь Михаил Федорович Всея Руси самодержец и многих государств обладатель, калмыцких Далай-тайши да Доржи-тайши послы, Балта да Баучи, Вам, великому государю, челом ударили». После того как послы передали государю пожелания и просьбы своих тайшей, им подали «государево жалованье»⁶².

Официальный царский ответ послы получили только в начале июля 1630 г. 4 июля их снова приняли в Посольском приказе дьяки Телепнев и Матюшкин. Ответ заключался в перечислении обязательств дербетских тайшей, которые после заключения ими шерти, должны были находиться под «царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступно», и «великому государю служили». Послам было обещано их народ «держат в царском милостивом жалованье и в призренье и от недругов в обороне и в защищенье». По поводу территориального вопроса царские власти заключили дословно следующее: «А что тайши их бьют челом государю, чтоб им кочевать блиско Уфинского города, и только тайшей их кочевать блиско Уфинского города, и от них, калмытцких людей, Уфинского уезду башкирцом будет теснота и обида. И тайши б их кочевали от Уфинского города подале, чтоб меж их и башкирцев ссоры не было, а нагайские люди к зиме приходят в Уфинские вершины для изделий, и чтоб меж их ссоры не было»⁶³.

---

⁶² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 17–19.

⁶³ МИРМО. М., 1959. С. 154.

Как видим, переговоры в Москве по вопросу получения дербетами разрешения кочевать в степях Северного Прикаспия проходили довольно сложно. По поводу «башкирского вопроса», то у дербетских послов на этот счет была своя позиция, которую они сразу же и изложили: «от них, от калмытцких людей, башкирцом тесноты и обиды никоторые не бывало и вперед не будет, только б башкирцы их не задирали, а прежде сего от башкирцев были им многие обиды». В качестве примера они привели случаи, когда какое-то время назад сибирские татары уничтожили ойратское посольство из семи человек, направлявшееся в Тобольск. Нападавшими были захвачены 100 лошадей, из которых удалось вернуть только 60 голов. Позже нападению башкир на Яике подвергся улус зятя Далай-Батура, сына тайши Голугеня, были захвачены 4 кибитки и «взяли 4 двора да 4 тайшевых жон да дочь, и ныне они на Уфе». В то же время люди Далай-Батура задержали 10 башкир, и послы просили их обменять на уфимских пленниц⁶⁴.

Однако дьяки сослались на отсутствие в Москве каких-либо сведений об указанных случаях. Со своей стороны они только пообещали отправить в Уфу царский указ: «и велит про то сыскати и по сыску указ учинити». В подтверждение своей позиции царские власти указали дербетам вернуться на свои старые кочевья: «А ныне для таких ссор царское величество велел [тайшом] сказати, чтоб они шли кочевать в старые свои кочевья к сибирским городом, где преж сего кочевали, чтоб [им] с нагай и з башкирцы ссоры не бы[ло. А] где они, тайши, и учнут кочевать, а будет под царского величества высокою рукою, и царское величество учнет к ним держать свое царское милостивое призренье»⁶⁵.

---

⁶⁴ МИРМО. М., 1959. С. 154.

⁶⁵ МИРМО. М., 1959. С. 154.

Не получив дозволения кочевать на Яике, вблизи Уфимского уезда, дербетские послы предложили царским властям другой вариант. Теперь речь шла уже о районе Эмбы, где кочевали алтыульские татары, находившемся в удалении как от Астрахани и Уфы, так и от ногайских кочевий. Послы клятвенно обещали, что дербеты не будут обижать царских подданных ногаев и башкир, напомнив, что за время их 6-летнего пребывания под «государевою высокою рукою» «дурна от них никакова не бывало и вперед не будет», поскольку они «прямые холопы государевы». Послы еще раз напомнили, что Далай-Батур всячески претотвращает и улаживает какие-либо конфликты⁶⁶.

В историографии уже неоднократно высказывалось мнение о принципиальных различиях в интерпретации подданства как российскими властями, так и степными правителями. Если первые, начиная со второй половины XVI в., видели в договорных соглашениях начало безусловного подчинения и покорности царю со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, то вторые трактовали их как заключение военного союза, который вовсе не подразумевал их вечного соблюдения⁶⁷.

В качестве доказательства можно привести пример: спустя два года, в 1632 г., в Москву прибыли калмыцкие послы во главе с Мурзеем, им напомнили, что глава предыдущего посольства тайша Дорджи шертовал в Уфе о том, чтобы всем дербетам «быть под царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки». Однако Мурзей передал, что их тайши наказывали им вести переговоры с царскими властями только о мире и взаимном ненападении, «... а под царскою рукою в холопстве тайши их быти хотят ли или нет, того они (послы. – В.Т.) не ведают»⁶⁸.

⁶⁶ МИРМО. М., 1959. С. 154, 155.

⁶⁷ Трепавлов В.В. «Белый царь»... С. 143–144.

⁶⁸ МИРМО. М., 1959. С. 172.

Дербетские тайши небезосновательно надеялись, что Москва в благодарность за разгром «царских недругов» – Чокура и его соратников – разрешит им кочевать в северо-восточной части Прикаспия. Однако царская администрация, формально приняв дербетов в подданство, потребовала от их тайшей отвести свои улусы из района Эмбы и Яика на старые кочевья в Юго-Западной Сибири⁶⁹.

Отказ царского правительства был мотивирован по вполне понятным причинам. Дело в том, что те земли, которые дербеты просили для кочевки, были традиционными охотничьими угодьями «ясачных» башкир и ногаев, подданных Московского государства. Ойраты, как известно, ясак в казну не платили. Поэтому передача им этих земель означала потерю угодий и как следствие – сокращение поступлений ясака в царскую казну. Пушной промысел обеспечивал государственную казну самой надежной и стабильной на тот момент «конвертируемой валютой» в мире. Между тем конфликты между кочевниками из-за охотничьих угодий в южной части Приуралья продолжались, что приводило к сокращению доходов в казну от этого экспортного товара.

В грамоте из Посольского приказа от 12 июля 1630 г. уфимскому воеводе Ивану Григорьевичу Желябовскому указывалось выстроить тесные отношения с тайшами. С послами в Уфу отправили уфимца Алексея Лопатина и толмача Федора Кондратьева с государевым жалованьем, состоявшим из платьев, сукна и «камки» (шелковой узорчатой ткани). Причем жалованье предполагалось отвезти не в улусы, а в Уфу, куда по договоренности должны были приехать тайши и дать шерсть, «что им быть под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки не-

---

⁶⁹ МИРМО. М., 1959. С. 158, 159.

отступным и быть в нашем повеленье и в послушанье, и в Уфинской город заклады дадут». Только в этом случае тайшам полагалось жалованье⁷⁰.

По всей видимости, чтобы не сорвать переговоры и не оттолкнуть тайшей, предполагалось отправить в улусы из Уфы одного из двух дербетских послов. В случае, если бы тайши не приехали в Уфу и потребовали вернуть обоих послов, то воеводе указывалось его отпустить, но придержать жалованье⁷¹.

Таким образом, вышеизложенные события ясно показывают, что на рубеже 20–30-х годов XVII в. Далай-Батур вполне серьезно рассматривал прикаспийские степи как основное место пребывания своих улусов. Однако ему так и не удалось получить от царской администрации разрешения кочевать на данной территории. Несмотря на то, что переговоры закончились провалом, дербетский предводитель не стал обострять отношения с русскими, подчинился требованиям Москвы и принял решение вернуться на прежние места кочевок. Далай-Батур оставался последовательным в своих поступках по отношению к русским властям, являясь, таким образом, одним из немногих ойратских политиков, которые вели вполне конструктивную дипломатию и придерживались заключенных ранее договоренностей. Но его примеру не следовали другие ойратские тайши, стремившиеся приобрести для себя новые, более удобные и безопасные кочевья. Только после возвращения Далай-Батура в южные степи Западной Сибири в конце 1630 г. уже в степи Северного Прикаспия пришли торгуты Хо-Урлюка, положившие начало образованию отдельной группировки улусов, а впоследствии – нового Калмыцкого государства.

---

⁷⁰ МИРМО. М., 1959. С. 156.

⁷¹ МИРМО. М., 1959. С. 156.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что политическая история ойратов в начале XVII в. коренным образом повлияла на дальнейшую судьбу народа. С этого времени начинается активная фаза перемещения ойратских улусов в северо-западном направлении, и ойраты начинают играть заметную роль в международных отношениях не только в Центральной Азии. Опираясь на источники, можно сделать вывод, что у миграции ойратов из Центральной Азии в Сибирь было четыре главных причин:

Экологическая. Природно-климатические явления играли в жизни кочевых народов Востока огромную роль. Ухудшение климатических условий, например, аридизация (иссушение) или значительное похолодание, вызывающее сокращение кормовой базы скота, вели к угрозе голода и вынуждали кочевников мигрировать в более благоприятные районы на границе с оседлым миром, где происходили вооруженные столкновения. Если в такой исторический момент в степи оказывался сильный и удачливый лидер, способный сплотить кочевников и направить их на путь завоевания, начиналась глубокая военная экспансия¹. Русские и ойратские источники неоднократно свидетельствуют о периодах резкого похоло-

---

¹ Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.). М., 2014. С. 63, 64.

дания в Центральной Азии в начале XVII в., что, скорее всего, и приводило к массовому падежу скота и лошадей, а также поиску кочевниками новых пастбищных земель с более умеренными климатическими условиями.

Внешнеполитическая. В рассматриваемый период причиной откочевки была и внешняя угроза. Главной целью Алтын-хана было подчинение всех ойратских племен и включение их в состав своего княжества. Ойраты в конечном итоге были вынуждены отойти из восточных районов Алтая современной Западной Монголии в результате военных поражений, нанесенных им войсками Алтын-хана во второй половине XVI – начале XVII в. Растянувшаяся почти на столетие вооруженная борьба Алтын-ханов против ойратов вышла за рамки пограничных инцидентов и превратилась в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские владения.

Экономическая. Открытое вооруженное противостояние с монгольскими и казахскими феодалами лишало ойратов свободных выходов к китайским и среднеазиатским рынкам. Торговля играло большую роль в хозяйственной жизни кочевников, особенно в период роста поголовья скота. Поэтому в дальнейшем, когда ойраты вступили в непосредственные сношения с царскими властями, они добивались права продавать скот, лошадей и скотоводческое сырье на русских рынках².

Внутривнутриполитическая. По мнению И. Я. Златкина, тайша Хара-Хула пытался объединить ойратов под главенством именно цоросского дома, как это было в XV в. – во времена гегемонии их правителей Тогона и Эсена. Но другие тайши, не желая подчиняться власти цоросов, со своими улусами откочевали в районы Юго-Западной Сибири³. Главным оппонентом Хара-Хулы внутри цоросско-

² Златкин И.Я. Указ. соч. С. 66]

³ Златкин И.Я. Указ. соч. С. 139.

го дома были дербетские тайши во главе с Далай-Батуром. Именно они стали главными инициаторами откочевки в пределы Юго-Западной Сибири, чтобы там совместно с торгутскими тайшами основать собственный центр кочевий, как политический противовес джунгарским тайшам. Позже к ним присоединились и хошутские тайши, что значительно укрепило позиции Далай-Батура. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий джунгарам удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в границах созданного ими Джунгарского ханства.

Объективно территория Джунгарии не в состоянии была вместить многочисленных ойратских беженцев с имуществом и скотом из Восточного Алтая. Небольшие группы ойратов были подчинены Алтын-ханом, другая их часть впоследствии направилась в западном направлении и заняла территорию Семиречья. Хойты, например, позднее мигрировали в южном направлении, войдя в контакт с мусульманским населением Восточного Туркестана (Кашгара). Но основная масса ойратов, представленная преимущественно дербетами и торгутами, двинулась на северо-запад, вниз по Иртышу в пределы Юго-Западной Сибири. В определении путей миграции действия ойратских тайшей носили согласованный характер.

Массовые переселения кочевников из Центральной Азии на запад отмечались издавна, поскольку, будучи скотоводами, охотниками и воинами, они в силу господствовавшего у них способа производства нуждались в обширных пространствах. Демографический рост, увеличение численности поголовья скота, закончившиеся неудачей войны и как результат – сокращение пастбищных территорий вынуждали кочевое население пускаться в дальние странствия, одно из которых ойраты и совершили в XVII в.

Калмыцкие улусы, откочевавшие из Западной Монголии, расположились в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. Это были малонаселенные и почти никем не обороняемые степные пространства Юго-Западной Сибири. Ойраты стали ближайшими соседями Тарского, Тобольского и Томского уездов Московского государства. В дальнейшем этот регион становится местом постоянного присутствия ойратских улусов примерно до конца XVII в., а с 20-х годов столетия здесь формируется наиболее крупная по численности группировка улусов, включающая в себя в основном дербетов, хошутов и торгутов.

Таким образом, стоит отметить, что при всей малочисленности источников четкое понимание причин откочевки ойратов из Центральной Азии в Сибирь позволит в полной мере раскрыть весь комплекс вопросов и проблем политической истории ойратов в начале XVII в. В свою очередь это дает нам возможность понять причины складывания ойратских государств в этот переломный исторический период.

Вести о переговорах сибирских воевод с ойратами встретили поддержку в Москве. Тарскому воеводе предписывалось командировать к тайшам послов с объявлением, что Московское государство берет их под свое покровительство, обещает защиту от воинственных соседей и разрешает кочевать вверх по Иртышу. Царская грамота воеводе также содержала очень важный пункт – о разрешении калмыкам свободно приезжать в Тару для ведения торговли. На первых порах Москва решила сосредоточить в своих руках дела по осуществлению связей с калмыками, не передоверяя их сибирским воеводам. Для окончательного оформления присяги на подданство настоятельно рекомендовалось приглашать тайшей непосредственно в столицу.

Иначе в это время складывались отношения ойратов с Алтын-ханом, который объективно на тот момент был сильнее ойратов и стремился обложить их ясаком. Последние же искали поддержки у Московского государства⁴. По-видимому, при заключении шертей калмыцкие тайши рассчитывали на вполне конкретную военную помощь русских, а не просто на предоставление им рынков сбыта своей продукции. Но правительство, не располагая достаточными силами для ведения активных военных действий в Сибири, стремилось к мирному разрешению пограничных споров и охотно принимало калмыцких послов⁵.

Очевидно, что Далай-Батур действовал вполне самостоятельно, и его авторитет в ойратской среде позволял ему единолично вести переговоры с Москвой, в том числе и по вопросу о принятии подданства. Однако в его группировку входили далеко не все ойратские тайши. Например, Хара-Хула, Тургень, Бугак, Табутай и Малдышера действовали самостоятельно. Все они, кроме Хара-Хулы, автономно сносились с Тарой, шертовали и просили разрешения посылать своих торговых людей.

Как видим, у ойратов в это время не было единой жесткой организации в обычном понимании, поскольку каждый улус был независим в принятии решения, но при этом только по вопросам не касавшимся всех или нескольких улусов. Лишь общая проблема или угроза объединяли эти автономные образования и способствовали временной консолидации⁶.

Общее признание формальной власти дербетского тайши со стороны его соратников – торгутского Хо-Урлюка и

⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 8.

⁵ МИРМО. М., 1959. С. 52, 53; Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / Под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967. С. 85, 87.

⁶ Любимов Ю.В. Указ. соч. С. 48.

хошутского Чокура – можно рассматривать как признание Далай-Батура «первым среди равных». Такой роли, как известно, ранее удостаивался хошутский тайша Байбагас. Обычно такие союзы скреплялись династическими браками между старшими правителями улусов.

Власть дербетского Далай-Батура распространялась и на определенную часть Казахской орды и киргизских племен. Однако его взаимоотношения с Алтын-ханом продолжали оставаться напряженными, и положение дел складывалось не в пользу ойратов.

Таким образом, первые сношения с ойратами ознаменовались заключением тайшами шерти (договоров) с Московским государством, посещением ойратскими послами Москвы и отправлением ответных посольств от правительства в ойратские улусы. Период в 1607–1609 гг. нужно рассматривать как начало установлению русско-калмыцких отношений. Заинтересованность в обеспечении кочевьями, развитии экономических связей с Московским государством и укреплении обороны от соседей заставляли ойратов искать поддержки у русских властей. Ойратские тайши обращались к правительству с просьбой о защите тогда, когда до предела осложнялись их отношения со степными соседями. Однако, как уже отмечалось, царское правительство не располагало в Сибири достаточными ресурсами для оказания вооруженного отпора, поэтому всячески стремилось к мирному разрешению пограничных конфликтов и охотно принимало миролюбивые инициативы ойратов.

Таким образом, начальный период русско-ойратских отношений охватывает время с момента появления в Западной Сибири значительного числа кочевников-ойратов в последние годы XVI в. и примерно до конца второго десятилетия XVII в. Этот период характеризуется установле-

нием оживленных дипломатических и торговых отношений между Русским государством и кочевыми группами ойратов – дербетов и торгутов, входивших в северо-западную группировку. Ойратские тайши, прочно обосновавшиеся кочевьями у границ русских владений в Сибири, терпя поражения от своих более могущественных соседей – казахских ханов и восточномонгольского Алтын-хана, вынуждены были согласиться принести шерть на подданство русскому царю. Представители тайшей посещали с дипломатической миссией Москву и сибирские города, в свою очередь, в улусы ойратских правителей ездили ответные посольства от сибирских властей. Тем самым было положено начало вхождению в состав Русского государства этой части ойратов, получивших с того времени новое этническое наименование «калмыки». Однако принятие ими русского подданства не было единовременным актом, оно продолжалось несколько десятилетий.

Не раз взаимоотношения между Русским государством и ойратскими тайшами омрачались их набегами на сибирские волости и грабежом местного населения, равно как и нередкими случаями насилия и лихоимства со стороны отдельных представителей сибирских властей, что приводило к конфликтам, порою выливающимся в вооруженные столкновения. Однако не это определяло характер русско-ойратских отношений, а то обстоятельство, что обе стороны были в равной мере экономически и политически заинтересованы в поддержании и развитии добрососедских отношений и мирной торговли. Опираясь на авторитет и защиту Русского государства, ойраты смогли выстоять в борьбе со своими врагами.

Столкнувшись с укрепленными пунктами сибирских городов Московского государства, миграция ойратов, начиная со второго десятилетия XVII в., получила уже за-

падное направление. Обойдя с севера казахские кочевья, ойратские улусы проследовали по маршруту вдоль рек Иртыш, Ишим и Тобол, достигли степной части Тургайской ложбины, откуда двинулись на юго-запад, добравшись почти до Приаральских Каракумов. После этого движение их снова получило западное направление, теперь уже вдоль рек Эмба, Яик и Волга. В ходе продвижения они сталкивались с новыми для себя соседями – ногаями и башкирами.

По всей видимости, ойратам были необходимы новые охотничьи угодья, поскольку в степях южной части Западной Сибири таковые уже были заняты ясачными народами, находившимися под защитой русских военных отрядов. Движение ойратов в яицком направлении не встретило сильного сопротивления. Первоначально это были всего лишь разведывательные отряды, искавших в том числе и пути для возможной миграции на запад в случае неудачных военных действий на восточном направлении против Алтын-хана.

Причиной тому послужило тяжелое положение ойратов: разгорелась очередная война с казахами и Алтын-ханом. Под давлением неприятелей ойратские улусы отступили к Ишиму и уфимским волостям. Вновь встал вопрос о восстановлении отношений с русскими властями. Чтобы найти выход из создавшегося положения хошутский тайша Байбагас созвал съезд старших тайшей, среди которых были Далай-Батур, Хо-Урлюк и Чокур. Как видим, в период военной опасности во главе данной группировки снова встал Байбагас, шертовавший за всех тайшей перед послем из Уфы. Собрание, состоявшееся в улусе Чокура, приняло решение «быть под царской рукой», вернуть в Уфу всех пленных башкир и в дальнейшем не нападать на их волости. Позже в Уфе калмыцкие послы «шертова-

ли» в подданстве за всех тайшей и сибирского царевича Ишима, просили разрешения в будущем посылать в Уфу торговых людей со скотом. Посол Байбагаса отправился в Москву, где заявил, что его тайша бьет челом за всех калмыцких людей о принятии «под высокую царскую руку»⁷.

Наступление войск Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. Продвижение в степи Северного Приаралья и Прикаспия ойраты считали оправданными, поскольку этот регион представлялся им вполне безопасным, так как находился на весьма отдаленном расстоянии от неприятельских сил.

Отношения с соседями, как отмечалось выше, ухудшало и то обстоятельство, что ряд молодых тайшей без разрешения на то старших тайшей совершали набеги на московских подданных. Именно они своими необдуманными действиями вызывали ответную силовую реакцию царских властей. В условиях постоянного военного давления со стороны восточных и южных соседей старшие тайши пытались сохранить хрупкий мир с Москвой.

Победа ойратов над Алтын-ханом в 1623 г. не принесла им долгожданного мира, поскольку в дальнейшем обострилась уже внутренние противоречия. События 1625 г. оказались не только трагическими для ойратской истории, расколов общество на два враждебных лагеря, но и послужили новым импульсом миграции кочевников в западном направлении. Первопричиной междоусобных конфликтов, возникавших время от времени в ойратской среде, в основном являлись внутрисемейные разборки.

---

⁷ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 60–61.

Согласно сведениям из русских источников, можно прийти к выводу, что появление ойратов на Эмбе было связано с поражением группировки Чокура от казахов. Военные неудачи, как правило, сопровождавшиеся значительными потерями скота и имущества, требовали от кочевников искать новые возможности поживиться за счет более слабого соседа.

Возможно, что Чокур и его соратники в условиях постоянной внешней военной угрозы сознательно дистанцировались от общеойратских дел. Более того, именно они часто были виновниками нападений на ясачных людей Московского государства, с которым другие тайши в условиях продолжающейся войны с монголами пытались построить мирные отношения. Ситуацию усугубила и смерть Байбагаса, которая произошла примерно в 1628 г. и в которой, скорее всего, был повинен именно Чокур.

Таким образом, впервые ойратские улусы появились в степях Северного Прикаспия с целью поселения здесь в 1628 г. Это был хошутский улус супруги и сына Чокура – Мазики и Доржи. Приход их на реку Эмба в этом же году можно считать началом отсчета пребывания ойратов в данном регионе. Позже, потерпев поражение от казахов, сюда со своими соратниками прибудет Чокур, тем самым численно увеличив присутствие ойратов в Прикаспии. Период с 1628 по 1630 гг. можно рассматривать как начало поселения ойратов в степях Северного Прикаспия.

После разгрома группировки Чокура дербетские улусы расположились кочевьем в районе, охватывавшем территорию от верховьев Эмбы до Приаральских Каракумов. Далай-Батур по достоинству оценил новые для себя земли: торговые пути, близость крупных российских и среднеазиатских рынков, обилие рек и богатых пастбищ, относительно теплый климат в зимнее время. Немаловажное

значение имели территориальная удаленность от неприятельских сил в лице Алтын-хана, а также соседство слабых в военном отношении кочевых народов. Все эти преимущества и привлекли дербетских тайшей к этим землям. Оставалось только согласовать с Москвой вопрос о предоставлении возможности безопасного для себя кочевания здесь. Как показали дальнейшие события, предводитель дербетов решил самостоятельно форсировать решение вопроса о кочевьях.

В историографии уже неоднократно высказывалось мнение о принципиальных различиях в интерпретации подданства как российскими властями, так и степными правителями. Если первые, начиная со второй половины XVI в., видели в договорных соглашениях начало безусловного подчинения и покорности царю со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, то вторые трактовали их как заключение военного союза, который вовсе не подразумевал их вечного соблюдения⁸.

На рубеже 20–30-х годов XVII в. Далай-Батур вполне серьезно рассматривал прикаспийские степи как основное место пребывания своих улусов. Однако ему так и не удалось получить от царской администрации разрешения кочевать на данной территории. Несмотря на то, что переговоры закончились провалом, дербетский предводитель не стал обострять отношения с русскими, подчинился требованиям Москвы и принял решение вернуться на прежние места кочевок. Далай-Батур оставался последовательным в своих поступках по отношению к русским властям, являясь, таким образом, одним из немногих ойратских политиков, которые вели вполне конструктивную дипломатию и придерживались заключенных ранее договоренностей. Но его примеру не следовали другие ойрат-

---

⁸ *Трепаевлов В.В.* «Белый царь»... С. 143–144.

ские тайши, стремившиеся приобрести для себя новые, более удобные и безопасные кочевья. Только после возвращения Далай-Батура в южные степи Западной Сибири в конце 1630 г. уже в степи Северного Прикаспия пришли торгуты Хо-Урлюка, положившие начало образованию отдельной группировки улусов, а впоследствии – нового Калмыцкого государства.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ***Российский государственный архив древних актов***

Фонд 119. *Калмыцкие дела.* Описание 1: 1616 г. Д. 1; 1618 г. Д. 1; 1621 г. Д. 1, 2; 1630 г. Д. 1.

Фонд 127. *Сношения России с ногайскими татарами.* Описание 1: 1613 г. Д. 1; 1614 г. Д. 2; 1616 г. Д. 1; 1622 г. Д. 1; 1626 г. Д. 1; 1627 г. Д. 1; 1628 г.; Д. 1, 2; 1629 г. Д. 1.

Фонд 214. *Сибирские дела.* Описание 1. Книга 11; Описание 4: 1628 г. Д. 8; 1660 г. Д. 53.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1841.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842.

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / Под ред. Н.А. Попова. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1639 гг. СПб., 1894.

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / Под ред. Н.А. Попова. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 гг. СПб., 1901.

Батур Убаши Тюмень. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 125-154.

Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 84–107.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1846.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1857.

История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Алматы, 2005.

История калмыцких ханов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 113-119.

Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 2.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666 – июнь 1670 гг. / Сост. Е.А. Швецова. М., 1954.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 2. М., 1957.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 3. М., 1962.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 4. М., 1976.

Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса, 1879.

Літопис Самовидця / видання підготував Я.І. Дзира. Київ, 1971.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.-Л., 1936.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сб. документов / Сост. Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1974.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М., 1996.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М.-Л., 1938.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып.3. Ч. 1. Л., 1933.

О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 3. СПб., 1884.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892.

Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Т. 1, 5. С 1649 по 1675. СПб., 1830.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Заяпандиты / Пер. с ойрат. Г.Н. Румынцева и А.Г. Сазыкина. СПб., 1999.

Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.: АН СССР, 1958.

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672-1675 гг. / Сост. Н.М. Рогожин, М.М. Батмаев. Элиста, 2003.

Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875.

Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 26. Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909.

Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 29. Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913.

Русская историческая библиотека Министерства Народного Просвещения. Т. 34. Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып.1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961.

Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995.

Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста, 1993.

Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.

Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве (XIII – 60-е гг. XVII века). Элиста, 2007.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.

Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.

Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47. № 7. С. 1–28.

Вернадский Г.В. Историческая основа русско-калмыцких отношений // Калмыцко-ойратский сборник / Под ред. А.Э. Борманжинова, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 11–50.

Веселовский Н.И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 365–370.

Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М., 2014. 608 с.

Златкин И.Я. Зая-Пандита – как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970. С. 21–39.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1964.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009.

История Башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа, 2011. Т. III.

Кашин В.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края XVII–XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 7–8. М., 1934.

Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966.

Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства в составе России (1607-1664): автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т народов Азии, КНИИЯЛИ. М.-Элиста, 1963.

Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994.

Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках // Известия Российской академии наук. № 12-15. 1919. С. 791–822.

Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005.

Лыткин Ю.С. Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / Сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 390–468.

Любимов Ю.В. Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. М., 2008. С. 46–55.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М., 2002.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005.

Мияваки-Окада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством / Пер. с англ. Е. Бойковой // Altaika IV. М., 2000. С. 58–72.

Мияваки-Окада Дж. Калмыцкие тайши в начале XVII века / Пер. с англ. В. Санчирова // Altaika IV. М., 2000. С. 70–77.

Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1834.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.

Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / Под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967.

Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / Сост. А.М. Джалаева. Элиста, 2007.

Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. I. Астрахань, 1926; Ч. 5. Астрахань, 1932.

Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXLIV. Отд. 2. 1886. С. 140–170.

Попов А. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1886. Ч. XXII. Отд. 2. С. 17–46.

Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 49–83.

Преображенская П.С. Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Автореф. канд. дис. М., 1963.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010.

Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984.

Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.

Санчилов В.П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 года // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2009. № 2. С. 14–18.

Санчилов В.П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. М., 2011. № 29. С. 67–73.

Санчилов В.П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения 20–30-х гг. XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 2. С. 2–23.

Смирнов Н.А. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII–XVIII вв. // Воссоединение Украины с Россией. 1654–1954. М., 1954.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1991.

Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трыярски Э. Сообщения поляков о калмыках с 1870 года / Пер. Дениса Романова // <http://www.m-m.sotcom.ru/8-10/prushins.htm>.

Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. № 24. 1947. С. 30–110.

Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.

Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азии в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып.3. Ч. 1. А., 1933. С. 61–88.

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y., 1992.

Miyawaki, Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1991. Vol. 83.

Miyawaki, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyirad Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260.

Электронное издание

Тепкеев Владимир Толтаевич

ОЙРАТЫ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура Bookman. Усл.-печ.л. 24,75.

Заказ № 17-15.